

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2020 – № 2 (4)

Ярославль
2020

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries :
научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 2 (4). – 113 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4.
2020, № 2 (4). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Данэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Инзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуши**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, декан факультета дополнительного профессионального образования, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1. Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020

© Юго-Западный университет КНР, 2020

© Авторы статей, 2020

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky», Southwest University of the People's Republic of China, The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2020. – № 2 (4). – 113 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4.

2020, № 2 (4). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuji**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Dean of the Faculty of Additional Professional Education, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of the Economic Theory and Management of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2020
© Southwest University of the People's Republic of China, 2020
© Authors of articles, 2020

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Се Чжоу, Чжан Цзэмин Восприятие России современной китайской студенческой молодежью 5

Ерохин В. Л. Арктика в российско-китайских отношениях: от политики к экономике.....26

Страдина Е. А. Государственное регулирование сферы культуры в России: противоречия и возможности 37

ФИЛОЛОГИЯ

Гао Шаопин Эстетическая адаптация при переводе художественного текста 46

Ван Ляньцзнь Перевод имен собственных с русского на китайский язык (на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка»).....57

Воронина О. Ю. Алгоритм структурирования мета модели периодизации истории китайского языка. 66

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Чжэн Тиу, Пономарева М. Г. «Ярославский текст» в творчестве А. Ф. Иванова-Классика.....75

Гуань Линли Трагические мотивы военной литературы в интерпретации Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия Победы в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах. 87

Коржова И. Н. Возвращение горсти земли: отражение и трансформация народного обычая в русской поэзии 1941-1945 гг.....97

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....107

Условия публикации статьи в научном журнале «МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН» и требования к оформлению рукописей.....111

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Xie Zhou, Zhang Zemin The perception of Russia by modern Chinese students.....6

Erokhin V. L. Arctic in Russia-China Relations: From Politics to Economics 26

Stradina E. A. State regulation of the sphere of culture in Russia: contradictions and opportunities 38

PHILOLOGY

Gao Shaoping Aesthetic adaptation in literary translation 47

Wang Liancen The translation of proper names from Russian into Chinese (on the material of O. Mandelshtam's novella "Egyptian stamp") 57

Voronina O. Y. The algorithm of meta-model constructing of the Chinese language history periodization 67

CULTURAL SCIENCE

Zheng Tiwu, Ponomareva M. G. "Yaroslavl text" in the work of A. F. Ivanov-Classic.....76

Guan Linli Tragic motives of military literature as interpreted by Vasil Bykov and You Feng Wei – to the memory of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Sino-Japanese wars 87

Korzhova I. N. The return of a handful of earth: reflection and transformation of folk custom in Russian poetry of 1941-1945 97

INFORMATION ABOUT AUTHORS 109

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts 113

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.5

Се Чжоу

<https://orcid.org/0000-0001-8753-7182>

Чжан Цзэмин

<https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Восприятие России современной китайской студенческой молодежью

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Се Чжоу, Чжан Цзэмин Восприятие России современной китайской студенческой молодежью // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 5-25. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-5-25

В статье описаны результаты социологического исследования представлений современной китайской студенческой молодежи об истории и культуре России, обоснована актуальность и значимость для дальнейшего развития китайско-российского сотрудничества подобного исследования, позволяющего оценить настроения современной китайской молодежи и ее отношение к России в новую эпоху. В статье описывается процедура проводимого с июня по август 2019 года эксперимента, реализованного при помощи компании «Beijing Zero Data», создавшей веб-страницу и базу данных вопросника, описывается онлайн-анкетирование в университетах, обосновываются принципы отбора респондентов для анкетирования по возрастному и гендерному признакам, а также по сфере профессиональной деятельности и политическому статусу. Охарактеризованы основные группы вопросов анкетирования, выявляющие различные аспекты как субъективных взглядов китайской молодежи на Россию и личных впечатлений о стране, так и знаний студентов об истории и географии России, современной политической и демографической ситуации, религиозных и культурных институтов; произведен анализ деятельности китайских СМИ по продвижению государственного имиджа России, выявлены факторы, способствующие, по мнению китайских студентов, двусторонним дружественным отношениям между Китаем и Россией: культурная коммуникация, международная торговля и технологическое сотрудничество, в меньшей степени стратегическое и военное сотрудничество. Приведена статистика и произведен анализ ответов респондентов, сделаны выводы о дальнейших перспективах молодежного сотрудничества между Китаем и Россией.

Ключевые слова: государственный имидж, социальная эмоция, СМИ, российско-китайские отношения, социологический опрос, онлайн-анкетирование, китайская молодежь, межкультурная коммуникация.

Xie Zhou, Zhang Zemin

The perception of Russia by modern Chinese students

The article shows the results of sociological study of modern Chinese students' ideas about Russian history and culture, as well as the novelty and importance of a present research for further development of Chinese-Russian cooperation which gives the opportunity to assess modern Chinese young people's opinions and their attitude to Russia in a new epoch. The article describes the process of the experiment which lasted from June to August of 2019 and was made with the help of «Beijing Zero Data» company which created a web-site and questionnaire database. The author of the article gives the description of online questioning in the universities, justifies the principles of choosing the respondents for questioning according to the age and gender and takes into consideration professional activity and political status. The article shows main groups of questions reflecting different aspects of both subjective views of Chinese young people on Russia and their personal impressions of the country, and the knowledge of the students of History and Geography of Russia, modern political and demographic situation, religious and cultural institutes. The article analyses the work of the Chinese Mass Media on the promotion of state image of Russia and shows the factors which would help bilateral friendly relations between China and Russia, cultural communication, international trade and technological cooperation and in a less degree strategic and military cooperation according to Chinese students' opinions. The article gives statistics and analysis of respondents' answers, makes conclusions about further perspectives of youth cooperation between China and Russia.

Key words: state image, social emotion, Mass Media, Russian-Chinese relationships, sociological survey, online questioning, Chinese young people, intercultural communication.

Россия и Китай являются близкими соседями, их общая граница составляет более 4 300 км. Обе страны представляет собой великие державы, ведь Россия имеет самую большую территорию в мире, а Китай – самое большое количество населения. Длительное историческое общение между Россией и Китаем прошло путь от сложных политических отношений до взаимопонимания и сотрудничества. С начала XX века ни одна страна в

мире не оказала такого огромного влияния на Китай, как Россия (включая Российскую Империю, Советскую Россию и Советский Союз). В конце XX – начале XXI вв. сотрудничество между Китаем и Россией в политической, экономической, военной, научно-технической и культурной областях постоянно укрепляется. Шанхайская организация сотрудничества, совместно созданная Китаем и Россией, стала образцовой моделью

регионального сотрудничества в мире. После того, как В. В. Путин вступил в должность президента России в 2000 году, российско-китайские отношения продолжали развиваться. 16 июля 2001 года по инициативе Цзян Цзэминя – тогдашнего Председателя КНР, был подписан договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». Россия стала первой страной, которую посетил глава КПК Си Цзиньпин в качестве главы государства – председателя КНР [Посол РФ в КНР ...]. В мае 2015 года Китаем и Россией подписано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Этот новый план двустороннего делового сотрудничества между Китаем и Россией в рамках проекта «Один пояс и один путь» вывел китайско-российские отношения на новый уровень. В июне 2019 года председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин нанес государственный визит в Россию и принял участие в 23-м Санкт-Петербургском международном экономическом форуме. В ходе визита главы двух стран выступили с совместным заявлением: «Вступая в новую эпоху, российско-китайские отношения получают дополнительные возможности для еще более масштабного развития» [Совместное заявление РФ и КНР ... , с. 1].

В этом процессе постоянного развития и совершенствования отношений между двумя странами особая роль отводится молодежи. Молодежь – это будущее нации, будущее китайско-российских отношений и народов двух стран. Между тем, контакты между молодыми людьми двух стран пока остаются достаточно ограниченными. Совершенно разные пути перехода на «экономические рельсы» в Китае и России совершенно по-разному отразились на воспитании молодежи двух государств. Социологи соглашаются, что у китайской и российской молодежи имеются точки соприкосновения. Нынешнее поколение молодых китайцев и молодых россиян выросло в период демографического спада в двух странах. Это поколение сталкивается с более жесткой конкуренцией на рынке труда, позже заводит семью, и очень похоже в своих потребительских привычках. Однако ввиду национальной специфики, у молодых людей двух стран все же больше различий, чем точек соприкосновения. И эти различия не способствуют установлению новых контактов между странами. За последние годы китайско-российские экономические отношения значительно углубились. Но в китайско-российских отношениях не хватает гуманитарной составляющей. И чтобы восполнить этот вакуум, китайцы и россияне должны больше знать друг о друге. Именно так представители подрас-

тающего поколения двух стран смогут оказать непосредственное влияние на политическую и экономическую составляющую стратегического партнерства. Именно этим и обусловлена актуальность предпринятого нами социологического исследования, цель которого – выявить отношение современной китайской молодежи к России, выяснить, насколько глубоки ее знания о России, каким предстает в глазах молодых людей имидж Российского государства. Исследование представлений студентов об имидже России очень важно для нас, чтобы точно оценить настроения современной китайской молодежи и ее отношение к России в новую эпоху. Чтобы предоставить более новую, научную и точную информацию и данные для изучения, с июня по август 2019 года наша исследовательская группа провела анкетный опрос «Эмоции современных китайских студентов в отношении России».

Метод опроса: Время анкетирования: 03.06.2019–14.08.2019. В рамках этого проекта мы поручили компании «Beijing Zero Data» создать веб-страницу и базу данных вопросника, а также провели онлайн-анкетирование в университетах, включая университеты проекта 985 и 211 (это проект по развитию системы высшего образования в Китае, основная цель которого – при сотрудничестве с местными правительствами вывести на мировой уровень несколько ведущих университетов Китая), а также

обычные вузы, в итоге 215 университетов, расположенных в различных районах Китая. В процессе опроса число непосредственных участников достигло 2013 человек, получено в общей сложности 1 490 выборочных проб, удалено 74 выборки, которые не соответствовали требованиям, и в итоге получено 1 416 действительных выборов.

Информация о респондентах: Возраст учащихся, участвующих в онлайн-опроснике, от 18 до 30 лет, что соответствует возрастным рамкам понятия «молодежь» (см. Табл. 1).

Таблица 1.
Возраст респондентов

	Число респондентов	Процент %
18-22 лет	787	55,6
23-26 лет	585	41,3
27-30 лет	36	2,5
Более 30 лет	8	0,6
Итого	1416	100,0

Соотношение полов (молодые люди – девушки) составляет соответственно 44 %: 56 %, что в выборке эффективно снижает погрешность, на которую влияет гендерный фактор (см. Табл. 2).

Таблица 2.
Информация о респондентах

	Число респондентов	Процент %
Мужской	623	44,0
Женский	793	56,0
Итоги	1416	100,0

Специальности опрошенных респондентов можно посмотреть в Табл. 3. Группа проекта сознательно не включила в число респондентов, изучающих русский язык, чтобы получить мнение о России обычных людей, не занимающихся специально ее изучением.

Таблица 3.

Специальности опрошенных респондентов

	Число респондентов	Процент %
Философия	20	1,4
Экономика	130	9,2
Юриспруденция	79	5,6
Педагогика	111	7,8
Литература	204	14,4
История	22	1,6
Естественные науки	157	11,1
Инженерия	311	22,0
Агрономия	38	2,7
Медицина	126	8,9
Менеджмент	173	12,2
Военная наука	3	0,2
Отказ от ответа	42	3,0
Итого	1 416	100,0

Важным для исследования явилось и то, что 86,7 % среди респондентов составили члены Коммунистической партии (в том числе кандидаты в члены партии) и члены Коммунистического союза молодежи Китая.

Таблица 4.

Политический статус студентов

	Число респондентов	Процент %
Коммунистической партии (в том числе кандидаты в члены партии)	332	23,4
Коммунистический союз молодежи Китая	897	63,3
Другие партии	32	2,3
Без партии	155	10,9
Итого	1 416	100,0

Содержание опроса: В анкете был задан 31 вопрос, вопросы затрагивали следующие аспекты:

Информация о респондентах

Кроме вышеизложенной информации о поле, возрасте и сфере деятельности, респондентам были заданы вопросы: «Вы были в России?» и «У вас есть друзья, которым нравится русская культура?». Эти два вопроса, с одной стороны, позволяют увидеть, есть ли у китайских студентов представление о России, основанное на личном опыте, а, с другой стороны, выявить, каким образом мнение друзей как важный фактор влияет на отношение студентов к России.

Желание узнать Россию.

Мы предложили три простых вопроса: «Хотите вы посмотреть русские фильмы или телевизионные сериалы?», «Хотите вы поехать в Россию, если у вас есть возможность путешествовать?», «Хотите вы познакомиться с русскими, если у вас есть возможность?» Эти вопросы позволяют непосредственно узнать, есть ли у студентов Китая желание познакомиться с Россией. После сбора информации мы обнаружили, что с 2016 по 2018 год количество выезжающих из Китая туристов увеличивается с каждым годом, а в 2018 году количество выезжающих туристов достигло 149,7 млрд, и Россия является значимым местом для китайских туристов, путешествующих в Европу [中国旅游研究院、携程旅游大数据

... , с. 1]. Количество китайских туристов в России в 2018 году превысило 2 млн [中国互联网络信息中心 ... , с. 3], поэтому результаты анкетирования, безусловно, свидетельствуют об интересе китайских молодых студентов к России.

Представления и знания о России

В этой части анкеты мы задали следующие четыре вопроса, затрагивающие четыре аспекта, касающиеся русских городов, политики, населения и религии: «Какие из этих городов принадлежат России?» (соответствующие ответы: «Москва», «Санкт-Петербург», «Минск», «Одесса», «Рига», «Тула», «Вильнюс», «Казань», «Ереван»); «Как зовут нынешнего российского президента?» (соответствующие ответы: «Борис Путин», «Владимир Путин», «Иван Путин», «Александр Путин»); «Какова численность населения России?» (соответствующие ответы: «80-90 миллионов», «130 миллионов», «180 миллионов», «более 200 миллионов»); «Какая религия наиболее распространена в России?» (соответствующие ответы: «Православие», «Католицизм», «Политеизм», «Ислам», «Протестанство», «Буддизм»). Эти вопросы несложные, поскольку подобная информация часто упоминается в новостных телесообщениях.

Субъективные взгляды на Россию и личные впечатления о стране, которые касаются российской политики, экономики, культуры и так далее.

Эта часть является основной в данной анкете. Эти вопросы отражают мнения и эмоции молодых китайских студентов относительно имиджа российского государства: «Какая страна или регион, по вашему мнению, ближе к России с точки зрения ее национальной системы и модели социального развития?» (соответствующие ответы: «Евросоюз», «США», «Китай» и «Япония»); «Россия поддерживает или угрожает миру во всем мире?»; «Что вы думаете об общем влиянии России на международное сообщество в настоящее время?»; «Вы с оптимизмом смотрите на перспективы развития России?»; «Как вы относитесь к распаду Советского Союза?» (соответствующие ответы: «Надеюсь, что Советский Союз можно восстановить», «Испытываю глубокое сожаление», «Жаль, но это результат неизбежного исторического развития», «Положительно», «Это заговор немногих политиков», «Неизвестно»); «Что вы думаете о феномене двух человек: г. Путина и г. Медведева, избираемых президентами по очереди?» (соответствующие ответы: «В. В. Путин ищет и воспитывает преемников», «Россияне больше доверяют президенту В. В. Путину», «Политическая игра», «Неизвестно»); «Считаете ли вы, что территориальная проблема в истории Китая и России является камнем преткновения в развитии российско-китайских отношений?»; «Создает ли у вас плохое впечатление о России возвра-

щение Крыма?»; «Как вы думаете, какое влияние Россия оказала на развитие Китая в прошлом веке?»; «Как вы думаете, каков преимущественный настрой китайских СМИ в сообщениях о России?» (соответствующие ответы: «Позитивный», «Негативный», «Нейтральный», «Неизвестно»); «За последние два года вы размещали или комментировали информацию о России в Интернете?» (соответствующие ответы: «Похвальные отзывы», «Нейтральные отзывы», «Ничего не написал»); «Вы общались с русскими студентами в вузах и какое впечатление они произвели на вас?» (соответствующие ответы: «Не общался», «Отличное впечатление», «Хорошее впечатление», «Нормальное впечатление», «Плохое впечатление», «Очень плохое впечатление»); «Какое общее впечатление о России у вас?» (соответствующие ответы: «Отличное», «Хорошее», «Нормальное», «Плохое», «Очень плохое»).

Основываясь на анализе ответов на вопросник, мы пришли к следующим выводам, которые последовательно изложим далее.

Характеристика знания китайских студентов о России

Анализируя ответы на вопросы о желании узнать Россию мы можем хорошо видеть, что молодые китайские студенты имеют сильное желание узнать Россию. Среди 1 416 респондентов у большинства есть желание смотреть русские фильмы или телевизионные сериалы, по-

ехать путешествовать и познакомиться с русскими (количество соответственно составляет 1 258, 1 341 и 1 334). Нетрудно увидеть, что более 90 % китайских студентов интересуются Россией. Но 4 простых вопроса, выявляющие, насколько хорошо они узнали Россию, показывают, что студенты располагают недостаточной информацией о России, и даже половина из них не знают, как зовут нынешнего российского президента (им хорошо известна только его фамилия). Про численность населения и религию менее 50 % студентов ответили правильно. При этом у студентов сложились не вполне благоприятные впечатления о России, поскольку противоречивый имидж России на международной арене в определенной степени повлиял на эмоции и мнение китайской молодежи. Почти половина респондентов (включая 42,9 %, чьи ответы являются «угрожает» и «неизвестно») не верят в то, что Россия поддерживает мир во всем мире, а также почти половина респондентов (43,7 %) ответили, что решение проблемы Крыма произвело на них негативное впечатление.

Что касается мнения студентов о российско-китайских отношениях, 44,5 % респондентов четко заявили, что территориальная проблема в истории России-Китая не является камнем преткновения для развития российско-китайских отношений (34,6 % респондентов считают «да» и 20,9 % респондентов «неизвест-

но»). Фактически 14 октября 2008 г. последняя проблема границы между Россией и Китаем уже была решена на Большом Уссурийском острове. В тот же день оба министерства иностранных дел подписали договор «О границе между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на ее Восточной части» и приложения к нему. На протяжении всей истории до распада Советского Союза, когда две страны договаривались о пограничных проблемах, ситуация напряженности между Россией (Советским Союзом) и Китаем постепенно ослабевала. На фоне напряженности между Советским Союзом и Китаем пограничные переговоры были официальным каналом связи между двумя странами. По этой причине мы считаем, что спор о границах способствовал нормализации отношений между двумя странами. Отныне пограничная проблема полностью решена, и отношения между двумя странами находятся на лучшем в истории этапе. Что касается территориальной проблемы и ее влияния на развитие российско-китайских отношений в будущем, об этом нельзя судить в настоящее время. Проблемы, оставшиеся от истории, могут быть решены только в истории. И отношения между великими державами в конечном итоге часто меняются из-за изменения интересов обеих стран. Кроме того, только половина респондентов (55,6 %) считают, что Россия оказала положи-

тельное влияние на развитие Китая за последние 100 лет. Остальные респонденты считают, что влияние является «небольшим» (12,9 %), а некоторые даже считают, что оно «негативное» (16,1 %). 15,4 % респондентов ответили на этот вопрос «неизвестно». По результатам этих вопросов мы видим, что современные китайские студенты осмысленно относятся к советской помощи Китаю в прошлом и к разрыву китайско-советских отношений, они не критикуют вслепую, а могут трезво оценивать отношения между великими державами.

В целом, мы можем сделать следующие выводы: молодые китайские студенты имеют желание узнать Россию, но у них недостаточно общих представлений о стране и не всегда позитивные впечатления о России.

Общая направленность китайских СМИ отличается от того, что интересует китайских студентов.

Общественное мнение как особая форма социальной идеологии большей частью формируется средствами массовой информации. Наряду с газетами, радио и телевидением огромную популярность в современном мире имеет Интернет, оказывающий наиболее сильное воздействие на общественное мнение. Поэтому важное значение имеет рассмотрение отношения студентов к России с точки зрения сообщений в основных СМИ и общественного мнения в Интернет-публикациях. Основные средства

массовой информации – это средства массовой информации провинциального уровня и выше, они включают в себя газеты партийного комитета центрального правительства, провинций и муниципалитетов, а также радио-телевизионные станции центрального правительства и провинций. В новую эпоху китайский генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: «Продолжается развитие медиасферы, появляются медиа целых процессов, голографические медиа и полнофункциональные медиа. Информация вездесуща, и использована всеми, что приводит к глубоким изменениям в экологии общественного мнения, структуре СМИ и методах коммуникации. Работа с новостями и общественным мнением сталкивается с новыми проблемами» [中国建筑海外传播 ... , с. 7]. В настоящее время Китай вступил в «эпоху масс-медиа». 100 млн различных СМИ активно существуют на медиарынке. С точки зрения размера средств массовой информации и роли руководства общественным мнением, традиционные основные СМИ должны быть образцами и эталонами новых СМИ. СМИ, которые Китай теперь может называть «лидерами», включают «Жэньминь жибао (People's Daily)», «Цанькао сяоси (Reference news)», «Хуаньцю шибао» и «Чжунго цинван (China Youth Daily)».

«Жэньминь жибао» – газета Центрального комитета Коммунистической партии Китая, крупнейшая га-

зета в Китае, которая в 1992 году была названа ЮНЕСКО одной из десяти лучших газет в мире. По состоянию на 00:00 1 января 2017 года тираж Жэньминь жибао достиг 3,18 млн, достигнув стабильного роста в течение 15 лет подряд. Каналы сбора новостей и информации распространяются по всей стране и за рубежом, и газета выходит во всем Китае и в более 100 странах и регионах по всему миру. «Чжунго цинван», начавшая издаваться 27 апреля 1951 года, является одной из самых влиятельных газет в современном Китае. «Чжунго цинван» выходит тиражом 500 000 экз., а ее приложения тиражом более 800 000 экз. Она занимает второе место после Жэньминь жибао в центральной общенациональной ежедневной прессе. Темы, связанные с Россией, в обеих газетах играют важную роль в демонстрации государственного имиджа России и стимулирования признания России китайской аудиторией.

В этой статье мы выбрали две газеты – Жэньминь жибао и Чжунго цинван в качестве исследовательских носителей, которые имеют значительное влияние в Китае, посредством количественного анализа в сочетании с качественным анализом. Сообщения делятся на четыре

основные категории: политические, экономические, культурные и социальные. Политические сообщения включают новости о политике России и связанной с ней деятельности, иностранных делах, международных отношениях и военном деле; экономические сообщения включают в себя информацию о политике в отношении внутренней и международной экономики России и связанными с ними мероприятиями; культурные репортажи включают новости, охватывающие образование, культуру, спорт, здравоохранение, туризм и метеорологию и т. д.; социальные репортажи включают социальные явления, социальные события и социальные проблемы. Рассматривая новости, связанные с Россией в этих двух газетах, мы можем выявить следующие характеристики: сообщений меньше, чем в европейских странах, таких как США, Великобритания, Франция, Германия и т. д.; есть много политических сообщений, за которыми следуют культурные и военные. В целом, мы считаем, что Жэньминь жибао и Чжунго цинван показывают или формируют имидж России как политической державы, крупнейшей энергетической и мощной военной страны.

Таблица 5.

Факторы, способствующие двусторонним дружественным отношениям между Китаем и Россией

	Количество респондентов	Процент (%)
Техническое сотрудничество	925	65,3

	Количество респондентов	Процент (%)
Культурная коммуникация	1 031	72,8
Международная торговля	1 005	71,0
Взаимные визиты на высоком уровне	788	55,6
Энергетическое сотрудничество	816	57,6
Туризм	760	53,7
Обучение за границей	636	44,9
Стратегическое сотрудничество	4	0,3
Военно-оборонное сотрудничество	1	0,1
Другие	3	0,2

В вопроснике мы видим, что когда у китайских студентов спрашивают, какие факторы, способствующие двусторонним дружественным отношениям между Китаем и Россией, входит в тройку лидеров, мы получаем ответы: «культурная коммуникация» (1 031), «международная торговля» (1 005) и «технологическое сотрудничество» (925), и об этих аспектах не очень много сообщается в основных СМИ в Китае; в то же время «стратегическое сотрудничество» (4) и «военное сотрудничество» (1) являются главными в основных СМИ, но в результатах опроса мы обнаружили, что китайские студенты едва ли рассматривают эти два аспекта как позитивные факторы в развитии российско-китайских двусторонних отношений. Кроме того, сообщения СМИ о «взаимных визиты на высоком уровне» (788) и «энергетическом сотрудничестве» (816) заняли только четвертое и пятое места. Можно сказать, что сфера освещения в китайских СМИ отличается

от сферы интересов китайских студентов.

В области культурной коммуникации, которая больше всего интересует китайских студентов, мы видим, что усилия Китая и России становятся все более и более успешными. 2019 год – 70-летие установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, в течение которых значительно возросло количество культурных мероприятий и форумов, совместно организованных Россией и Китаем. По данным веб-сайта Министерства культуры и туризма КНР, в 2019 году в Китае и России состоялось более 20 мероприятий и фестивалей искусств, в том числе: выставка живописи, посвященная 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем; 16-е заседание Подкомитета туристического сотрудничества Китайско-российского комитета по культурному сотрудничеству; десятый китайско-русский культурный парад Большого плавания и др. [中华人民共和国文化和旅游部网站

官网 ...]. Эти мероприятия не только сократили дистанцию между участниками двух стран, но и позволили людям почувствовать яркую народную культуру России и ее прекрасные традиции. Более того, обмен иностранными студентами между Россией и Китаем также является важным показателем культурной коммуникации, что также тесно связано с личным интересом студентов. И будь то страна происхождения или страна назначения, количество и качество иностранных студентов в другой стране также влияют на взгляды студентов и оценку имиджа страны. Но к сожалению, согласно опроснику проекта, большинство китайских студентов (49,1 % респондентов) не касаются иностранных студентов из России. По поводу этой проблемы данные Министерства образования Китая очень показательны: 2016 года в Китае было всего 17 971 иностранных студентов из России, что составляло всего 4,06 % от общего числа китайских иностранных студентов. Число русских студентов, обучающихся в Китае, далеко от числа студентов из азиатских стран (Южная Корея занимает первое место, в итоге 70 540 студентов, что составляет 15,93 % от общего числа китайских иностранных студентов), и по сравнению с США (23 838, что составляет 5,38 %). Хотя число китайских студентов, отправляемых в Россию, занимает первое место в России, но все-таки

это небольшая часть китайских студентов, отправленных за границу [中国教育部官网 ...]. Согласно данным исследований, по состоянию на 2016 год Китай по-прежнему является основной страной-источником для иностранных студентов в США, Канаде, Австралии, Японии, Южной Корее и Великобритании. Согласно статистике, китайские студенты составляют более 30 % иностранных студентов в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, а также 57,3 % и 49,3 % студентов в Южной Корее и Японии. В некоторых европейских странах таких как Великобритания, Швеция и Швейцария, хотя доля китайских иностранных студентов не превышает 10 %, но Китай все же является основной страной, направляющей иностранных студентов [中国教育部官网 ...]. Независимо от страны происхождения или назначения, Китай – крупная страна для обучения за границей, а Россия не присутствует в этом списке. С непрерывным продвижением проекта «Один пояс, Один путь», число иностранных студентов, обучающихся в странах этой линии, продолжает увеличиваться, но основными странами-источниками китайских иностранных студентов являются азиатские страны. Все явления указывают на то, что обмен китайскими и российскими студентами не достиг такого уровня, как обмен с США, Канадой, Австралией, а также Юж-

ной Кореей и Японией. Программа международного обмена студентами по-прежнему очень перспективна для обеих стран.

Что касается точности и нейтральности сообщений СМИ о России, только 30,9 % респондентов считают сообщения китайских СМИ о России нейтральными и достоверными. 51 % респондентов считают, что сообщения имеют позитивную направленность, а 8,4 % респондентов отмечают негативную направленность.

В отличие от сообщений в СМИ, онлайн-общественное мнение часто обладает характеристиками спонтанности, прямолинейности, неопределенности, чрезмерной эмоциональности, политической и социальной недальновидности и односторонности и отражает поверхностное общественное мнение. Согласно докладу, опубликованному Китайским Информационным Сетевым Интернет-Центром (CNNIC), по состоянию на июнь 2019 года группа пользователей Интернета в возрасте 10-39 лет составляла 65,1 % от общего числа пользователей Интернета, группа пользователей интернета в возрасте 20-29 лет самая большая, и доля достигала 24,6 %; доля пользователей Интернета с начальным и средним/техническим образованием составила 38,1 % и 23,8 % соответственно, и доля пользователей Интернета с высшим образованием и закончивших колледжи составила 10,5 % и 9,7 %; число городских пользовате-

лей составляло 630 млн человек, и его доля составляет 73,7 % от общего числа пользователей Интернета [中国互联网络信息中心 ... , с. 3]. Таким образом, сфера пользователей Интернета в Китае такова: в основном это молодые люди в городах в возрасте до 30 лет со степенью бакалавра или ниже. Студенты являются основной силой общественного мнения в Китае. Через анкетный опрос мы увидели, что более половины (54,4 %) китайских студентов не написали ни одного комментария или своего мнения о России в Интернете за последние два года, в то время как 18,1 % респондентов написали положительные комментарии, только 4,2 % респондентов написали отрицательные отзывы. Следует отметить, что большинство пользователей-студентов относятся к России положительно и очень здраво, ведь не очень хорошо зная Россию, они не делают опрометчивых и необоснованных выводов.

В целом, мы можем сделать следующие выводы: китайские СМИ уделяют интенсивное внимание таким областям, как стратегическое сотрудничество и взаимные визиты на высоком уровне, в то время как китайские студенты больше заинтересованы в информации о гуманитарных обменах, международной торговле и научно-техническом сотрудничестве.

Россия не имеет яркой культурной сферы в Китае для привлечения китайских студентов.

Таблица 6.

Какие русские сферы привлекают вас?

	Количество респондентов	Процент (%)
Русская кухня	639	45,1
Русская литература	578	40,8
Русские фильмы и сериалы	389	27,5
Русская косметика	243	17,2
Русская история	374	26,4
Русский язык	209	14,8
Русская музыка	310	21,9
Русская живопись	265	18,7
Русская архитектура	533	37,6
Экономическая сфера	253	17,9
Политическая сфера	344	24,3
Военная сфера	383	27,0
Спортивная сфера	124	8,8
Нет	68	4,8

Мы видим, что китайские студенты проявляют интерес к различным областям российской культуры. Однако, учитывая, что китайские студенты не очень хорошо знают Россию, интерес к различным областям на среднем уровне – это не очень хорошее явление. Напротив, мы считаем, что по сравнению с корейскими эстрадными развлечениями, японской мультипликацией и американскими фильмами, которые процветают в Китае, продвижение российской культуры пока еще слабое. В Китае трудно увидеть сильное российское культурное поле для привлечения студентов. Русская литература высококонкурентная и может породить множество соответствующих отраслей, таких как кино и телевизионные сериалы. Однако

мы обнаруживаем, что русская литературная индустрия в настоящее время также не стала сильным культурным полем в Китае, чтобы способствовать продвижению русской культуры, не говоря уже о конкуренции с другими странами в Китае.

Рассмотрим в качестве примера распространение русских фильмов в Китае. По сравнению с новостными СМИ, преимущество кинематографических и телевизионных работ в построении государственного имиджа заключается в том, что тот обладает более сильным культурным потенциалом и эстетическим воздействием. Люди могут эффективно воспринимать имидж страны через эмоциональные символы и элементы. [柯惠新,郑春丽,吴彦.中 ... , с. 18]

Российские кинематографические и телевизионные работы начали заимствоваться в Китае с началом установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Китаем в прошлом веке, и их превосходные художественные приемы сразу привлекли китайцев. Эти фильмы и телевизионные сериалы не только отражают очарование слияния культур, но также показывают все аспекты жизни общества. Приведем конкретные данные о русских фильмах, поступивших на китайский рынок, и назовем десятку лучших кассовых сборов за последние пять лет (см. Табл. 7 [中国教育部官网]). Мы видим, что спорт, любовь и война по-прежнему являются важными темами русских фильмов. Фигуры и персонажи, которых они создают, в основном положительные, и описываемые ими социальные реалии – в основном положительные описания России. Среди них передовые технологии, теплая социальная среда и красивые пейзажи. В то же время нетрудно заметить, что даже, если качество русских фильмов улучшилось, и распространение расширилось, то этого еще недостаточно. Только один фильм из США «Мстители: Финал» сделал кассовые сборы в Китае более 4,2 млрд

юаней. А общее количество средств от продажи десяти лучших русских фильмов в Китае не достигло млрд юаней [中国教育部官网]. Что касается русских телевизионных сериалов, то они в основном представлены только через CCTV. В настоящее время, хотя Интернет развивается и видеоприложения улучшаются, но китайских платформ, которые тесно сотрудничают с Россией, очень мало. Из-за отсутствия пути распространения количество людей, интересующихся российскими телевизионными проектами, уменьшается, что мешает продвижению русских телевизионных сериалов. Российские кино- и телевизионные драмы имеют меньший спрос на рынке и меньшую аудиторию. Популярность российских кино- и телевизионных фильмов всегда была ограничена изучающими русский язык и заинтересованными людьми. Российские кино- и телевизионные сериалы имеют меньший спрос на рынке и меньшую аудиторию в Китае, привлекая лишь изучающих русский язык. Российские кино- и телевизионные фильмы менее разрекламированы в Китае; на видео-сайте даже нет специального раздела для русских; на форумах о России зарегистрировано очень мало участников.

Таблица 7.

Информация о первой десятке кассовых импортных фильмов из России (по состоянию на 15.10.2019)

Номер	Фильмы	Год выпуска в Китае	Стоимость (миллион юаней)	Оценки зрителей на Вэб-сайте «Доубань» (от общих 10 баллов)
1	Движение вверх	2019 г.	91,768	8,3
2	Снежная королева 3. Огонь и лед	2018 г.	74,224	4,8
3	Сталинград	2013 г.	71,969	6,1
4	Он-дракон	2016 г.	60,153	7,5
5	Снежная королева 2: Перезаморозка	2016 г.	35,746	4,8
6	Экипаж	2016 г.	30,792	7,7
7	Поиск	2018 г.	30,516	8,6
8	Снежная Королева 4: Зазеркалье	2019 г.	23,573	6,0
9	Мафия: Игра на выживание	2016 г.	21,096	3,7
10	Защитники	2017 г.	20,235	3,9

В целом, в настоящее время русские фильмы и телевизионные проекты по-прежнему имеют большой потенциал развития на китайском рынке. Но в настоящее время они лишь играют определенную вспомогательную роль для студентов, изучающих русский язык и связанные с ним специальности. Эти факторы препятствуют знакомству китайских студентов с русской культурой. В то же время мы надеемся, что Россия в будущем сможет создать яркий культурный бренд в Китае, содействующий эффективной межкультурной коммуникации.

Таким образом, анализ представленных в социологическом анкетировании ответов позволяет сделать следующие выводы. В целом у современных китайских студентов складывается неплохое общее представление о России, но из-за недостатка информации и дефицита общения они мало знакомы с политическими, экономическими и социальными и другими аспектами жизни современной России. Однако мы считаем, что благодаря интенсивным политическим обменам между двумя странами, у китайских студентов, несомненно, будет больше возможностей узнать о рус-

ских обычаях, российском обществе и русской природе, и эти всесторонние и объективные знания будут способствовать формированию положительного имиджа России. В настоящее время формирование позитивного мнения китайских студентов в отношении России может осуществляться путем углубления их знаний о стране и активного утверждения позитивного имиджа России. Это может быть реализовано за счет активного продвижения российских кинофильмов и телевизионных сериалов, способствующих распространению русской культуры. Особая роль в этом процессе отводится средствам массовой информации: китайские СМИ объективны и точны в формировании и продвижении имиджа России, однако в то время как основные СМИ продолжают придерживаться нейтрального и объективного стиля, необходимо постепенно расширять освещение России, обеспечивая достоверность сведений и развенчивая мифы и стереотипы. Несмотря на то, что некоторые открытые платформы СМИ в Интернете иногда высказывают не вполне обоснованное субъективное мнение о России, именно студенты, представляющие собой основной костяк интеллектуальной элиты страны, способны мыслить и анализировать выше «усредненного уровня» и адекватно воспринимать информацию.

Безусловно, ведущую роль в содействии продвижению русской

культуры играет китайское правительство, которое проводит русские культурные фестивали, художественные выставки и т. д. Различные формы ярких и интересных мероприятий смогут популяризировать русскую культуру среди людей. Это позволит большому количеству китайцев понимать русскую культуру, народные обычаи и устранить непонимание между представителями обеих стран и преодолеть культурные барьеры.

Россия и Китай считают, что «современные российско-китайские отношения характеризуются высокой степенью политического доверия; насыщенными контактами на высшем и высоком уровнях, разнообразными механизмами сотрудничества в различных областях; богатым по содержанию и стратегическим по значению практическим взаимодействием; прочной общественной базой двусторонних отношений, опирающихся на традиции дружбы между народами России и Китая, передаваемой из поколения в поколение; тесной и эффективной координацией на международной арене. Вступая в новую эпоху, российско-китайские отношения получают дополнительные возможности для еще более масштабного развития <...> укрепление дружественных связей между народами России и Китая, взаимообогащение и сближение культур» [Совместное заявление РФ и КНР ... , с. 2]. В лучший период российско-китайских отношений мы твер-

до верим, что молодежь двух стран будет постепенно повышать степень взаимного доверия. Китайские студенты позитивно настроены по отношению к России, и в соответствии с этой тенденцией, мы считаем, что формирование положительных социальных эмоций китайских

студентов в отношении России и продвижение позитивного имиджа России среди китайской молодежи выведет российско-китайские отношения на качественно иной уровень, соответствующий потребностям новой эпохи.

Библиографический список

1. Галенович Ю. М. Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. Москва : Время, 2010.
2. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI веках. Москва : АСТ ; Восток – Запад, 2007.
3. Посол РФ в КНР: развитие Китая стало уникальным примером. URL: Russian.news.cn. (Дата обращения: 22.05.2020).
4. Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>. (Дата обращения: 22.05.2020).
5. Тихвинский С. Л. Восприятие образа России в Китае (Введ. Кисторич. обзор). Москва : Наука, 2008.
6. Юй Цзе Восприятие образа России в цинском Китае XVII – XIX вв. Тезисы докладов на XVI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 25-27 октября 2006 г.
7. Fiske, John Media Matters: Everyday Culture and Political Change[M]. The University of Minnesota Press, 1994,14-15.
8. Joseph Nye, Soft Power: The Means to Success in World Politics [M]. New York:Public Affairs, 2004.
9. P. Kotler.Marketing Management[M].New Jersey: Prentice Hall.2000.
10. Roselle, L J The New public diplomacy: soft power in international relations[J], Choice, Vol. 44, Iss.3, (Nov.2006).
11. 大数据中的国家形象——2016-2017国家形象社交媒体报告[R]. 2018.
12. 管文虎主编.国家形象论[M].电子科技大学出版社, 2000.
13. 黄会林, 杨卓凡:
我国电影国际传播与国家形象建构[J].中国党政干部论坛. 2018(09) : 18~21.
14. 柯惠新,郑春丽,吴彦.中国媒体中的俄罗斯国家形象——以对《中国青年报》的内容分析为例[J].现代传播(中国传媒大学学报), 2007(05): 31-34.
15. 李随安.半个世纪以来俄罗斯形象在中国的变化[J].中俄关系的历史与现实, 2009(00): 691-699.
16. 李彦冰.政治传播视野中的中国国家形象构建[M].中国社会科学出版社2014年5月第1版.

17. 席伟航.网络舆论、新闻舆论和社会舆论的异同[J].新闻与写作, 2010(07): 25-26.
18. 闫秋菊.俄罗斯电视产业发展现状和民众文化诉求分析与启示——以电视剧为例[J].黑河学院学报, 2018, 9(12): 16-18.
19. 许华.俄罗斯国家形象与软实力[J].俄罗斯东欧中亚研究, 2013(03): 10-20+95.
20. 杨青.从建构主义视角看俄罗斯形象在中国的嬗变[J].新视野, 2017(03): 116-122.
21. 杨昕沫.中俄两国青年眼中的彼国形象——基于民意调查的分析[J].湖南工业大学学报(社会科学版), 2018,23(04): 106-113
22. 习近平.加快推动媒体融合发展 构建全媒体传播格局[J].前线, 2019(04): 4-7.
23. 中国建筑海外传播力实践研究课题组.战略沟通视域下央企海外传播与国家品牌形象构建——以中国建筑为例[M]. 国家形象——“一带一路”与品牌中国[M].清华大学出版社.2018年12月第1版.
24. 中国旅游研究院、携程旅游大数据: 2018年中国游客出境游大数据报告[R]. 2019.: 1.
25. 中国旅游研究院、携程旅游大数据: 2018年中欧旅游大数据报告[R]. 2019.: 3.
26. 中国互联网络信息中心 (CNNIC) : 第44此中国互联网发展状况统计报告[R]. 2019.8.: 3
27. 中国票房网: <http://www.cbooo.cn> [DB/OL]. 2019.12.10./2019.12.10.
28. 中国教育部官网: <http://www.moe.gov.cn/> [DB/OL]. 2019.9.5./2019.12.10.
29. 中华人民共和国文化和旅游部网站官网 : <https://www.mct.gov.cn/> [DB/OL]. 2019.9.5./2019.12.10.
30. 庄严.中国主流媒体中的俄罗斯报道分析——以《人民日报》中的“俄罗斯议题”为例[J].现代传播(中国传媒大学学报), 2016,38(09): 61-66.

Reference List

1. Galenovich Ju. M. Vzglyad na Rossiju iz Kitaja. Proshloe i nastojashhee Rossii i nashih otnoshenij s Kitaem v traktovke kitajskih uchenyh = The view on Russia from China. Past and present of Russia and our relationships with China according to Chinese scientists' opinions. Moskva : Vremja, 2010.
2. Lukin A. V. Medved' nabljudat za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVII – XXI vekah = The bear is watching the dragon . The image of China in Russia in XVII-XXI cc. Moskva : AST ; Vostok – Zapad, 2007.
3. Posol RF v KNR: razvitie Kitaja stalo unikal'nym primerom = RF amdassador in China:the development of China has become a unique example. URL: Russian.news.cn. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
4. Sovmestnoe zajavlenie RF i KNR o razvitii otnoshenij vseob#emljushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstvija, vstupajushhij v novuju jepohu = Joint statement of RF and China about the development of overall partnership relations and strategic interaction entering a new epoch. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>. (Data obrashhenija: 22.05.2020).

5. Tihvinskij S. L. *Vosprijatie obraza Rossii v Kitae (Vved. Kistorich. obzoru) = Russian image perception in China (Introduction to the historical review)*. Moskva : Nauka, 2008.

6. Juj Cze *Vosprijatie obraza Rossii v cinskom Kitae XVII — XIX vv. = Russian image perception in Qing XVII — XIX cc. China Tezisy dokladov na XVI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremenost', perspektivy»*. Moskva, 25-27 oktjabrja 2006 g. Fiske, John Media Matters: Everyday Culture and Political Change[M].

7. The University of Minnesota Press, 1994,14-15.

8. Joseph Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics* [M]. New York:Public Affairs, 2004.

9. P. Kotler. *Marketing Management*[M].New Jersey: Prentice Hall.2000.

10. Roselle, L J *The New public diplomacy: soft power in international relations*[J], *Choice*, Vol. 44, Iss.3, (Nov.2006).

11. 大数据中的国家形象——2016-2017国家形象社交媒体报告[R]. 2018.

12. 管文虎主编.*国家形象论*[M].电子科技大学出版社, 2000.

13. 黄会林, 杨卓凡:

我国电影国际传播与国家形象建构[J].*中国党政干部论坛*. 2018(09) : 18~21.

14. 柯惠新,郑春丽,吴彦.*中国媒体中的俄罗斯国家形象——以对《中国青年报》的内容分析为例*[J].*现代传播(中国传媒大学学报)*, 2007(05): 31-34.

15. 李随安.*半个世纪以来俄罗斯形象在中国的变化*[J].*中俄关系的历史与现实*, 2009(00): 691-699.

16. 李彦冰.*政治传播视野中的中国国家形象构建*[M].*中国社会科学出版社*2014年5月第1版.

17. 席伟航.*网络舆论、新闻舆论和社会舆论的异同*[J].*新闻与写作*, 2010(07): 25-26.

18. 闫秋菊.*俄罗斯电视产业发展现状和民众文化诉求分析与启示——以电视剧为例*[J].*黑河学院学报*, 2018, 9(12): 16-18.

19. 许华.*俄罗斯国家形象与软实力*[J].*俄罗斯东欧中亚研究*, 2013(03): 10-20+95.

20. 杨青.*从建构主义视角看俄罗斯形象在中国的嬗变*[J].*新视野*, 2017(03): 116-122.

21. 杨昕沫.*中俄两国青年眼中的彼国形象——基于民意调查的分析*[J].*湖南工业大学学报(社会科学版)*, 2018,23(04): 106-113

22. 习近平.*加快推动媒体融合发展 构建全媒体传播格局*[J].*前线*, 2019(04): 4-7.

23. *中国建筑海外传播力实践研究课题组.战略沟通视域下央企海外传播与国家品牌形象构建——以中国建筑为例*[M]. **国家形象——“一带一路”与品牌中国**[M].清华大学出版社.2018年12月第1版.

24. *中国旅游研究院、携程旅游大数据: 2018年中国游客出境游大数据报告*[R]. 2019.: 1.

25. 中国旅游研究院、携程旅游大数据: 2018年中欧旅游大数据报告[R]. 2019.: 3.
26. 中国互联网络信息中心 (CNNIC) : 第44次中国互联网发展状况统计报告[R]. 2019.8.: 3
27. 中国票房网: <http://www.cbooo.cn> [DB/OL]. 2019.12.10./2019.12.10.
28. 中国教育部官网: <http://www.moe.gov.cn/> [DB/OL]. 2019.9.5./2019.12.10.
29. 中华人民共和国文化和旅游部网站官网 : <https://www.mct.gov.cn/> [DB/OL]. 2019.9.5./2019.12.10.
30. 庄严.中国主流媒体中的俄罗斯报道分析——以《人民日报》中的“俄罗斯议题”为例[J].现代传播(中国传媒大学学报), 2016,38(09): 61-66.

УДК 339.9

В. Л. Ерохин

<https://orcid.org/0000-0002-3745-5469>

**Арктика в российско-китайских отношениях:
от политики к экономике**

Для цитирования: Ерохин В. Л. Арктика в российско-китайских отношениях: от политики к экономике // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 26-36. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-26-36

Политическая доктрина Китая относительно макрорегиона Евразии традиционно была ориентирована на центральные и южные части континента, в последнее время в рамках инициативы «Пояс и Путь» и коридоров Экономического пояса Шелкового пути как ее составных частей. В последние годы, однако, видение «Пояса и Пути» было расширено на северные регионы. Основными целями включения северных территорий и акваторий в сеть коридоров «Пояса и Пути» являются укрепление связей между Китаем и странами Евразии посредством развития Полярного Шелкового пути и устранение разрывов в экономических и логистических цепочках между арктическими производствами и китайским рынком. В рамках такого видения стратегическим партнером Китая в Арктике является Россия, которой контролируется большая часть северо-евразийской береговой линии и администрируется Северный морской путь (СМП), единственная оборудованная транспортная артерия в акватории морей Северного Ледовитого океана. В статье рассматриваются политические аспекты роли Китая в Арктике, сотрудничество с Россией в данном регионе, а также основные трудности, с которыми сталкиваются китайские компании при участии в развитии морских путей и реализации инвестиционных проектов на Крайнем Севере. Автором оцениваются перспективы сопряжения инициативы «Пояс и Путь» с видением России политического и экономического сотрудничества в Арктике. Делается вывод о том, что устойчивое развитие и геополитическая стабильность в регионе возможны только при условии тесного экономического и инвестиционного сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: Арктика, инвестиции, Полярный Шелковый путь, Северный морской путь, судоходство.

V. L. Erokhin

Arctic in Russia-China Relations: From Politics to Economics

China's political narrative in Eurasia has been traditionally focused on central and southern parts of the continent, most recently, under the Belt and Road Initiative (BRI)

© Ерохин В. Л., 2020

and the corridors of the Silk Road Economic Belt (SREB) and the 21st-century Maritime Silk Road (MSR) as its constituent parts. During recent years, however, the BRI framework has been extended to incorporate the Northern Eurasia. The overarching goals of the inclusion of the northern territories and water areas to the BRI network are to facilitate connectivity between China and the countries of Eurasia through the northern corridor (Polar Silk Road) and to bridge the gaps in economic and logistics chains between Arctic industries and China's market. Within such a vision, one of the strategic partners for China in the north is Russia which actually controls the major part of the Arctic seaboard and administrates the Northern Sea Route (NSR), a sole feasible throughway in the Arctic Ocean. This paper discusses political aspects of China's role in the Arctic, collaboration with Russia in the region, and major challenges that Chinese companies face in exploring maritime routes and participation in inland investment projects in the Far North. The author assesses the perspectives of convergence between the BRI and Russia's political and economic vision of the Arctic. It is concluded that sustainable development and geopolitical stability in the region are only possible by means of closer economic and investment collaboration between the two countries.

Key words: Arctic, investment, Polar Silk Road, Northern Sea Route, shipping.

Климатические изменения в Арктике, особенно явно наблюдаемые в последние годы, открывают новые возможности освоения северных территорий и акваторий морей Северного Ледовитого океана. В то же время, они представляют все большую угрозу обеспечения устойчивого развития региона [Erokhin, 2019]. Долгое время рассматриваемая в качестве периферийного и недоступного из-за климата и льдов региона, сегодня Арктика открывается для разработки ресурсов и коммерческого судоходства [Арктика, 2019]. С каждым годом регион играет все более значительную роль в международных отношениях в связи с богатыми запасами природных ископаемых (около четверти мировых неразведанных энергетических ресурсов, залежи цветных и драгоценных металлов), постепенным смещением

мирового производства энергоресурсов на север (около четверти мировой добычи природного газа и 10 % добычи нефти) [Southcott, 2018], а также уникальным транспортным и логистическим потенциалом. На фоне растущей конкуренции за такого рода возможности и обостряющихся опасений арктических стран за свою национальную, военную и экономическую безопасность, Арктика становится частью сложного комплекса геополитических процессов и экономических взаимоотношений государств и международных организаций как внутри, так и за пределами региона.

В прошлые десятилетия освоение Арктики, мотивированное ресурсным фактором, было направлено на развитие транспортной и промышленной инфраструктуры и сопровождалось активным стрем-

лением заселения этих территорий в местах локализации ресурсов. Такого рода подход привел к формированию очагового характера размещения производительных сил по всему макро-региону, особенно на слабо связанных между собой из-за большой протяженности территориях российской Арктики. Многими исследованиями фиксируются такие естественные, географические и социально-экономические характеристики арктических территорий как пространственная разрозненность и сегментация, очаговый характер пространственного развития, концентрация населения и хозяйства на локализованной территории, привязанной к ресурсным объектам, а также географическая удаленность территорий нового освоения и наличие значительных неосвоенных площадей [Губина, 2018; Плисецкий, 2019]. Размещение производительных сил в Арктике характеризуется высокой дифференциацией локальных рынков труда, обусловленной потребностями развития производственной деятельности, находящейся в зависимости от размещения сырьевых и энергетических ресурсов и объектов транспортной инфраструктуры. Территориальные особенности транспортной системы в Арктике состоят в низкой плотности и неравномерности путей сообщения, а также в широтном их размещении (Северный морской путь и другие транспортные коридоры) вследствие

ориентации на вывоз сырья к местам углубленной переработки [Татаркин, 2015]. Территориальные экологические особенности хозяйственного освоения арктических территорий выражаются в локальном характере экологической нагрузки, вызванной интенсивным техногенным освоением малых площадей.

В последние годы стремительный рост освоения ресурсов и транспортных возможностей Арктики обуславливают значительные изменения в географии размещения производительных сил и характере пространственного развития региона. Геополитические интересы отдельных арктических государств смещаются в сторону усиления своего экономического присутствия в регионе, а неарктических стран – к повышению своей роли в процессах управления, регулирования и развития Арктики. На ведущие роли среди факторов геополитического ландшафта полярных регионов выходят территориальные споры и морской правовой порядок, контроль над нефтяными и газовыми ресурсами, форматы управления регионом, а также вызовы военной, экономической и экологической безопасности [Голдин, 2016; Tamnes, 2014]. С точки зрения пространственной экономики и географии, на первый план на фоне таких изменений выходят задачи опережающего освоения территорий с низким уровнем социально-экономического развития и невысо-

кой плотностью населения, но обладающих потенциалом роста за счет промышленности и логистики [Плисецкий, 2019].

Таким образом, применявшиеся ранее принципы ресурсно-ориентированного хозяйственного освоения территорий все в меньшей степени отвечают таким комплексным вызовам, что требует их адаптации к реалиям развития арктического пространства с участием различных государств [Keskitalo, 2019]. Однако, у стран Северной Европы и Северной Америки, долгое время имевших сходные позиции по ряду принципиальных вопросов, все чаще расходятся геополитические и экономические интересы. Давнее противостояние между Россией и странами Запада приобретает новые формы – усиление территориальных конфликтов (с Норвегией вокруг Шпицбергена), эскалация военной напряженности (с США). Неравномерность и неоднородность являются фундаментальными свойствами геопространства [Елацков, 2013], но такие резкие изменения в уровнях неравномерности и функциональных связей приводят к «разрывам» непрерывности – возникают дискретные объекты геопространства и резкие границы между ними. Как в условиях растущей неоднородности геопространства проявляется асимметричность отношений между его объектами, так и происходящие в регионе геополитические изменения влияют на устойчивость аркти-

ческих социально-экономических систем.

Такие факторы неоднородности повышают неопределенность политического и экономического международного взаимодействия в Арктике для России. В последние годы, растущая степень вовлечения неарктических стран (главным образом, Китая) в процессы управления Арктическим регионом и определения стратегических направлений его развития вызывают определенную обеспокоенность стран-членов Арктического Совета, которые считают Арктику традиционной зоной своей национальной безопасности и геополитических и экономических интересов [Иванов, 2016]. Наиболее резкие высказывания следуют со стороны США. В частности, Госсекретарем США Майклом Помпео китайские власти были недавно обвинены в установлении контроля над объектами критической инфраструктуры в Арктике посредством экономических методов и создании тем самым постоянного присутствия в регионе и даже возможном развертывании военных сил и систем безопасности. Для России, однако, в рамках «поворота на Восток» после 2014 г. и ухода из совместных арктических проектов большинства западных компаний в связи с санкциями (а с ними – инвестиций и технологий), Китай постепенно превращается в главного и практически безальтернативного партнера.

Современная арктическая политика Китая коррелирует с основными постулатами стратегии «мирного возвышения» Китая и курса на превращение страны в великую морскую державу, который был провозглашен на 18 Всекитайском съезде КПК (2012). На 19 Всекитайском съезде КПК (2017) Председателем КНР Си Цзиньпином была озвучена многовекторная, многоуровневая и многомерная дипломатическая концепция развития страны, которой в полной мере соответствует реализация стратегических геополитических и экономических интересов Китая в Арктике. Китаем постоянно подчеркивается приверженность исключительно мирным и взаимовыгодным принципам сотрудничества в Арктическом регионе в различных форматах международных организаций и двусторонних взаимоотношений [Heininen, 2020]. В опубликованной в 2018 г. Государственным Советом КНР «Белой книге по арктической политике» отражены позиция, политика и ответственность страны за активное участие в управлении устойчивым развитием региона и совместное реагирование на глобальные проблемы [The State Council ...]. Основными руководящими принципами своей деятельности в Арктике Китай декларирует уважение, сотрудничество, взаимную выгоду и устойчивое развитие.

В рамках принципа уважения Китай поддерживает цели и задачи Арктического Совета, постоянным

наблюдателем в котором является с 2013 г., а также в полной мере признает суверенитет и юрисдикцию арктических стран и их ведущую роль как в Арктическом Совете, так и в определении принципов регулирования и направлений развития региона. Принципы сотрудничества и взаимной выгоды означают, что Китай стремится содействовать установлению доверительных и партнерских, а не соперничающих отношений между арктическими и неарктическими государствами в целях общей выгоды для всех стран и самого Арктического региона. Посредством реализации принципа устойчивого развития Китай стремится обеспечить в Арктическом регионе сбалансированное сочетание интересов мирового сообщества в освоении природных ресурсов и транспортных путей с разумным и ответственным сохранением экологических систем, биоразнообразия и уникальной социально-культурной среды коренных народов Севера. В Белой книге указано, что участие Китая в повышении устойчивости арктических экосистем осуществляется на основе всемерной охраны окружающей среды, применения экологически ответственных методов разработки и использования ресурсов, а также социально-экономического развития северных территорий [The State Council ...]. В контексте такого видения своей роли в регионе, интересы Китая в Арктике в своей совокупности образуют комплекс, в

структуре которого выделяются геополитические, эколого-климатические, научно-исследовательские, экономические, а также технологические [Hong, 2018].

Совместным заявлением России и Китая о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (2019 г.), повышение уровня практической кооперации в Арктике определено в качестве одной из приоритетных тем повестки сотрудничества двух стран на долгосрочную перспективу. Заявлена приверженность обеих сторон принципам всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в Арктике, осуществляемым в интересах устойчивого развития региона. В частности, Россия и Китай на основе прав и с учетом интересов прибрежного государства будут использовать новые подходы и инновационные модели сотрудничества для расширения масштабов освоения и использования арктических судоходных маршрутов, а также взаимодействовать в таких областях как инфраструктура, освоение ресурсов, туризм, экология и охрана окружающей среды. Отдельное внимание будет оказываться поддержке дальнейшего сотрудничества в области полярных научных исследований, проведения совместных арктических экспедиций на научно-исследовательских судах, осуществления совместных исследова-

тельских проектов в Арктике и участия в международных научно-исследовательских и практических форумах и конференциях, таких как, к примеру, международный арктический форум «Арктика – территория диалога» и др.

В плане экологических интересов, имеется четкое понимание того, что изменения, которые происходят сегодня в Арктике, влияют не только на северные страны, но и на всю планету. Таяние арктических льдов оказывает прямое и опосредованное влияние на климат, сельскохозяйственное производство, устойчивость экологических и климатических систем, в том числе и в Китае. В частности, в Белой книге подчеркивается необходимость реагировать на изменение климата в Арктике, сохранить ее уникальную природную среду и экосистему, непрерывно повышать устойчивость к ее климату, уважать культурный и традиционный уклад жизни коренных жителей региона [The State Council ...].

С точки зрения экономики, необходимость активного участия в проектах по добыче и транспортировке нефти и газа в арктическом регионе закреплена в официальной стратегии глобального развития Китая. Добыча и перераспределение нефтегазовых ресурсов в Арктике могут серьезным образом повлиять на цену энергии в Китае, а также на весь мировой рынок энергоресурсов. В технологической сфере Китай располагает значи-

тельным инженерным потенциалом для внесения своего вклада в обеспечение стабильной, безопасной и устойчивой эксплуатации морских транспортных путей, в частности, СМП за счет развития судостроения и морского инжиниринга, технологий и оборудования для разведки морского дна, мониторинга ледовой ситуации, связи в высоких широтах и многих других.

Еще один фактор для развития российско-китайского экономического сотрудничества – навигация. Китай считается лидером на рынке судоходной транспортировки. Поэтому российский СМП, который со временем становится все более проходимым и открывает возможности соединить север Атлантического океана с севером Тихого океана, будет оказывать влияние на логистику и торговые связи Китая. В течение последних лет общий объем грузоперевозок по СМП, включая внутривосрийские перевозки и транзит грузов между Европой и Азией, значительно вырос. Такой рост связан с последовательным развитием в Арктическом регионе крупных проектов по добыче углеводородов российскими нефтегазовыми компаниями и международными консорциумами [Мое, 2019]. Китайские инвесторы участвуют в реализации российских проектов по производству сжиженного природного газа (СПГ) «Ямал-СПГ» и потенциально – в строительстве новых мощностей «Арктик СПГ-2» и «Арктик СПГ-3».

Однако, динамика международных транзитных перевозок пока не свидетельствует о росте интенсивности использования северного транспортного коридора иностранными перевозчиками [Григорьев, 2019]. Для Китая основными препятствиями являются неразвитость инфраструктуры, непредсказуемость ледовой обстановки и отклонения судов от намеченных курсов, малые скорости продвижения, высокие расходы на страхование грузов и ледокольное сопровождение, строгие правила безопасности, а также нехватка квалифицированных и имеющих опыт плавания в высоких широтах специалистов [Гао, 2018a].

Одно из главных направлений сотрудничества – это создание инфраструктуры, обеспечивающей возможность крупнотоннажного грузового судоходства в регионе, круглогодичную доступность маршрутов, их устойчивость и безопасность. По итогам Петербургского экономического форума 2019 между «Новатэком», COSCO, «Совкомфлотом» и Фондом Шелкового Пути было подписано соглашение о создании ООО «Морской арктический транспорт», которое будет заниматься совместной разработкой, финансированием и реализацией новых логистических схем круглогодичной транспортировки углеводородного сырья из Арктической зоны России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а также организацией транзитного

грузопотока по СМП между Азией и Западной Европой. Развитие инфраструктуры необходимо и для эффективного функционирования проектов по добыче природных ресурсов их последующей транспортировки. На форуме в Санкт-Петербурге было анонсировано, что флот ледовых газозовов из 15-17 судов для «Арктик СПГ-2» будет построен на верфи «Звезда». В строительстве самой верфи принимают участие китайские компании China Shipbuilding & Offshore International, Qingdao Beihai Shipbuilding Heavy Industry, China Communication Construction Company и China State Construction Engineering Corporation. Управлять этими судами будет компания «Морской арктический транспорт», в которую входят китайские COSCO и Фонд Шелкового пути.

В российской Арктике увеличение объема морских грузоперевозок требует значительных вложений в развитие соответствующей транспортной и портовой инфраструктуры, системы ледокольного сопровождения, служб поддержки навигации и спасения, а также создания и совершенствования технологических решений для обеспечения безопасной и устойчивой навигации. Для Китая сотрудничество с Россией в сферах арктического судостроения и морского инжиниринга является приоритетом в свете преодоления существующей нехватки мощностей для ледокольного сопровождения и развития поддержки

навигации и мониторинга ледовой ситуации [Гао, 2018б]. Для обеих сторон такое сотрудничество представляется выгодным с точки зрения преодоления существующих экономических, технологических и даже естественных барьеров на пути потенциальной взаимоувязки СМП с сетью транспортных и экономических коридоров инициативы «Пояс и Путь» и повышения устойчивости коммерческой навигации на Севере.

Непредсказуемые и быстро меняющиеся ледовые, волновые, ветровые и прочие климатические условия, варьирующиеся маршруты движения судов, высокие экологические риски, а также нехватка должным образом подготовленного персонала, имеющего опыт навигации в полярных водах, – это только некоторые из препятствий для интенсификации грузовых перевозок по СМП для Китая. В то же время, у Китая имеются и экономические ресурсы, востребованные Россией на фоне ограничения доступа на международные финансовые рынки в связи с санкциями, и технологии, которые могут быть опробованы и усовершенствованы в арктических условиях в качестве замены вышедшим из арктических проектов западным компаниям. Со стороны России необходимы либерализация законодательства по допуску китайских компаний в Арктическую зону страны и создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций в Аркти-

ку – не только в мега-проекты типа «Ямал-СПГ», но, главным образом, в сферы морского инжиниринга, судостроения, мониторинга климатических и ледовых условий, а также поддержки навигации.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что у российско-китайского политического и экономического сотрудничества в Арктике имеются как хорошая основа, так и значительные перспективы. Выдвинутые Китаем инициативы «Пояса и Пути» и развития арктиче-

ских транспортно-экономических коридоров в условиях их сопряжения с российскими интересами в регионе имеют многообещающий потенциал реализации в целях устойчивого развития и освоения северных территорий. Видение Китаем своей роли в Арктике убедительно демонстрирует готовность и открытость страны к развитию сотрудничества с Россией на принципах всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Библиографический список

1. Арктика: стратегия развития: монография / под общ. ред. С. А. Липиной, О. О. Смирновой, Е. В. Кудряшовой. Архангельск : САФУ, 2019. 338 с.
2. Гао Т. Российско-китайское сотрудничество по созданию Арктического синего экономического коридора: проблемы и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2018а. № 3. С. 51-55.
3. Гао Т. Сотрудничество России и Китая в Арктике в формате опорных зон // Вестник университета. 2018б. № 4. С. 43-50.
4. Голдин В. И. Геополитика Арктики: новые исследования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 151-155.
5. Григорьев М. Н. Развитие транзитного потенциала Северного морского пути // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 109-129.
6. Губина О. В. Современные подходы к хозяйственному освоению арктических территорий РФ в аспекте перспективного пространственного развития / О. В. Губина, А. А. Проворова // Фундаментальные исследования. 2018. № 11-1. С. 46-51.
7. Елацков А. Б. Политическое геопространство как объект исследования. II. Географические отношения и виды геоположений // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2013. № 1. С. 107-116.
8. Иванов И. С. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Москва : Российский совет по международным делам, 2016. 58 с.
9. Плисецкий Е. Е. Особенности современного этапа и проблемы пространственного развития арктических регионов России / Е. Е. Плисецкий, Е. Л. Плисецкий // Управленческие науки. 2019. № 9 (4). С. 32-43.

10. Татаркин А. И. Современная парадигма освоения и развития Арктической Зоны Российской Федерации / А. И. Татаркин, Е. А. Захарчук, В. Г. Логинов // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2 (18). С. 4-13.
11. Erokhin, V., Gao, T., Zhang, X. Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic. Hershey: IGI Global, 2019. 703 p.
12. Heininen, L., Everett, K., Padrtova, B., Reissell, A. Arctic Policies and Strategies – Analysis, Synthesis, and Trends. Laxenburg: IIASA, 2020. 263 p.
13. Hong N. China's Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges. – Washington: Institute for China-America Studies, 2018. 36 p.
14. Keskitalo, E.C.H. The Politics of Arctic Resources: Change and Continuity in the “Old North” of Northern Europe. London: Routledge, 2019. 272 p.
15. Мое А., Stokke O. S. Asian Countries and Arctic Shipping Policies, Interests and Footprints on Governance // Arctic Review on Law and Politics. 2019. №10. P. 24-52.
16. Southcott C., Abele F., Natcher D., Parlee B. Resources and Sustainable Development in the Arctic. London: Routledge, 2018. 304 p.
17. Tamnes, R., Offerdal, K. Geopolitics and Security in the Arctic: Regional Dynamics in a Global World. London : Routledge, 2014. 198 p.
18. The State Council of the People's Republic of China. China's Arctic Policy. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm. (Дата обращения: 08.03.2020).

Reference List

1. Арктика: стратегия развития = Arctic: the strategy of development : монография / под общ. ред. С. А. Липиной, О. О. Смирновой, Е. В. Кудряшовой. Архангельск : SAFU, 2019. 338 с.
2. Gao T. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo po sozdaniju Arkticheskogo sinego jekonomicheskogo koridora: problemy i perspektivy = Russian-Chinese cooperation on creating Arctic blue economic belt: problems and perspectives // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2018a. № 3. S. 51-55.
3. Gao T. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v Arktike v formate opornyh zon = Russian-Chinese cooperation in Arctic in reference zones format // Vestnik universiteta. 2018b. № 4. S. 43-50.
4. Goldin V. I. Geopolitika Arktiki: novye issledovanija = Geo-policy of Arctic: new researches // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2016. № 6. S. 151-155.
5. Grigor'ev M. N. Razvitie tranzitnogo potenciala Severnogo morskogo puti = The development of transit potential of North sea route // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2019. T. 12. № 5. S. 109-129.
6. Gubina O. V. Sovremennye podhody k hozjajstvennomu osvoeniju arkticheskikh territorij RF v aspekte perspektivnogo prostranstvennogo razvitija = Modern approaches to economic developing of Arctic of RF in the aspect of perspective space development / O. V. Gubina, A. A. Provorova // Fundamental'nye issledovanija. 2018. № 11-1. S. 46-51.

7. Elackov A. B. Politicheskoe geoprostranstvo kak ob#ekt issledovanija. II. Geograficheskie otnoshenija i vidy geopolozhenij = Political geo-space as an object of research. II. Geographic relations and sights of geo-places // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 107-116.
8. Ivanov I. S. Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy = Asian players in Arctic: interests, opportunities, perspectives. Moskva : Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 2016. 58 s.
9. Pliseckij E. E. Osobennosti sovremennogo jetapa i problemy prostranstvennogo razvitija arkticheskikh regionov Rossii = The peculiarities of modern stage and problems of space development of Arctic regions of Russia / E. E. Pliseckij, E. L. Pliseckij // Upravlencheskie nauki. 2019. № 9 (4). S. 32-43.
10. Tatarkin A. I. Sovremennaja paradigma osvoenija i razvitija Arkticheskoy Zony Rossijskoj Federacii = Modern paradigm of developing of Arctic Zone of Russian Federation / A. I. Tatarkin, E. A. Zaharchuk, V. G. Loginov // Arktika: jekologija i jekonomika. 2015. № 2 (18). S. 4-13.
11. Erokhin, V., Gao, T., Zhang, X. Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic. Hershey: IGI Global, 2019. 703 p.
12. Heininen, L., Everett, K., Padrtova, B., Reissell, A. Arctic Policies and Strategies – Analysis, Synthesis, and Trends. Laxenburg: IIASA, 2020. 263 p.
13. Hong N. China’s Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges. – Washington: Institute for China-America Studies, 2018. 36 p.
14. Keskitalo, E.C.H. The Politics of Arctic Resources: Change and Continuity in the “Old North” of Northern Europe. London: Routledge, 2019. 272 p.
15. Moe A., Stokke O. S. Asian Countries and Arctic Shipping Policies, Interests and Footprints on Governance // Arctic Review on Law and Politics. 2019. №10. P. 24-52.
16. Southcott C., Abele F., Natcher D., Parlee B. Resources and Sustainable Development in the Arctic. London: Routledge, 2018. 304 p.
17. Tamnes, R., Offerdal, K. Geopolitics and Security in the Arctic: Regional Dynamics in a Global World. London : Routledge, 2014. 198 p.
18. The State Council of the People’s Republic of China. China’s Arctic Policy. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm. (Дата обращения: 08.03.2020).

УДК 304.42

Е. А. Страдина

<https://orcid.org/0000-0001-9907-9748>

**Государственное регулирование сферы культуры в России:
противоречия и возможности**

Для цитирования: Страдина Е. А. Государственное регулирование сферы культуры в России: противоречия и возможности // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 37-45. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-37-45

Статья посвящена проблеме поиска оптимального подхода к государственному регулированию сферы культуры. Проводится анализ тенденций государственного управления культурой в России, сложившиеся за последние 30 лет, принятые нормативно-правовые акты, проведенные реформы. На основании этого делается вывод о недостатках в понимании специфики сферы культуры как объекта государственного регулирования, приоритета экономической оптимизации в ущерб качественному развитию данной сферы, что составляет основную суть сложившихся противоречий понимания культуры в качестве объекта государственного управления. Проводится сравнение культурной политики и политики в сфере культуры, выявляются различия между ними. Культурная политика является системной характеристикой общества и государства в целом, сфера культуры – это относительно самостоятельный объект государственного регулирования. В нее включаются производители и потребители культурной деятельности и ее продуктов, а также культурные институты. Делается вывод, что непосредственными объектами государственного управления должны выступать культурные институты. Рассмотрение сложившихся подходов к пониманию места государственного управления в функционировании и развитии сферы культуры приводит к заключению о необходимости поиска «золотой середины» между значительным государственным вмешательством и полным переводом сферы культуры на рыночные механизмы. В качестве методологической основы государственного регулирования предлагается теория французского политолога М. Крозье. Он выделил три механизма регулирования различных сфер человеческой деятельности – рынок, регуляции и регламентации. С учетом специфики сферы культуры и ее роли в развитии общества определяется позиция государства в качестве помощника, содействующего сфере культуры в поиске собственных наилучших регуляций.

Ключевые слова: сфера культуры, государственное регулирование, культурная политика, культурная деятельность, культурные институты, теория М. Крозье, рыночные механизмы, регуляции.

© Страдина Е. А., 2020

E. A. Stradina

**State regulation of the sphere of culture in Russia:
contradictions and opportunities**

The article is devoted to the problem of finding the optimal approach to state regulation of the sphere of culture. The analysis of trends in the state management of culture in Russia, established over the past thirty years, adopted legal acts and reforms. On this basis the conclusion is made about the shortcomings in the understanding of culture as an object of state regulation, the priority of economic optimization to the detriment of the qualitative development of this sector, which is the basic essence of the differences in the understanding of culture as an object of state administration. A comparison of cultural policy and policy in the field of culture is made, and differences between them are revealed. Cultural policy is a systemic characteristic of society and the state as a whole, while the sphere of culture is a relatively independent object of state regulation. It includes producers and consumers of cultural activities and their products, as well as cultural institutions. It is concluded that the direct objects of state administration should be cultural institutions. Consideration of the existing approaches to understanding the place of public administration in the functioning and development of the cultural sphere leads to the conclusion that it is necessary to find a "Golden mean" between significant state intervention and the complete transfer of the cultural sphere to market mechanisms. As a methodological basis for state regulation, the theory of the French political scientist M. Crozier is proposed, which identifies three mechanisms for regulating various spheres of human activity – the market, regulations, and legal regulations. Considering the specifics of the cultural sphere and its role in the development of society, the position of the state as an assistant to the cultural sphere in the search for its own best regulations is determined.

Key words: cultural sphere, state regulation, cultural policy, cultural activity, cultural institutions, M. Crozier's theory, market mechanisms, regulation.

В Российской истории и на современном этапе развитие сферы культуры, характер функционирования культурных институтов находятся в непосредственной зависимости от трансформации политической системы. При этом культура часто используется в качестве механизма проведения желаемых политических изменений. Крещение Руси, раскол, петровские реформы, октябрьская революция – наиболее эпохальные периоды смены поли-

тического пути, находившие отражение культурной деятельности, причем при активном государственном участии [Страдина, 2007]. Конечно, российское государство не является в этом вопросе первооткрывателем. Вопросы регулирования государственной сферы культуры были актуальны на протяжении всей истории человечества. Еще Платон в «Государстве» отмечал о недопустимости того, чтобы дети воспринимали какие попало и

кем попало выдуманные мифы, тем более если находятся в противоречии с тем, какими личностями они должны стать, когда вырастут. Для того, чтобы этого не произошло, следует контролировать «творцов» мифов. И если их произведения такие, какие надо, то допускать их к распространению, а если нет – отвергать [Антология мировой политической мысли ... , 1997].

На протяжении последних 30 лет происходит ставшая уже перманентной в нашей стране реформа сферы культуры. Для последней это выражается в ряде значимых основ ее функционирования, дать оценку результативности однозначно не удается вплоть до настоящего времени. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие последовательной государственной культурной политики, при условии того, что государство выступает ключевым субъектом ее формирования. Такая роль государства обусловлена тем, что для российского рынка сфера культуры – это тотальный провал рынка. Несмотря на отдельные проекты, мероприятия, попытки развить культурную индустрию, за пределы области развлечений она так и не вышла. В этой связи возникает необходимость анализа тех противоречий, неразрешенность которых вплоть до настоящего времени не дает государству обеспечить устойчивый характер развития сферы культуры [Коряковцева, 2019].

Затрагивающие сферу культуры реформы стали набирать обороты, начиная со второй половины 1980-х годов, их инерция продолжилась на протяжении всех 1990-х годов, а последствия присутствуют до сих пор. Основной целью тогда стало внедрение в деятельность культурных институтов рыночных механизмов, в которых виделось спасение от тотального идеологического и административно-командного контроля со стороны партии и государства. Но в реальности это привело только к тому, что оказавшееся в политическом и экономическом кризисе государство просто «сбросило» с себя ответственность за находящееся на его балансе организации культуры. Поскольку происходило это фактически одномоментно, то такая кардинальная смена условий функционирования просто поставила сферу культуры на грань выживания в силу неспособности подавляющего большинства организаций адаптироваться к ним. Одновременно с этим, на «культурный» рынок после падения «железного занавеса» стали проникать многообразные образцы западных продуктов культурной индустрии, дополняемы аналогичными образцами российской эстрады, более интересные и завлекательные для массового потребителя, практически похоронившие под собой действующую сеть культурных учреждений. Выразилось это, например, в том, что дома культуры сосредоточились на аренде помещений,

которые имелись у них в достатке, музеи повсеместно стали проводить не обладающие историко-культурной ценностью выставки, школы искусств перестали проводить конкурсный отбор одаренных детей, чтобы хоть как-то обеспечить наполняемость, а памятники истории и культуры оказались брошены, многие утрачены, в том числе, из-за недобросовестной предпринимательской деятельности.

Безусловным положительным результатом можно считать становления «культурного» законодательства. В 1992 году был принят федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утвержден Верховным Советом РФ 9 октября 1992 года № 3612-1), в следующем году – Закон РФ от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О ввозе и вывозе культурных ценностей», в 1994 году – федеральный закон № 78-ФЗ от 29.12.1994 г. «О библиотечном деле», в 1996 году – федеральный закон от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и некоторые другие. Но многие положения указанных нормативно-правовых актов были слабо реализуемы как в силу отсутствия достаточного количества подзаконных актов, так и из-за недостаточности финансирования. В частности, плохо комплектовались научные библиотеки субъектов РФ, несмотря на наличие такого требования, а не соблюдение зако-

нодательства о музейном фонде и перемещении культурных ценностей привело к тому, что до сих пор во многих музеях обнаруживаются пропажи из фондов и подделки.

Конечно, запущенный процесс реформирования, с одной стороны, был вызван рядом объективных причин трансформации политической системы, но, с другой стороны, культуры – это не та сфера, где изменения могут действительно проводиться мгновенно. И неадекватные действия со стороны государства, не учитывавшие особенности сферы культуры, привели в итоге к резкому ухудшению ее положения.

Относительная смена ситуации наметилась в 2000-2010 годах, прежде всего, в силу улучшения экономической ситуации в стране, что повлекло за собой рост финансирования и сферы культуры. Но дальнейшее реформирование сферы культуры, как и в целом бюджетной системы России, привело к подмене целей – приоритетом стала оптимизация, выражаемая в финансовых показателях экономии и доходах.

В. Ю. Музычук по этому поводу приводит три основные причины [Музычук, 2013, с. 186-190]:

– «узкое» понимание культуры, когда господствует отраслевой принцип отнесения деятельности и результата к категории культурной, что, фактически приводит к тому, что объектом государственного регулирования становится исключительно сеть культурно-досуговых учреждений;

– низкий правовой и общественный статус культуры, что приводит к непониманию и неостребованности потенциала сферы культуры для решения государственных задач. Следует добавить, что значительным фактором здесь становится и подмена культуры православием (в его подлинно религиозном контексте) и патриотизмом (как приобщение к истории, в очень ограниченном объеме, и ценностям, в требуемом со стороны государства понимании);

– оценка результативности культурной деятельности с точки зрения ее экономической эффективности. В итоге деятельность организации культуры рассматривается как целесообразной при условии ее финансового самообеспечения, а не с точки зрения получаемых социальных, культурных и образовательных эффектов.

В совокупности эти три обстоятельства и привели к тому, что сфера культуры для государства является своего рода балластом, который необходимо максимально оптимизировать и простимулировать на сокращение излишнего бюджетного финансирования. При этом характер проведения данного решения приобрел не какой-нибудь, а административно-командный характер, что проявляется в достаточно жестких разрядах, а также «удобных» руководителях, назначение которых и удержание на своих местах происходит именно для проведения в жизнь данных задач.

При этом культура относится к тем элементам общества, эффекты от состояния и деятельности которых будут проявляться через определенный период времени, а не в текущем контексте. Проще говоря, какова культура сейчас, таково будет общество и человек в этом обществе через 10-20 лет. В связи с этим следует говорить о переориентации государственной политики в сфере культуры с оптимизационных механизмов на развитие заложенного в ней потенциала, даже если с экономической точки зрения это будет невыгодно в текущем контексте.

На этой основе попытаемся определить возможную модель государственного регулирования в сфере культуры. Для начала обратим внимание, что данный процесс рассматривается через две категории – культурная политика и политика в сфере культуры. Часто они используются в качестве синонимов, что не верно. Культурная политика – это более широкое понятие, в структуру которого включают стратегические составляющие развития общества в целом. По сути, культурная политика – это одна из сторон государственной политики, гражданского общества в целом, поскольку отражает ценностные, нравственные, нормативные основы их формирования и реализации, то есть выполняет по отношению к ним интегративную функцию. В конечном счете формирование культурной политики – это деятельность всего общества [Флиер,

1997, с. 141], поскольку культура – это способ его существования. Государственное регулирование в данном случае будет основываться на том, что государство – уже часть этой культуры.

Политика в сфере культуры – это уже дефиниция политологическая [Балакшин, 2004, с. 377], определяющая направления регулирования конкретными объектами и видами человеческой деятельности, которые трактуются как культура [Гейр, 2004]. Сюда относится профессиональный труд, основанный на специальных знаниях, умениях и навыках. Несмотря на постоянную критику такого подхода, то есть как раз указанную выше «узость», на наш взгляд, он не ограничивает понимание культуры, а необходимо именно для осуществления государственного управления, наравне с политикой в области образования, науки, экологии и т. д. – что тоже является частью культуры в ее широком понимании, но обладает своей спецификой с управленческой точки зрения.

Сфера культуры как объект управления состоит из следующих элементов [Страдина]:

1) люди, профессионально осуществляющие культурную деятельность в организациях сферы культуры;

2) потребители культурного продукта, то есть общество в целом и человек, в частности, посредством участия в культурной жизни, твор-

ческой деятельности, доступа к культурному наследию и т. д.;

3) культурные институты, сформировавшиеся в ходе взаимодействия первой и второй категории участников, а в ходе своего развития получившие организованный характер и функционирующие по определенным правилам и нормам.

Именно культурные институты являются объектами политики в сфере культуры. Это обусловлено тем, что они являются результатом совместной культурной деятельности, а любая совместная деятельность приводит к возникновению противоречий между различными интересами участников, для разрешения которых и возникает необходимость политического регулирования, то есть согласования всех интересов и формулировании на их основе общих целей функционирования и развития сферы культуры.

Основными субъектами политики в сфере культуры являются государство, общественные организации, частные лица, бизнес – все то, кто заинтересован в оказании влияния на функционирование сферы культуры, обладает собственным видением ее настоящего и будущего, мнением о целях, методах ее развития. В России ведущим субъектом остается государство, в силу низкой заинтересованности, малой активностью, немногочисленности иных субъектов. Но при этом именно государство, как было показано выше, является основным источни-

ком противоречий для развития сферы культуры.

Взгляды на роль государства в сфере культуры многообразны, но сводятся к двум основным крайностям: с одной стороны, необходимо полное невмешательство государства в культурную деятельность, поскольку это нарушает культурные права граждан, с другой – государство должно регулировать сферу культуры, так как только оно обладает достаточным количеством ресурсов для этого. Но любые крайности не несут в себе позитивного потенциала. П. Бурдьё по этому поводу отмечал, что государственная деятельность в сфере культуры имеет негативный характер потому, что навязывает воспроизводство культурных представлений доминирующих политических сил. Но одновременно с этим расходы на культуру никогда не будут покрываться доходами, поэтому сфера культуры вынуждена опираться на власти и рассчитывать на их материальную поддержку. Помимо этого, поддержка необходима и для стимуляции инновационной деятельности творца, когда, имея материальную поддержку государства, он может не зависеть от законов рынка [Макарова, 1999, с. 181]. Таким образом, необходимо искать «золотую середину» при определении содержания государственного регулирования в сфере культуры, то есть определить пределы необходимого вмешательства государства.

Французский политолог М. Крозье [Крозье, 1997] выделил три механизма регулирования любой сферы человеческой деятельности: автоматическое регулирование рынка, регуляции (совокупность правил) и регламентации (законы государства). При этом рыночные механизмы – это не панацея. Наряду с ними должны действовать разнообразные иные регуляции, способствующие развитию рыночных отношений. В том случае, если эти регуляции закрепляются государством, то они становятся регламентациями. Государство должно выполнять функции помощника, не навязывая иным участникам свои взгляды административно-командными методами. Основной задачей государства становится способствование сфере культуры найти наилучшие регуляции, но ни в коем случае не осуществлять машинальный перенос регуляций одной сферы на другую, что произошло как в конце 1980-х гг., и что происходит сейчас через экономизацию культуры.

Таким образом, целью государственного регулирования в сфере культуры должно стать определение проблем, выявление их причин, проведение корректирующих воздействий для исправления ситуации с учетом специфики деятельности культурных институтов и на основе партнерского взаимодействия. При этом следует определить, какие составляющие культурной деятельности могут развиваться при участии

государства, а для каких государственного регулирования будет носить «рамочный» характер. Важнейшим принципом государственного регулирования должна стать децентрализация управления и культурных взаимодействий. При

этом государство может использовать различные политические инструменты – экономические, правовые, организацией, социальные и психологические, но их объем и актуальность должны зависеть от конкретных требований.

Библиографический список

1. Антология мировой политической мысли. Т.1. Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция. Москва : Мысль, 1997.
2. Балакшин А. С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2004. Вып. 1. С. 374-379.
3. Гейр В. Инструментальная культурная политика в скандинавских странах: критический исторический взгляд // Журнал «60 параллель». 2004. № 2 (13).
4. Макарова Г. И. Культурная политика в полиэтничном общества // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследования социокультурных перемен. Казань : Терра консалтинг, 1999. С. 173-186.
5. Коряковцева О. А. Социальная ответственность российской политической элиты как импульс преобразования / О. А. Коряковцева, О. Н. Титова // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5). С. 17-24.
6. Крозье М. Современное государство – скромное государства. Другая стратегия изменения // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX века. Москва : Мысль, 1997. С. 699-711.
7. Музычук В. Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. 280 с.
8. Страдина Е. А. Государство и сфера культуры: пределы необходимого регулирования // Интернет-журнал «Культура&обществ». URL: <http://www.eculture.ru/Articles/2006/Stradina.pdf>. (Дата обращения: 07.02.2020).
9. Страдина Е. А. Противоречия реформирования сферы культуры России на рубеже XX-XXI веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 11, № 32. С. 227- 230.
10. Флиер А. Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124-145.

Reference List

1. Antologija mirovoj politicheskoj mysli. t.1 Zarubezhnaja politicheskaja mysl': Istoki i jevoljucija = The anthology of world political thought. V.1. Foreign political thought :Sources and evolution. Moskva : Mysl', 1997.
2. Balakshin A. S. Sushhnost' i sodержanie ponjatija «kul'turnaja politika» = Essence and content of the notion “cultural policy” // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Social'nye nauki. 2004. Vyp. 1. S. 374-379.

3. Gejr V. Instrumental'naja kul'turnaja politika v skandinavskih stranah: kritičeskij istoričeskij vzgljad = Instrumental cultural policy in Scandinavian countries: critical historical opinion // Zhurnal «60 parallel'». 2004. № 2 (13).
4. Makarova G. I. Kul'turnaja politika v polijetnichnom obshhestva = Cultural policy in polyethnic society // Komu prinadlezhit kul'tura? Obshhestvennye nauki i perspektivy issledovanija sociokul'turnyh peremen. Kazan' : Terra konsalting, 1999. S. 173-186.
5. Korjakovceva O. A. Social'naja otvetstvennost' rossijskoj političeskoj jelity kak impul's preobrazovanija = Social responsibility of Russian political elite as an impulse of changing / O. A. Korjakovceva, O. N. Titova // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 4 (5). S. 17-24.
6. Kroz'e M. Sovremennoe gosudarstvo – skromnoe gosudarstva. Drugaja strategija izmenenija = Modern State – modest state. Another strategy of changing // Antologija mirovoj političeskoj mysli. V 5 t. T. 2. Zarubezhnaja političeskaja mysl' XX veka. Moskva : Mysl', 1997. S. 699-711.
7. Muzychuk V. Ju. Gosudarstvennaja podderzhka kul'tury: resursy, mehanizmy, instituty = State support of culture: resources, mechanisms, institutions. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2013. 280 s.
8. Stradina E. A. Gosudarstvo i sfera kul'tury: predely neobhodimogo regulirovanija = State and the sphere of culture: the range of necessary regulation // Internet-zhurnal «Kul'tura&obshhestv». URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Stradina.pdf>. (Data obrashhenija: 07.02.2020).
9. Stradina E. A. Protivorechija reformirovanija sfery kul'tury Rossii na rubezhe XX-XXI vekov = Contradictions of sphere of culture reformation in Russia on the turn of XX-XXI c. // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. T. 11, № 32. S. 227- 230.
10. Flier A. Ja. Sovremennaja kul'turologija: ob#ekt, predmet, struktura = Modern cultural science : object, subject, structure // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 2. S. 124-145.

Гао Шаопин

УДК 821.161.1-93

<https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Эстетическая адаптация при переводе художественного текста

Для цитирования: Гао Шаопин Эстетическая адаптация при переводе художественного текста // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 46-56. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-46-56

В настоящей работе исследуются эстетические субъекты и объекты, и процесс эстетической адаптации художественного перевода с точки зрения концепции гармонии. Художественный перевод направлен на реализацию эстетической потребности читателя переводной литературы. Культурная неоднородность, авторские личности и пространственно-временные различия вызывают актуальные трудности при переводе. В связи с этими проблемами реализация эстетического наслаждения от переводной литературы тесно связана с использованием приемов, способов и принципов переводчика. В статье показано, как отношение переводчика к культурной неоднородности определяет его переводческую стратегию, направленную на преодоление проблем переводимости. Концепция гармонии и интеграции открывает новую перспективу для перевода. На основе гармонизации эстетическая адаптация предлагает переводчику решение противоречивых вопросов. Она необходима при переводе отдельных труднопереводимых фраз и явлений в тексте оригинала с национальной спецификой. Чтобы восстановить коммуникативную среду для автора и читателя, переводчику приходится иногда адаптировать переводной текст к культурному типу адресата. При таком случае переводчик должен различными языковыми средствами соединять две культуры в гармоничное культурное пространство. Значит, переводчик с культурной межсубъективной личностью находится на стыке двух культур и участвует в переводческой деятельности для реализации эстетической адаптации. В статье проанализированы главные элементы культурной неоднородности в художественном переводе, определено значение переводческой стратегии в понимании и передаче эстетики с неоднородными культурными элементами, проанализированы факторы, связанные с эстетическим восприятием, и последовательность эстетической адаптации.

Ключевые слова: художественный перевод, культурная неоднородность, субъект и объект, гармония и интеграция, эстетическая адаптация.

Gao Shaoping

Aesthetic adaptation in literary translation

Artistic translation is aimed at realizing the aesthetic needs of translated literature for the readers. Cultural heterogeneity, author's personalities, and time-space differences create difficulties for the translator. It is closely related to the use of techniques, methods and principles of the translator to give the aesthetic pleasure of translated literature. It is shown that the translator's attitude to cultural heterogeneity determines his translation strategy, which is one of the significant problems in untranslatability and concerns the adequacy of translation. The concept of harmony and integration offers a new point of view for translation. On the basis of harmonization, aesthetic adaptation helps the translator to resolve conflicting issues in different cultures. Keeping harmony is necessary when translating certain difficult-to-translate phrases and phenomena in the source text with cultural identities. To restore a communicative environment for the author and reader, the translator sometimes has to adapt the translated text to adapt the culture of the target language. In this case, the translator must use all possible means to connect the two cultures into a harmonious cultural space. This means that a translator is at the intersection of two cultures and engages in translation activities for aesthetic adaptation. The purpose of this article is to analyze the main elements of cultural heterogeneity in artistic translation, to determine the significance of the translation strategy in understanding and transmitting aesthetics with a heterogeneous culture, to find out the related factors with aesthetic perception, and to analyze the process to achieve aesthetic correction and adaptation. This paper examines aesthetic subjects and objects, and the phasic aesthetic adaptation process of literary translation from the point of view of the concept of harmony.

Key words: Literary Translation, Cultural Heterogeneity, Subject and Object, Harmony and Integration, Aesthetic Adaptation.

Художественное творчество включает в себя литературные произведения, пьесы, сценарий, субтитры к фильмам и телепередаче, рекламный текст, тексты песен и т. д. В отличие от информационного перевода, требующего абсолютной точности и дословности при воспроизведении текстов, художественный перевод должен оказывать эстетическое воздействие на читателя. Элементы эстетической

информации образуют картину мира, содержащего в себе авторскую систему ценностей и его эстетические приоритеты, дающие читателям возможность наслаждаться, обогащать кругозор и духовный мир. Реализация эстетики художественного перевода заключается в выяснении факторов, связанных с субъектами и объектами, и в гармонизации перевода.

Художественный перевод является самым сложным и наиболее многогранным видом переводческой деятельности, характеризующейся трансформацией своеобразных языковых средств с выразительностью, этнокультурной неоднородностью и индивидуальностью творчества автора. Вышеперечисленные элементы считаются «непереводимостью» и неповторимостью в переводе. «Действительно, если художник не может сам повторить то, что было создано им в момент вдохновения, то есть в определенный момент жизни, в определенной ситуации, под воздействием определенных эмоций и идей и в определенном окружении, то как же может это повторить переводчик, другой человек, в другой жизненной ситуации, в другом эмоциональном состоянии, да еще и средствами другого языка?» [Гарбовский, 2007, с. 31]. Китайский писатель Фу Лэй, переводчик ряда французских работ, отметил, что в художественном переводе чувства, эмоция и понимание тесно связаны и определяют конкретный вид перевода для переводчика. Такое мнение разделяет и китайский литературовед Се Чжоу, один из лучших переводчиков произведений Чехова. Если общая теория перевода считается уже в полном объеме разработанной и оформленной, то эстетические проблемы литературно-художественного перевода остаются и требуют дальнейшего исследования.

Чтение художественного перевода представляет собой косвенное общение, позволяющее читателям познать чужой реальный мир, идеологию, внутренний мир личности автора оригинала и даже самого себя. «Перевод – средство обеспечить возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках» [Комиссаров, 1990, с. 25]. С точки зрения теории речевой деятельности в переводческой практике художественного текста взаимодействие между субъектами и объектами. Как субъекты автор, переводчик и читатель равны в переводческой деятельности, обладающими субъективной активностью, а оригинальный текст (исходный текст) и переводной текст считаются объектами.

В процессе перевода переводчик выбирает стратегии и методы, с учетом всех факторов, связанных с автором и читателями, их восприятием эстетики. Заинтересованные и взаимозависимые отношения определяют положения субъектов в переводческой деятельности в аспекте коммуникативного акта. «Следует определить характер отношений между тремя постоянными участниками перевода: автором исходного речевого произведения, переводчиком и получателем речевого произведения, созданного переводчиком, а также рассмотреть этические аспекты переводческого труда. И наконец, важно понять, каким <инструментарием> владеет

переводчик, какие операции производит он над текстом, какие использует приемы и методы для выхода из противоречивых ситуаций» [Гарбовский, 2019, с. 48].

Сложнее судить об авторском стиле, характеризующемся имплицитностью и оригинальностью. «Краткость – сестра таланта», – сказал А. П. Чехов. Писатель придерживается своего стиля в творчестве, и во всех его работах сохраняются некоторые общие черты. Переводчик должен серьезно задуматься над стилем автора при переводе и с осторожностью восстановить авторскую картину мира. «К оригиналу следует относиться как к святыне, пытаясь донести до иноязычного читателя его вкус и аромат. Если же этого не происходит, если произведение попадает в руки человека, сделавшего перевод лишь средством пропитания, даже шедевр вместо того, чтобы давать читателю эстетическое наслаждение, будет восприниматься как тягомотина» [Чотикеева, 2015, с. 199].

Нередко художественные образы и прагматические ассоциации, возникающие в связи с одним словом, резко отличаются. Так, образ сороки в разных странах имеет различные символические значения: в китайском языке птица сорока является символом удовольствия и брачного счастья, во многих странах сорока по традиции считалась признаком удачи и опасности, а в христианстве сорока тесно связана с образом дьявола, означает тщесла-

вие. «А в разных языках символы зачастую получают совершенно различное содержательное наполнение» [Леонтьева, 2011, с. 91]. Качественный перевод рассматривается как вторичное творчество, максимально приближается по эстетике к оригиналу. В области художественного перевода дословный перевод будет недоступен и неточен. «Перевод – это воссоздание подлинника в единстве формы и содержания в новом языковом материале, это отражение художественной действительности подлинника в целом; поэтому в нём проявляется и национальная специфика творчества переводчика, выраженная не просто в языковых элементах, а в системе художественно значимых элементов» [Гаччиладзе, 1980, с. 147].

Эстетическое впечатление при переводе достигается не просто соответствующими языковыми средствами. В процессе эстетического воссоздания переводчик передает эмоцию, духовное наслаждение и красоту, которые он постиг. Отчужденный от читателя буквальный перевод, по словам К. Чуковского, никогда не может быть переводом художественным.

Теоретическим обоснованием эстетической адаптации при переводе является концепция динамической эквивалентности Ю. Найды. По его мнению, «динамическая эквивалентность» в художественном переводе ориентирована на реакцию читателя перевода. В связи с

многочисленными трудностями переводчику необходимо находить компромисс при переводе и обратиться к приемам адаптации. По Нелюбину, понятие «адаптация» означает следующее: «1. Прием для создания соответствий путем изменения описываемой ситуации с целью достижения одинакового воздействия на рецептора. 2. Под адаптацией понимается обычно разнообразная обработка текста: упрощение его содержания и формы, а также сокращение текста в целях приспособления его для восприятия читателями, которые не подготовлены к знакомству с ним в его подлинном виде. 3. Приспособление текста для недостаточно подготовленных читателей. Например, <облегчение> текста литературно-художественного произведения для начинающих изучать иностранные языки» [Нелюбин, 2003, с. 12-13]. Часто употребляемые методы и приемы адаптации – транскрибирование, транслитерация, калькирование, лексическое перемещение (добавление и опущение), генерализация, конкретизация, модуляция/смысловое развитие, контекстуальная замена (оказиональное соответствие), целостное преобразование. Этнические, региональные, идеологические различия, вызванные конфликтами, являются препятствием в общении между автором, переводчиком и читателем, поэтому перевод должен строиться на основе равноправного диалога между автором, переводчиком и чи-

тателем. Переводчик должен относиться к оригинальности автора с уважением, и принимать во внимание горизонт ожидания читателя.

Эстетическая адаптация на основе динамической эквивалентности чаще всего производится заменой, изменяющей описываемую ситуацию в оригинале с целью достижения одинакового воздействия на адресата. Благодаря заслугам музыканта Сюэ Фань, такие русские и советские песни, как «Подмосковные вечера», «Ой, цветет калина», «Вечер на рейде» и т. д., переведенные им на китайский язык, больше пятидесяти лет поются в Китае. Он не раз признавался, что сам долго мучился над переводом и ему пришлось заменить и удалить некоторые слова, чтобы тексты на китайском языке гармонично звучали под мелодию и ритм.

Тщательно анализируя степень культурных различий и объективность вмешательства переводчика, переводчик, использующий прием эстетической адаптации, передает красоту оригинала, реализует эстетическое взаимодействие и гармоничное сочетание в рамках своей переводческой деятельности. И в этом смысле основополагающей для художественного перевода является концепция гармонии и интеграция художественного перевода. Гармония является одним из важнейших и древнейших эстетических факторов. Гармония в философии – согласование разнородных и даже противоположных (кон-

фликтных) элементов, в эстетике – слаженность целого, рождающаяся от сочетания противоположных по качеству сущностей (например, в музыке – консонанса и диссонанса). Интеграция – процесс объединения частей в целое, объединение и систем в единую среду.

Китайский ученый Чжан Ливэнь написал монографию на тему «Теория гармонии и интеграции (Теория Хэ Хэ)», которая основана на философии древних времен Китая и охватывает все области общественной жизни Китая. Понятие гармонии и интеграции (Хэ Хэ) имеет очень глубокие корни в китайской культуре и рассматривается как этическая система, дающая основу согласия, стабильности в обществе. Что касается литературы, то гармония и интеграция отразились в глубоко укоренившихся традициях искусства и считаются неисчерпаемым источником художественного творчества, духовной силы и самобытности китайской нации. В Китае популярен фразеологизм 和而不同 (hé ér bù tóng, хэ эр бу тун) из учения Конфуция в книге «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), составленной учениками, записывающими беседы Конфуция с ними. Фразеологизм поднимается как «находиться в согласии, имея разные взгляды». Сюда и включено понятие два «хэ», то есть гармония и интеграция. Гармония рождает вещи всякого рода, материального и духовного. В современном смысле «хэ-хэ» является способом разре-

шить явные или неявные противоречия в природе, обществе, духовной жизни человеческой цивилизации и создать новую гармоничную эстетику. Очевидно, что эстетика искусства смыкается с философией. «Гармония и интеграция – это сущность китайской культуры и корень современной гармоничной культуры» [吴志杰 ... , с. 5]. В связи с концепцией гармонии и интеграции эстетика перевода художественного текста представляет собой гармоничное единство содержания и формы, материала и духа, времени и пространства, субъектов и объектов. «Художественный перевод предполагает осмысление литературного текста как сложного структурного единства системы взаимодействующих элементов, служащих раскрытию идейно-тематического содержания литературного произведения. Переводчик должен уметь проникнуть в художественную <ткань> произведения, осмыслить идейную и эстетическую ценность прочитанного, дать научно обоснованную интерпретацию литературного текста» [Баймухаметова, 2018, с. 51]. Чтобы избегать труднопереводимых явлений в переводе, переводчик иногда вынужден заменять непривычные или неизвестные для иноязычных читателей реалии привычными и известными. «Каждый поэт-переводчик по-своему решает, чем жертвовать – формой или содержанием» [Вербова, 2019, с. 7]. При помощи гармонизации художественная эстетика перевода литера-

турного произведения способна вызывать у читателя важные эмоции восхищения, возбуждения, сочувствия, успокоения, умиротворения.

Межкультурный литературный перевод направлен на передачу эстетики произведений в различных культурных средах. Нет никаких сомнений, что экзотические реалии при переводе литературы могут оказаться сложными для переводчика. «Социальная среда, правозащитные дискуссии, идеология, ценности и т. д. заставляют автора противоречить читателю перевода и культуре перевода...» [胡牧, 彭文青, ... , с. 61]. Исторические условия (особенно политическая обстановка), географическое пространство (природная географическая среда) и авторский стиль в оригинале и в художественном переводе могут отличаться. А. Д. Швейцер указал, что «перевод – это процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер, 1988, с. 75]. Современная теория художественного перевода базируется на ряде положений, главным из которых является то, что переводчик как посредник в межкультурной коммуникации прорывает культурные барьеры, будучи мостом между автором и читателем перевода. Коммуникативная компетенция определяет интересующий

переводчика в межкультурной коммуникации при переводе. «Перевод – акт межъязыковой коммуникации. При переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур» [Бреус, 2002, с. 4].

Придерживаясь собственной культурной идентичности, переводчик выполняет гармоничное слияние «своей культуры» и «чужой культуры» с целью достижения эстетического эффекта. «Художественный перевод есть перевод текстов, насыщенных языковыми средствами с временными семасиологическими связями (употреблением слов и словосочетаний в переносном значении – метафорами, метонимиями, синекдохами, эпитетами, аллегориями, гиперболами, сравнениями); в отличие от других видов перевода всегда обусловлен необходимостью передать такой компонент сообщения как информация о структуре речевого произведения» [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 182]. Чрезмерное стремление к «лояльности» может привести к потере интереса к чтению. Концепция гармонии и интеграции дает возможность решить проблему непереводимости, найти путь к взаимопониманию между Востоком и Западом, к преодолению внутренних и внешних, индивидуальных и массовых различий.

Человек в эстетической деятельности как субъект, стремится к достижению гармоничного взаимодействия между словами и людьми

и пытается передать красоту при помощи слова. Выбор переводческой стратегии зависит от конкретного жанра творчества. Поэтический текст при переводе наиболее нуждается в эстетической адаптации: «...факторы, предопределяющие стратегию переводчика при переносе в перевод образной компоненты оригинала, обусловлены одновременно объективной асимметрией двух языков и культур и субъективным когнитивно-эмотивным диссонансом между переводимым поэтом и переводчиком» [Леонтьева, 2011, с. 91]. В художественном переводе неизбежно появляется «след» переводчика. Субъективность переводчика позволит ему вмешиваться в языковое оформление, эстетическое толкование и создавать свое произведение на родном языке, и переводчик должен не только быть верным эстетическому замыслу автора, но и смело производить адаптацию иноязычного текста, чтобы читатель с удовольствием воспринял эстетику оригинального текста. Этот процесс является сложным и длительным.

Эстетическая адаптация при художественном переводе характеризуется последовательностью и постепенностью. «Следовательно, в ходе каждой новой интерпретации определенная модификация и некоторая компрессия эстетической и эмоциональной информации, заключенной в образах, неизбежна» [Леонтьева, 2011, с. 89]. От первобытного общества, традиционного

сельского хозяйства до современной индустриальной цивилизации и даже современного информационного общества, в различные исторические периоды, культурные модели, способы производства, природная среда сильно изменились. Многие устаревшие культурные явления и реалии могут при переводе оказаться непонятными современному читателю: «Следует иметь в виду, что для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но всего переводимого текста (речевого произведения) в целом по отношению ко всему тексту перевода» [Бархударов, 1975, с. 15]. Короче говоря, чем больше разницы во времени, тем дольше длится эстетическое адаптирование. Во-вторых, постепенность эстетической адаптации связана с географическими различиями. Например, в азиатских странах культурные ценности похожи друг на друга, эстетической адаптации при переводе художественного творчества меньше, и восприятие текста происходит легче и быстрее. В-третьих, разные переводчики интерпретируют творчество автора по-разному. Каждый из них видит по-своему творческую концепцию автора, предлагая собственную интерпретацию его эстетического замысла. Перевод литературных произведений постепенно принимается читателями перевода. Значит эпоха, персонажи, идеи, эстетика, описан-

ные в их произведениях, постепенно признаются и воспринимаются, когда изначальный перевод достигает определенной популярности, следует и новый перевод, который, безусловно, будет более близок к культуре оригинала и позиции автора. «А. Берман, работавший над проблемой множественности толкований оригинала и утверждавший, что каждый новый перевод оригинала более ориентирован на приближение к языку исходного текста и на заострение иноязычности оригинала, также высказывался в поддержку принципа <золотой середины>, позволявшего обеспечить сохранение культуры языка оригинала и перевода» [Шерстнева, 2018, с. 58]. Мало кто из молодых китайских читателей в наше время знает, что «Анна Каренина» была переведена на китайский язык как «Маленькая история Анны», «Капитанская дочка» – первый раз «Дочь Цзя Бидань», а потом «История русской любви», и наконец переведена слово в слово.

Процесс эстетической адаптации перевода одного художественного текста от доместикации к форенизации может длиться очень долго, даже десятки или сотни лет. Учитывая читабельность и интерес адресата, переводчик чаще всего выбирает до-

стическую переводческую стратегию, ориентирующуюся на знакомые читателю реалии и восприятие читателя. Как правило, переводчик осуществляет вольный перевод ради облегчения восприятия читателя. «Сторонники вольного перевода, господствовавшего в нашей литературе до начала XX в., приравнивали роль переводчика к роли оригинального писателя, призванного воспроизводить смыслы и общее настроение текста. Произведение нередко искажалось ими до неузнаваемости» [Вербова, 2019, с. 7].

Таким образом, анализируя проблему эстетической адаптации, мы рассматриваем процесс перевода и чтения переводного текста как художественную коммуникацию. Следование концепции гармонии и интеграции способствует сосуществованию и соединению неоднородных культур во одном художественном произведении на разных языках. Важнейшим элементом эстетической адаптации при переводе является отношение переводчика к культурной неоднородности, в целях гармонизации двух текстов следует исходить из стратегии функционального эквивалента с учетом структурно-системных и культурно обусловленных связей всех элементов оригинала.

Библиографический список

1. Баймухаметова К. И. Художественный перевод как адекватная интерпретация литературного текста // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 11 (804). 2018. С. 51.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории пере-

вода). Москва : Междунар. отношения, 1975. 240 с.

3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. 3-е изд. Москва : Изд-во УРАО, 2002. 104 с.

4. Вербова М. В. Перевод поэтического текста: реинтерпретация смысла или творчество? / М. В. Вербова, Е. А. Салтыкова // Казанский лингвистический журнал. № 3. Том 2. 2019. С. 7.

5. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. Москва : Издательство московского университета, 2007. 544 с.

6. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник и практикум. 3-е изд. Москва : Юрайт, 2019. 387 с.

7. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. Москва : Советский писатель, 1980. 255 с.

8. Комиссаров В. Н. Теория перевода. Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.

9. Леонтьева К. И. Поэтический образ и гармония перевода: к вопросу о видах и границах метафорических трансформаций при переводе поэзии // Язык. Словесность. Культура. Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС. № 3. 2011. С. 91.

10. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. Москва : Московский лицей, 1996. 298 с.

11. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., Москва : Флинта : Наука, 2003. 320 с.

12. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва : Филология три, 2002. 416 с.

13. Чотикеева К. Ш. Принципы художественного перевода // Вестник КРСУ. № 6. Т. 15. 2015. С. 199.

14. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва : Наука, 1988. 216 с.

15. Шерстнева Е. С. Переводческие стратегии: от доместикации к форенизации // Филологические науки. № 10. 2018. С. 58.

16. 胡牧, 彭文青. 俄国文学在中国的翻译与接受. 《中国翻译》, 2013, №5.

17. 吴志杰. 和合翻译研究刍议. 《中国翻译》, 2011. №4.

18. 张立文. 和合学. 北京: 中国人民大学出版社, 2006. С. 488.

Reference List

1. Bajmuhametova K. I. Hudozhestvennyj perevod kak adekvatnaja interpretacija literaturnogo teksta = Literary translation as an adequate interpretation of a literary text // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 11 (804). 2018. S. 51.

2. Barhudarov L. S. Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda). Language and translation (General and separate theory of translation questions). Moskva : Mezhdunar. otnoshenija, 1975. 240 s.

3. Breus E. V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo jazyka na anglijskij = The basis of theory and practice of translation from Russian into English. 3-e izd. Moskva : Izd-vo URAO, 2002. 104 s.

4. Verbova M. V. Perevod pojeticheskogo teksta: reinterpretacija smysla ili tvorcestvo? = The translation of a poetic text: reinterpretation of the meaning or a new creation? / M. V. Verbova, E. A. Saltykova // Kazanskij lingvisticheskiy zhurnal. № 3. Tom 2. 2019. S. 7.
5. Garbovskij N. K. Teorija perevoda = The theory of the translation : uchebnik. Moskva : Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, 2007. 544 s.
6. Garbovskij N. K. Teorija perevoda = The theory of the translation : uchebnik i praktikum. 3-e izd. Moskva : Jurajt, 2019. 387 s.
7. Gachechiladze G. R. Hudozhestvennyj perevod i literaturnye vza-imosvjazi = A Literary translation and literary interconnections. Moskva : Sovetskij pisatel', 1980. 255 s.
8. Komissarov V. N. Teorija perevoda = The theory of translation. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 253 s.
9. Leont'eva K. I. Pojeticheskij obraz i garmonija perevoda: k voprosu o vidah i granicah metaforicheskikh transformacij pri perevode poezii = Poetical image and the harmony of translation: to the question of types and borders of metaphorical transformations when translating poetry // Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura. Noginsk : ANALITIKA RODIS. № 3. 2011. S. 91.
10. Min'jar-Beloručev R. K. Teorija i metody perevoda = Theory and methods of translation. Moskva : Moskovskij licej, 1996. 298 s.
11. Neljubin L. L. Tolkovyj perevodovedčeskij slovar' = Translation thesaurus dictionary. 3-e izd., Moskva : Flinta : Nauka, 2003. 320 s.
12. Fedorov A. V. Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = The basis of general translation theory (linguistic problems). Moskva : Filologija tri, 2002. 416 s.
13. Chotikeeva K. Sh. Principy hudozhestvennogo perevoda = The principles of literary translation // Vestnik KRSU. № 6. T. 15. 2015. S. 199.
14. Shvejcer A. D. Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty = The theory of translation : status, problems, aspects. Moskva : Nauka, 1988. 216 s.
15. Sherstneva E. S. Perevodcheskie strategii: ot domestikacii k forenizacii = Translation strategies: from domestication to foreignisation // Filologičeskie nauki. № 10. 2018. S. 58.
16. 胡牧, 彭文青. 俄国文学在中国的翻译与接受, 《中国翻译》, 2013, №5.
17. 吴志杰. 和合翻译研究刍议, 《中国翻译》, 2011, №4.
18. 张立文. 和合学. 北京: 中国人民大学出版社, 2006. C. 488.

УДК 821

Ван Ляньцэнь

<https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

**Перевод имен собственных с русского на китайский язык
(на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка»)**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Ван Ляньцэнь Перевод имен собственных с русского на китайский язык (на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка») // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 57-65. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-57-65

В данной статье рассмотрены проблемы перевода имен собственных на конкретном языковом материале: перевод с русского на китайский язык повести О. Мандельштама «Египетская марка». В статье рассматриваются различные типы и примеры перевода имен собственных на китайский язык. В работе излагаются проблемы, возникающие в процессе перевода, и предлагаются способы их преодоления, анализируется состав имен собственных и особенность перевода имен собственных с русского на китайский язык, производится сопоставительный и количественный анализ, также даются рекомендации для перевода имен собственных: предложены принципы подбора иероглифов, способ перевода топонимов-прилагательных, которые образованы от имен существительных, и способ перевода различных групп топонимов и антропонимов. В статье демонстрируется, что перевод имен собственных, представляющих собой огромный пласт прецизионной лексики, это не простая и очень ответственная работа, к выполнению которой переводчик должен относиться максимально серьезно и внимательно, используя свои фоновые знания и доступную справочную информацию, выбирая способы перевода в соответствии с существующими рекомендациями и с учетом конкретной прагматической задачи.

Ключевые слова: перевод, транскрипция, калькирование, имя собственное, топонимы, антропонимы, русский язык, китайский язык, иероглифы.

Wang Liancen

**The translation of proper names from Russian into Chinese
(on the material of O. Mandelshtam's novella “Egyptian stamp”)**

The article raises the problem of proper names translation on a real language material: translation from Russian into Chinese of O. Mandelshtam's novella “Egyptian

---

© Ван Ляньцэнь, 2020

stamp". Different types and examples of proper names translations into Chinese are shown in the article. The article lists the problems which appear during the translation and gives the methods of solving them, analysing the structure of proper names and peculiarities of translation of proper names from Russian into Chinese. Comparative and quantitative analyses, recommendations for proper names translation: principles of the choice of the character, the way of translation of toponyms – adjectives derived from nouns and the way of translation of groups of toponyms and antroponyms are also viewed. It is stated that proper names translation which is a vast layer of precision lexicon is not a simple and a very responsible task which the translator should take seriously and with great attention using his background and accessible reference information, choosing the translation ways according to existing recommendations and taking into consideration a specific pragmatic task.

Key words: translation, transcription, calque, proper name, toponyms, antroponyms, Russian language, Chinese language, characters.

Споры вокруг проблемы переводимости в русской и китайской науке ведутся уже много десятилетий, однако на сегодняшний день существует не так много исследований, посвященных переводу имен собственных с русского на китайский язык. В разных изданиях встречаются различные варианты перевода одного и того же имени собственного, что порой затрудняет понимание текста. Перевод имен собственных на китайский язык является весьма творческим процессом, поскольку в переводе необходимо одновременно учитывать и фонетический аспект, и форму слова, и его смысл. Это является самым трудным в переводе топонимов и других имен собственных на китайский язык.

«Оним (онома, имя собственное) – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов» [Подольская, 1990,

с. 95]. А. В. Суперанская предлагает следующую классификацию имен собственных: а) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые: – антропонимы – личное имя человека; – зоонимы – кличка животных; – мифонимы – имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах; б) наименования неодушевленных предметов: – топонимы – наименования населенных пунктов; – космонимы и астрономимы – наименования космических объектов; – фитонимы – наименования растений; – названия средств передвижения; – сортовые и фирменные названия; в) имена собственные комплексных объектов: – названия предприятий, учреждений; – хрононимы – имя исторически значимого отрезка времени; – названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, войн; – названия произведений литературы; – документо-

нимы; – названия стихийных бедствий; – фалеронимы – имена собственные любого ордена, медали [Суперанская, 1973].

Материалом, на основе которого была выполнена данная работа, послужила повесть «Египетская марка», написанная Осипом Мандельштамом в 1927 году, состоит из 8 частей: Герой повести – лишенный ощущения личной значимости человек по фамилии Парнок, с которым приключаются всякие мелкие, ничтожные неприятности. Портной тайно изымает у героя визитку, и у Парнока не хватает смелости добиться ее возвращения (I глава); он вместе со знакомым священником заходит в прачечную, обнаруживает там свою рубашку, но тут выясняется, что эта рубашка отложена для некоего ротмистра Кржижановского (III глава); Парнок безуспешно пытается предотвратить самосуд толпы над мелким воришкой и кидается за поддержкой к Кржижановскому, но тот от оказания помощи уваливает (IV глава); дама Парнока не приходит на назначенное свидание (V глава), вместо этого она встречается с Кржижановским (VI глава); неприкаянный Парнок бродит по Петрограду, а его счастливый соперник, ротмистр Кржижановский, отправляется на поезде в Москву (VIII глава). Повесть была выбрана нами из-за большого количества в тексте имен собственных (далее ИС), а именно, антропонимов, топонимов, теонимов, сортовых и

фирменных названий и названий учреждений, предприятий. Работа велась с двумя текстами, то есть с оригиналом и переводом. Методом сплошной выборки были выявлены все ИС на русском языке и ИС на китайском языке и распределены по группам (например, антропонимы, топонимы и т. д.), определен количественный состав ИС в целом и каждой группы отдельно и выявлены все несовпадения. Затем была сделана транскрипция каждого ИС, чтобы определить, каким из способов его передачи воспользовался переводчик. Это позволило сделать выводы о том, какой способ перевода ИС на китайский язык является более частотным.

При исследовании оригинала текста повести было обнаружено 132 ИС: антропонимы, теонимы, сортовые и фирменные названия и названия учреждений, предприятий, топонимы. Однако при исследовании текста перевода прозы на китайский язык выявлено 276 ИС. Таким образом, очевидно, что количественный состав ИС в русском языке не совпадает с количественным составом в китайском языке. Причины этого заключаются в том, что, во-первых, в переводном тексте некоторые местоимения при переводе были заменены именами собственными, чтобы облегчить понимание текста иноязычной аудиторией. Например, Мервис похитил ее как сабинянку 梅尔维斯像罗马人抢萨宾姑娘那样偷了帕尔诺克的礼服 – «ее» пере-

ведено как «визитка Парнока», чтобы читатель понимал о чём идет речь. Взгляд его упал на перегородку, за которой гудело, тягучим еврейским медом, женское контральто – 帕尔诺克的目光落到了隔板上, 从那后面发出女低音像犹太蜂蜜那样富有韧性, Здесь «его взгляд» переводится как «взгляд Парнока». Ему хотелось поступить драгоманом в министерство иностранных дел – 帕尔诺克想在外交部做名翻译, здесь «ему» переводится как «Парноку». Тут промелькнули в мозгу его горячечные образы романов Бальзака и Стендаля – 帕尔诺克的脑海闪过巴尔扎克和司汤达小说里鲜活的形象, в «его мозгу» переводится как «в мозгу Парнока». Поэтому в оригинале текста ИС «Парнок» встречается в количестве 35, а в переводном тексте обнаружено 68 – почти на два раза больше, чем в оригинале текста.

Во-вторых, в словообразовании китайского языка есть своя специфика, прилагательное составляется часто с помощью вспомогательного слова 的(дэ), по модели: имя существительное + 的 = прилагательное. Например, Санкт-Петербург + дэ = петербургский 圣彼得堡的. В результате в тексте перевода оказалось больше ИС с повторением имен существительных.

Теперь определим особенности перевода антропонимов в исследуемых текстах оригинала и перевода.

«Антропоним – это имя собственное (или набор имен, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак» [Виноградов, 2001, с. 38]. Антропонимы (личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы, фиктонимы, криптонимы) составляют в совокупности антропонимию народа и изучаются в антропонимике. Всего в тексте повести было обнаружено 56 антропонимов, то есть 42,4 % от общего числа ИС – 132. Антропонимы можно разделить на группы: имена с переводом, утвердившимся в мировой переводческой культуре, и имена, появляющиеся в данной повести. Оказалось, что количество имен с переводом, утвердившимся в мировой переводческой культуре, составило 46,4 % (26) от общего числа антропонимов.

Существуют три основных способа перевода антропонимов:

1. Использовать таблицу транскрибирования зарубежных названий китайскими иероглифами, когда переводятся антропонимы, существующие в данной повести.

Когда речь идет о переводе на китайский язык, ситуация осложняется тем, что почти все слоги китайского языка – значимые слова. Есть некоторое количество слогов, которые используются только для того, чтобы передавать фонетику в именах и заимствованиях, но подобных слогов мало. Задача услож-

няется тем, что в китайском языке существуют иероглифы с различным написанием, но одинаковым звучанием. Следовательно, выбирая путь фонетического перевода, приходится решать, какой из иероглифов с таким звучанием выбрать, а это уже бывает обусловлено их значением.

Исходя из этого предлагаем следующие принципы подбора иероглифов: во-первых, выбирать общеупотребительные иероглифы или слова, при этом отдавать предпочтение иероглифам с минимальным количеством черт, чтобы читателям легче было понимать содержание текста и запоминать слова. Во-вторых, надо выбирать слова, которые не создают двусмысленности и не имеют экспрессивной окраски. Кроме того, принято разделять личные имена на мужские и женские. В традиционной китайской культуре значение иероглифов в мужских именах, как правило, символизирует ум, силу, честь (такие иероглифы, как 力, 利, 夫, 勇, 荣, 诺 и др.), а в женских – красоту, счастье, поэтому имена переводятся как названия цветов, драгоценных камней, бабочек, птиц. Такие иероглифы как 娅ya, 芭ba, 玛ma, 娜na, 丽li, 莎sha, 娃wa, 蕾lei, 秀xiu, 妮ni, 琳lin, 珍zhen, 黛dai и др., используются только в женских именах. Исходя из этих принципов антропонимы в повести были переведены так: Лизочка лучше переводится как

丽萨(莎), а не力萨, Парнок – 帕尔诺克, Кржижановский – 克日扎诺夫斯基, Карл – 卡尔, Гофман – 霍夫曼, Анатолий Франс – 安那托利·弗拉克斯, Мервис – 梅尔维斯, Страшунер – 斯特拉舒奈尔, Церлина – 采尔莉娜, Аннушка – 安努什卡, Вера – 维拉.

2. Применение уже утвердившихся в мировой переводческой культуре вариантов и воспроизведение их именно в той форме, в какой они существуют. Их просто надо запомнить и принимать, ни в коем случае не переводить заново, чтобы не внести путаницу в понимание и коммуникацию. Например, Моцарт – 莫扎特, Бальзак – 巴尔扎克, Стендаль – 司汤达, Петр Великий – 彼得大帝, Анна Каренина – 安娜·卡列尼娜, Руссо – 卢梭, Бетховен – 贝多芬, Шуберт – 舒伯特, Гендель – 亨德尔, Юдифь – 尤迪丝, Джорджоне – 乔尔乔内, Жизель – 吉赛尔, Рамзес – 拉美西斯, Авра – 欧若拉(罗马神话黎明女神).

3. Использование справочника русских фамилий и имен на китайском языке, изданного в 2005 году издательством «ШанУ» в Пекине. В справочник входят русские фамилии и имена в количестве 46 000. В данной повести были следующие фамилии и имена, присутствующие в данном справочнике: Арон – 阿伦, Артур – 阿尔图尔, Бруни – 布鲁尼, Керенский – 克伦斯基,

Пушкин – 普希金, Пергамент – 佩尔加缅特, Карл – 卡尔, Амалия – 阿玛利亚, Буржэ – 布尔热, Иоганна – 约翰娜, Голядкин – 戈利亚德金.

Обратимся теперь к проблеме перевода топонимов с русского на китайский язык. Топоним – это имя собственное, обозначающее собственное название географического объекта. Наименования гор, хребтов, пиков, долин, ущелий и других элементов рельефа местности объединяются в один разряд – оронимы; названия пещер, гротов, пропастей, колодцев составляют разряд спелеонимов; гидронимы – это названия морей, озер, рек, ручьев, прудов, водохранилищ и т. п.; дримонимы – наименования леса (или его части), бора, рощи и т. п. Особый разряд образуют ойконимы – названия населенных пунктов: городов, поселков, деревень, станиц, аулов – и урбанонимы – названия внутригородских объектов: улиц, площадей, переулков, набережных, проспектов, памятников, театров, музеев, гостиниц и т. д. Также выделяют космонимы и астронимы – это названия галактик, звездных скоплений, туманностей, созвездий, планет, комет, астероидов. Наименования зон космического пространства, галактик, созвездий, например: Весы, Орион, Млечный Путь изучает космонимика, а имена отдельных небесных тел: Луна, Ве-

нера, Юпитер – астронимика [Суперанская, 1973, с. 68].

Всего в повести было обнаружено 56 топонимов (в основном ойконимов и урбанонимов), что составляет 46,4 % от общего количества ИС (132) в повести. Перевод топонимов осуществлялся следующими способами: транскрипция, смысловой перевод и перевод с помощью словаря, использование русско-китайского справочника географических названий России и русско-китайского справочника прилагательных, образованных от географических названий.

Известно, что самым распространенным способом при переводе топонимов с иностранного на родной язык можно считать транскрипцию. В данной повести мы встречаем следующие варианты перевода топонимов: город Малинов – 马林诺夫城, Санкт-Петербург – 圣彼得堡, улица Мойка – 莫伊卡街. Москва – 莫斯科, Россия – 俄罗斯, Европа – 欧洲, Пизанская башня – 比萨斜塔, Пьемонт – 皮埃蒙特, Греция – 希腊, город Фив – 底比斯, Киев – 基辅, Варшава – 华沙. река Рейн – 莱茵河.

Стоит отметить, что при переводе транскрипцией топонимов-прилагательных, которые образованы от имен существительных (Невский проспект, Офицерская улица) мы предлагаем переводить только исходные части топонимов,

а суффикс и окончание (-ий -ая) не переводить, потому что они не имеют значения в плане содержания и при переводе дадут два дополнительных иероглифа, в результате чего получатся имена собственные более 6-7 иероглифов, что создаст трудности для чтения и запоминания. В соответствии с данным способом Невский проспект переводится как 涅瓦大街, (суффикс -ск-, и окончание -ий не переводится как 斯基), Николаевский вокзал – 尼古拉火车站. Офицерская улица – 阿费茨勒街, Каменноостровский проспект – 卡缅诺奥斯特罗夫大街, Кокоревский склад – 科科列夫仓库, Монетная улица – 莫涅特街.

Калькирование является вторым распространенным способом перевода топонимов на китайский язык. При этом необходимо учитывать тип переводимого топонима: 1. Географическое название, имеющее явный смысл. Например, Тихий Океан – 太平洋, Чёрное море – 黑海, Большой театр – 大剧院, Красная площадь – 红场; 2. В состав наименования страны входит префикс или другая морфема, обозначающая цвет, направление или расположение (вверх, ниже, за и др.), размер (большой или маленький), возраст (старый, новый). Например, Беларусь – 白俄罗斯, Забайкалье – 后贝加尔; Новосибирск – 新西伯利亚, Нижний Новгород – 下诺夫哥罗德;

3. Географические наименования, имеющие историческое значение. Например, остров Октябрьской революции – 十月革命岛; Комсомольск – 共青城, пролив Красной Армии – 红军海峡; 4. В состав наименования входит титул или социальный статус, например, в Канаде есть Prince Edward Island – 爱德华王子岛; 5. Географическое название образуется из цифры или даты, например, в Америке One Hundred and Two River – 一〇二河. В соответствии с этими принципами в данной работе Садовая улица переводится как 花园街, Средняя Рогатка – 中罗加特瞭望卡, Царское Село – 皇村.

«Египетская марка», не вписывающаяся ни в какие привычные рамки повесть Осипа Эмильевича Мандельштама трудна для понимания. В специально созданном в Интернете сообществе [eg_marka \(eg_marka.livejournal.com/profile\)](http://eg_marka.livejournal.com/profile) постоянно размещались фрагменты «Египетской марки» с подробными объяснениями и комментариями, которые обрастали новыми примечаниями, некоторые из них потом переносились в итоговый книжный вариант. Благодаря «Пояснениям» мы имеем возможность переводить повесть на китайский язык. Именно из пояснений мы знаем, что костел Гваренти это церковь Святой Екатерины на Невском, поэтому костел Гваренти переводится как 天主教堂圣叶卡捷琳娜, а не переводится как обычно по методу

транскрипции, Кокоревский склад – 科科列夫仓库, Калинин – 卡林基诺桥.

Одна из отличительных особенностей поэтического языка Мандельштама заключается в густой насыщенности реминисценциями из греческой мифологии, из произведений Державина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева и других поэтов, его поэзия вбирает огромный духовный и художественный опыт предшественников. В повести «Египетская марка» есть топонимы, которые редко встречается в литературе. Например, Барбизон, Валгалла, которые мы предлагаем переводить с помощью словаря – 巴比松, 瓦尔哈拉宫. Кроме того, в повести Мандельштама было обнаружено 7 мифонимов, что составляет 5,3 % от общего количества ИС в повести (132). При переводе мифонимов используется как способ транскрипции, так и смысловой метод. Главный способ перевода – транскрипция. В данной повести были мифонимы: Ундина – 水神温基娜, Лорелея, Мельпомена – 女巫梅尔波梅, Прозерпина – 普罗塞尔皮娜, Персефона – 珀尔塞福涅, Азраил – 阿兹拉伊尔, Психея – 蝶魂赛姬.

В повести встречается 8 сортовых и фирменных названий и 5 названий учреждений и предприятий, что составляет 6,06 %, и 3,78 % от общего количества ИС в

повести (132). Основным способом перевода является транскрипция, например, газеты «Таймс» – 泰晤士报, «Ведомости» – 消息报, масло «Звёздочка» – 星星牌奶油, хор Дворянского Собора – 贵族会议合唱团.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы: при переводе повести «Египетская марка» используются следующие методы: транскрипция, калькирование, смешанный перевод (транскрипция + калькирование), применение традиционных переводов антропонимов и топонимов, использование словаря и комментариев к повести. Транскрипция считается самым принятым способом перевода имен собственных, Калькирование является вторым распространенным способом перевода топонимов на китайский язык. Перевод имен собственных, представляющих собой огромный пласт прецизионной лексики, это не простая и очень ответственная работа, к выполнению которой переводчик должен относиться максимально серьезно и внимательно, используя свои фоновые знания и доступную справочную информацию, выбирая способы перевода в соответствии с существующими рекомендациями и с учетом конкретной прагматической задачи.

Библиографический список

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) : учебник. Москва : Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. Москва, 2001.
3. Египетская марка. Пояснения для читателей / Осип Манделъштам ; сост. О. Лекманов [и др.]. Москва : ОГИ, 2012.
4. Подольская Н. В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 473-474.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва, 1973.
6. 周俊英 新编俄罗斯地名译名手册. 北京 商务印书馆 2003.
7. 李夜周俊英 俄汉地名形容词译名手册. 北京 商务印书馆 2005.
8. 辛华 俄汉姓名译名手册. 北京 商务印书馆 2005.
9. 刘亢 《外国地名探原》, 星球地图出版社, 1998年第一版.
10. 中国地名委员会 《外国地名译名手册》, 商务印书馆1983年9月第一版.

Reference List

1. Barhudarov L. S. Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda) = :Language and translation: (The questions of general and separate translation theory) : учебник. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 240 s.
2. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie = The introduction to translation. Moskva, 2001.
3. Egipetskaja marka. Pojascnenija dlja chitatelej = Egyptian stamp. Explanations for the readers / Osip Mandel'shtam ; sost. O. Lekmanov [i dr.]. Moskva : OGI, 2012.
4. Podol'skaja N. V. Sobstvennoe imja = Proper name // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Moskva, 1990. S. 473-474.
5. Superanskaja A. B. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = General theory of a proper name. Moskva, 1973.
6. 周俊英 新编俄罗斯地名译名手册. 北京 商务印书馆 2003.
7. 李夜周俊英 俄汉地名形容词译名手册. 北京 商务印书馆 2005.
8. 辛华 俄汉姓名译名手册. 北京 商务印书馆 2005.
9. 刘亢 《外国地名探原》, 星球地图出版社, 1998年第一版.
10. 中国地名委员会 《外国地名译名手册》, 商务印书馆1983年9月第一版.

УДК 811

О. Ю. Воронина

<https://orcid.org/0000-0002-7468-237X>

Алгоритм структурирования метамодели периодизации истории китайского языка

Для цитирования: Воронина О. Ю. Алгоритм структурирования метамодели периодизации истории китайского языка // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 66-74. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-66-74

В статье демонстрируется алгоритм построения метамодели периодизации истории языка с идеографическим типом письменности. Доказывается значимость идеографического типа письменности как фактора, отражающего феноменологию языка изолирующего типа. В связи с этим вводится понятие принципа феноменологической адекватности, раскрываются особенности данного принципа как принципа моделирования изоморфной, адекватной, функциональной, полной модели объекта изучения, использующегося в качестве критерия при моделировании в виде диахронической мета-систематизации опыта периодизации истории китайского языка. Вводится и обосновывается понятие диахронической мета-систематизации как вида моделирования при построении моделей периодизации истории языка. Устанавливаются 17 моделей периодизации истории китайского языка, представленных в работах европейских, отечественных и китайских лингвистов. Осуществляется критический анализ данных моделей на предмет их соответствия критерию феноменологической адекватности; отграничивается четырёхуровневая десятичленная модель Сян Си. Освещается современный взгляд на вопрос периодизации истории китайской письменности; устанавливается модель Лу Сисина. Демонстрируется процесс совмещения модели периодизации истории китайского языка с моделью периодизации истории письменности, результатом которого является совмещенная модель, отражающая эволюцию письменности, эволюционные сдвиги на всех уровнях языковой системы, а также аспекты внешней истории языка.

Ключевые слова: китайский язык, идеография, тип письменности, история, периодизация, моделирование, принцип, феноменология, адекватность, метамодель, мета-систематизация, алгоритм.

O. Y. Voronina

The algorithm of meta-model constructing of the Chinese language history periodization

The article demonstrates the algorithm of metamodel constructing of periodization of history of the language with ideographic type of writing. The importance of ideographic type of writing as a factor reflecting the phenomenology of an isolating language is proved. Due to this fact, the notion of the principle of phenomenological adequacy is applied; the peculiarity of this principle as the principle of constructing isomorphic, adequate, functional, complete model of the research object is explained. The article highlights that this principle is used as a criterion of modeling in the form of diachronic meta-systematization of the experience of periodization of the history of the Chinese language. Therefore, the notion of diachronic meta-systematization as type of modeling of periodization of the history of a language is introduced and proved. There are seventeen models of periodization of the history of the Chinese language defined in the works of European, Russian and Chinese linguists. Critical analysis of these models is conducted in order to find out whether they are made according to the criterion of phenomenological adequacy; as a result, the four-level ten-period model by Xiang Xi is selected. The article also illustrates the modern view on the issue of periodization of the history of ideographic writing, the model by Lu Xixing is founded out. The process of combining of the model of periodization of the history of the language with the model of periodization of the history of ideographic writing is demonstrated. At the end of the article there is a combined model reflecting the evolution of ideographic writing, changes on every level of the language system and extra-linguistic facts of the language history represented.

Key words: the Chinese language, ideography, type of writing, history, periodization, modeling, principle, phenomenology, adequacy, meta-model, meta-systematization, algorithm.

Введение

Рубеж XX-XXI вв., как известно, является периодом господства когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике. Однако, несмотря на смещение фокуса внимания лингвистов, подходы к анализу языковых явлений, выработанные в рамках сравнительно-исторической и структурной парадигм, не теряют своей значимости и в настоящее время. Изучение истории языка

представляет собой один из важнейших аспектов, формирующих целостное представление о языке как сложном феномене. Исследование языка в ретроспективе даёт возможность лучше понять онтологию языка, более объективно оценить современное состояние и спрогнозировать направление его развития. Тем не менее, на сегодняшний день многие вопросы исторического языкознания до сих пор остаются открытыми.

Одним из вопросов, требующих дальнейшей разработки, является выработка критериев и подходов к периодизации истории языка, учитывающих его специфику. Накопленный опыт в данной области, полученный преимущественно на материале языков с фонетическим способом оформления грамматической и лексической структуры, показывает, что при построении периодизации истории языка, то есть модели эволюции языка, в качестве опорных принимаются либо экстралингвистические, либо интралингвистические факторы, при том, что оба подхода представляются достаточно условными [Скрелина, 2005, с. 32]. При явном проявлении языковых показателей уровня характера именно данные показатели учитываются для установления периодов и хронологизации. При этом при создании моделей периодизации в качестве основного показателя эволюционных изменений, особая значимость придаётся фонетическому критерию [Аракин, 2003, с. 23; Филичева, 2003, с. 16]. Однако для языков изолирующего типа со скрытой грамматикой, формирование и функционирование которых обусловлено идиоэтническим фактором письменности, фонетический критерий не является релевантным.

Актуальность исследования определяется важностью дальнейшего развития диахронической лингвистики в области разработки историографических оснований в исследова-

нии истории языка и необходимостью изучения опыта моделирования периодизации истории языка с учётом идиоэтнического фактора письменности, репрезентированного в его феноменологии.

В качестве **объекта** исследования выступают модели периодизации истории языка с идеографическим типом письменности, представленные в работах западных (Б. Карлгрена, А. Масперо, У. Бакстера и др.), китайских (Хаун Дяньчэна, Люй Шусяна, Чжоу Цзумо и др.) и отечественных (С. А. Старостина, М. В. Софронова, С. Е. Яхонтова и др.) лингвистов.

Предмет исследования – подходы к периодизации истории языка с идеографическим типом письменности, выделяемые в реализованных моделях.

Цель состоит в демонстрации алгоритма структурирования метамодели периодизации истории языка.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих **задач**:

1) установить важность идиоэтнического фактора связи типа структуры языка и типа письменности;

2) описать сущностные характеристики метода моделирования и его применение при анализе языка в диахронии;

3) определить виды моделей периодизации истории китайского языка в работах европейских и китайских лингвистов;

4) осуществить критический анализ данных моделей;

5) осуществить диахроническую мета-систематизацию опыта периодизации истории китайского языка.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: описание, систематизация, классификация, моделирование, сравнение.

1. Важность фактора письменности для языка изолирующего типа

Наиболее ярким представителем языка изолирующего типа с идеографической письменностью выступает китайский язык. Иероглиф (пиктограмма/идеограмма) представляет собой ключевой элемент коррелятивного или ассоциативного типа мышления. Характерной особенностью данного типа мышления является классификационизм, и генерализация как особый способ обобщения, то есть представление класса объектов посредством выделения из класса самого характерного объекта в качестве наиболее типичного представителя [Кобзев, 2006, с. 419-420]. Занимая важнейшее место в этнокультурном сознании китайцев, иероглифический знак, формирует культуру письменного знака [Торчинов, 2007, с. 31]. Иероглиф есть первоисточник культуры, базирующейся на представлении об атомарном, целостном факте. Являясь основополагающим идиоэтническим фактором, обусловленным взаимосвязью языка,

культуры, мышления, фактор иероглифической письменности оказывает значительное влияние на феноменологические характеристики китайского языка как в синхронии, так и в диахронии.

2. Авторская модель эволюция языка как метатеория

Как отмечалось ранее, периодизация истории языка рассматривается как особое видение исследователя или его авторская модель эволюции языка. Любая модель должна обладать определенными характеристиками такими как изоморфность, точность, формальность, непротиворечивость, функциональность. То есть модель должна объективно соответствовать познаваемому объекту относительно выбранного множества его характеристик и свойств.

По мнению Ю. Д. Апресяна, выступая в качестве объекта исследования, авторская модель периодизации истории языка, является теорией теории, или метатеорией [Апресян, 1966, с. 100]. В настоящий момент в историографическом плане исследования выделяется более десятка моделей периодизации истории китайского языка, которые так или иначе отвечают принципу моделирования сложно-организованных объектов [Воронина, 2017, с. 62].

**3. Диахроническая
мета-систематизация моделей
истории языка
с идеографическим типом
письменности**

Разнообразие подходов, результатов выделения периодов в истории китайского языка обосновывает необходимость осуществления диахронической мета-систематизации, являющейся видом моделирования, который реализуется в следующем алгоритме анализа:

1. выявление и систематизация существующих в настоящее время моделей периодизации истории языка как объекта изучения;

2. критическое рассмотрение данных моделей на предмет их адекватности объекту-оригиналу;

3. создание более адекватной модели объекта изучения.

Приставка «мета-» (от греч. мета- «после», «о себе», «следующее за») [СЭС, 1985, с. 792] в данном термине предполагает установление и анализ существующих моделей, внутри которых получены данные и, на этой основе, переосмысление сущностных характеристик изучаемого объекта.

Диахроническая мета-систематизация реализуется в соответствии с принципом феноменологической адекватности, который предполагает изучение объекта в его целостности, и создание, таким образом, адекватной, функциональной, полной модели.

Принцип феноменологической адекватности используется в каче-

стве интегрального базового критерия при моделировании в виде диахронической мета-систематизации опыта периодизации истории китайского языка. В связи с этим, он, исходя из положения о познании сущности объекта через его явление, должен учитывать тип языка, эволюционные интралингвистические сдвиги на всех уровнях языковой системы, а также экстралингвистические факты истории языка.

Учитывая важность идиоэтнического фактора письменности, отмеченную выше, критерий феноменологической адекватности при моделировании периодизации истории китайского языка должен учитывать и периодизацию истории китайской письменности. Только в этом случае модель периодизации можно считать адекватной исследуемому объекту – оригиналу.

Для реализации первых двух этапов мета-систематизации нами было отобрано и проанализировано на предмет соответствия существующих моделей критерию феноменологической адекватности 17 моделей периодизации истории китайского языка как европейских, так и китайских авторов: Б. Карлгрена [高本汉, 2003, с. 21], А. Масперо [马伯乐, 2005, с. 2], С. А. Старостина [Старостин, 1989, с. 432], Хуан Дяньчэна [黄典诚, 1993, с. 7], М. В. Крюкова и Хуан Шуин [Крюков, 1978а, с. 6-7], Люй Шусяна [吕叔湘, 1985, с. 1], Пань Юньчжуна [潘允中, 1982, с. 18], М. В. Софронова [Софронов, 2007,

с.154,188], С. Е. Яхонтова [Яхонтов, 1965, с. 7], Чжоу Цзумо [周祖谟, 2004, с. 9-18], Ван Ли [王力, 2009, с. 43-44], Сян Си [向熹, 1998, с.40], У. Бакстера [Baxter, 1992, с. 175], Дж. Нормана [罗杰瑞, 1995, с. 23], Э. Пуллиблэнка [蒲立本, 1999, с. 2], И. С. Гуревич и И. Т. Зограф [Гуревич, 1982, с. 3], Цзян Цзичэна [蒋冀骋, 1991, с. 7]. Из данного списка моделей, в свою очередь, было отобрано 12 первых моделей. Выбор был осуществлён на основании аспекта типичности, а также активности использования данных моделей в теоретическом и практическом планах.

При описании моделей использовались понятия «уровневости» и «членности», послужившие критериями их систематизации. Под уровнем понимается определенная подсистема языка, а под членностью – количество выделенных в периодизации периодов [Воронина, 2017, с. 63]. На основе данных критериев было установлено четыре типа моделей: одноуровневые четырех-, пяти-, шести- и десяти-

членные, двухуровневые трех-, семи- и восьмичленные, трехуровневая шестичленная, а также четырехуровневые пяти-, семи- и десятичленные.

Дальнейший анализ показал, что только четырехуровневая десятичленная модель Сян Си соответствует критерию уровневости и наиболее приближена к реальной феноменологии языка в диахронии.

Приступая к реализации третьего этапа диахронической метасистематизации, нами был рассмотрен вопрос о периодизации истории китайской письменности. Установлен современный взгляд на данный вопрос в грамматологии, нашедший отражение в модели Лу Сисина [陆锡兴, 2017].

Далее было осуществлено совмещение модели периодизации истории китайского языка Сян Си с моделью периодизации истории китайской письменности Лу Сисина. При этом модель Сян Си, ввиду полноты учёта феноменологических свойств китайского языка, была принята в качестве опорной (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Процесс построения совмещённой модели мета-систематизации

Модель Сян Си	Модель Лу Сисина
Древнекитайский (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.): ранний (XVIII – XI вв. до н.э.); средний (XI – II вв. до н.э.); поздний (II до н.э. – III н.э.);	Древнекитайский (XVII – III вв. до н.э.): ← эпохи Шан-Инь, Западная Чжоу (XVII – VIII вв. до н.э.); ← { Восточная Чжоу (VIII – III вв. до н.э.); эпоха Цинь (221 – 206 гг. до н.э.); ← эпоха Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.);

Мир русскоговорящих стран

Модель Сян Си	Модель Лу Сисина
<p>Среднекитайский (III – XII вв.):</p> <p><i>ранний</i> (III – VI вв.);</p> <p><i>средний</i> (VII – X вв.);</p> <p><i>поздний</i> (X – XII вв.);</p> <p>Новокитайский (XIII в. – начало XX в.):</p> <p><i>ранний</i> (XIII – XIV вв.);</p> <p><i>средний</i> (XIV – начало XIX вв.);</p> <p><i>поздний</i> (1840 г. – 1919 г.);</p> <p>Современный (1919 г. – настоящий момент)</p>	<p>Среднекитайский (III в. до н.э. – XIV в.):</p> <p>← эпоха Шести династий (III – VI вв.);</p> <p>← эпохи Суй, Тан (VI – X вв.);</p> <p>← эпоха Сун (X – XIII вв.)</p> <p>← эпоха Юань (XIII – XIV вв.);</p> <p>Новокитайский (XIV в. – начало XX в.):</p> <p>← эпохи Мин, Цин (XIV в. – первая половина XIX в.);</p> <p>← эпоха Цин (вторая половина XIX в. – начало XX в.);</p> <p>← Современный (1919 г. – настоящий момент)</p>

Заключение

В результате диахронической мета-систематизации модели периодизации истории китайского языка Сян Си с моделью периодизации истории китайской письменности Лу Сисина была получена модель, которая имеет интегральный характер. Периодизация в совмещённой модели представлена четырьмя крупными периодами – древнеки-

тайским, среднекитайским, новокитайским и современным. Каждый период демонстрирует эволюцию идеографической письменности как сущностного показателя этнокогнитивного своеобразия языка, эволюционные сдвиги и тенденции на фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях, а также учитывает экстралингвистические факты истории китайского языка.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. Москва : Просвещение, 1966. 305 с.
2. Аракин В. Д. История английского языка. Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2003. 272 с.
3. Воронина О. Ю. К вопросу о подходах к периодизации истории языка с идеографическим типом письменности / О. Ю. Воронина, А. М. Кошель // Филологические науки: вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов, 2017. №4(70) Ч.1. С. 62–66.
4. Гуревич И. С. Хрестоматия по истории китайского языка III-XV вв. / И. С. Гуревич, И. Т. Зограф. Москва : Наука, 1982. 201 с.

5. Кобзев А. И. Сяншучжи-сюэ // Духовная культура Китая. Философия. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 419–421.
6. Крюков М. В. Древнекитайский язык / М. В. Крюков, Хуан Шу-ин. Москва : Главная редакция восточной литературы, 1978. 512 с.
7. Скредина Л. М. История французского языка / Л. М. Скредина, Л. А. Становая. Москва : Высшая школа, 2005. 463 с.
8. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность. Москва : АСТ : Восток – Запад, 2007. 638, [2] с.
9. Старостин С. А. Реконструкция фонологической системы древнекитайского языка. Москва : Наука, 1989. 732 с.
10. СЭС – Советский энциклопедический словарь / Главный редактор А. М. Прохоров. Москва : «Советская энциклопедия», 1985. 1599 с.
11. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. Санкт-Петербург : Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. 329 с.
12. Филичева Н. И. История немецкого языка. Москва : АКАДЕМИЯ, 2003. 308 с.
13. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. Москва : Наука, 1965. 115 с.
14. Baxter, W. H. A handbook of Old Chinese phonology. New York, 1992. 933 p.
15. 高本汉. 中国音韵学研究. 北京 : 商务印书馆, 2003. 748 页.
16. 黄典诚. 汉语语音史. 合肥 : 安徽教育出版社, 1993. 262 页.
17. 蒋冀骋. 近代汉语词汇研究. 湖南 : 湖南教育出版社, 1991. 276 页.
18. 论汉字史研究:网站. 北京. URL: <https://wenku.baidu.com/view/6f9d8829f6ec4afe04a1b0717fd5360cba1a8dee.html>. (Дата обращения: 19.01.2020).
19. 吕叔湘. 近代汉语指代词. 上海 : 上海出版社, 1985. 426 页.
20. 罗杰瑞. 汉语概说. 北京 : 语文出版社出版, 1995. 258 页.
21. 马伯乐. 唐代长安方言考. 北京 : 中华书局, 2005. 215 页.
22. 潘允中. 汉语语法史概要. 河南省: 中州书画社出版, 1982. 273 页.
23. 蒲立本. 上古汉语辅音系统. 北京 : 中华书局, 1999. 237 页.
24. 王力. 汉语史稿. 北京 : 中华书局出版社, 2009. 714 页.
25. 向熹. 简明汉语史 (上). 北京 : 高等教育出版社, 1998. 757 页.
26. 周祖谟. 语言文字论集. 北京 : 学苑出版社, 2004. 655 页.

Reference List

1. Apresjan Ju. D. Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki = Ideas and methods of modern structural linguistics. Moskva : Prosveshhenie, 1966. 305 s.
2. Arakin V. D. Istorija anglijskogo jazyka = The history of the English language. Moskva : FIZMATLIT, 2003. 272 s.
3. Voronina O. Ju. K voprosu o podhodah k periodizacii istorii jazyka s ideograficheskim tipom pis'mennosti = To the question about approaches of periodisation of history of the language with ideographic type of writing / O. Ju. Voronina, A. M. Koshel' // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i prak-tiki. Nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal. Tambov, 2017. №4(70) Ch.1. S. 62–66.

4. Gurevich I. S. Hrestomatija po istorii kitajskogo jazyka III-XV vv. = Anthology on Chinese language history of III-XV cc. / I. S. Gurevich, I. T. Zograf. Moskva : Nauka, 1982. 201 s.
5. Kobzev A. I. Sjanshuchzhi-sjuje = Numerology // Duhovnaja kul'tura Kitaja. Filosofija. Moskva : Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2006. S. 419–421.
6. Krjukov M. V. Drevnekitajskij jazyk = Ancient Chinese language / M. V. Krjukov, Huan Shuin. Moskva : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1978. 512 s.
7. Skrelina L. M. Istorija francuzskogo jazyka = History of the French language / L. M. Skrelina, L. A. Stanovaja. Moskva : Vysshaja shkola, 2005. 463 s.
8. Sofronov M. V. Kitajskij jazyk i kitajskaja pis'mennost' = Chinese language and Chinese writing . Moskva : ACT : Vostok – Zapad, 2007. 638, [2] s.
9. Starostin S. A. Rekonstrukcija fonologičeskoj sistemy drevnekitajskogo jazyka = The reconstruction of phonological system of Ancient Chinese language. Moskva : Nauka, 1989. 732 s.
10. SJeS – Sovetskij jenciklopedičeskij slovar' = SED - Soviet Encyclo-pedical Dictionary / Glavnyj redaktor A. M. Prohorov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1985. 1599 s.
11. Torchinov E. A. Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo = The paths of East and West philosophy: cognition of the beyond. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. 329 s.
12. Filicheva N. I. Istorija nemeckogo jazyka = The history of the German language. Moskva : AKADEMIJA, 2003. 308 s.
13. Jahontov S. E. Drevnekitajskij jazyk = Ancient Chinese language. Moskva : Nauka, 1965. 115 s.
14. Baxter, W. H. A handbook of Old Chinese phonology. New York, 1992. 933 p.
15. 高本汉. 中国音韵学研究. 北京 : 商务印书馆, 2003. 748 页.
16. 黄典诚. 汉语语音史. 合肥 : 安徽教育出版社, 1993. 262 页.
17. 蒋冀骋. 近代汉语词汇研究. 湖南 : 湖南教育出版社, 1991. 276 页.
18. 论汉字史研究:网站. 北京. URL: <https://wenku.baidu.com/view/6f9d8829f6ec4afe04a1b0717fd5360cba1a8dee.html>. (Дата обращения: 19.01.2020).
19. 吕叔湘. 近代汉语指代词. 上海 : 上海出版社, 1985. 426 页.
20. 罗杰瑞. 汉语概说. 北京 : 语文出版社出版, 1995. 258 页.
21. 马伯乐. 唐代长安方言考. 北京 : 中华书局, 2005. 215 页.
22. 潘允中. 汉语语法史概要. 河南省: 中州书画社出版, 1982. 273 页.
23. 蒲立本. 上古汉语辅音系统. 北京 : 中华书局, 1999. 237 页.
24. 王力. 汉语史稿. 北京 : 中华书局出版社, 2009. 714 页.
25. 向熹. 简明汉语史 (上). 北京 : 高等教育出版社, 1998. 757 页.
26. 周祖谟. 语言文史论集. 北京 : 学苑出版社, 2004. 655 页.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.009

Чжэн Тиу
М. Г. Пономарева

<https://orcid.org/0000-0002-9562-5323>
<https://orcid.org/0000-0002-3908-6193>

«Ярославский текст» в творчестве А. Ф. Иванова-Классика

Для цитирования: Чжэн Тиу, Пономарева М. Г. «Ярославский текст» в творчестве А. Ф. Иванова-Классика // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 75-86. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-75-86

Статья посвящена проблеме «ярославского текста» в творчестве мало известного сейчас поэта ярославского происхождения А. Ф. Иванова, который первоначально следовал традициям некрасовской школы, однако с течением времени начал занимать более консервативную позицию, что отразилось и на эмоциональном настрое его поэзии. Образ родной земли как ключевой компонент ярославского культурного текста характерен для большинства поэтов демократического направления и понимается ими как образ малой родины. В большинстве произведений это образ включает в себя реалии детства в деревне, тяжелого сельскохозяйственного труда крестьян, пейзажи средней полосы России но лишен конкретных географических реалий, имеет обобщенный характер. Ранняя лирика А. Ф. Иванова-Классика наряду с обобщенным и «размытым» образом «родной земли» с традиционными «бедными деревнями» и «тощими полями» базируется на детских впечатлениях от жизни в деревне (вспоминает умершего деда, старый родительский дом). В его произведениях появляется большое количество топонимических реалий, однако объектом творческой рефлексии становится не родная деревня в Любимском районе Ярославской губернии (ни одного упоминания), а Ярославль – крупный город, но по значимости мало отличающийся от расположенного недалеко Рыбинска. Ярославль для А. Ф. Иванова-Классика – город, расположенный на Волге, связанный с героическими страницами прошлого России. «Ярославский текст» лирики поэта, несмотря на то, что имеет автобиографическую основу, скорее «моделируется» автором, чем возникает в результате личностной рефлексии о своем прошлом.

Ключевые слова: «ярославский текст», А. Ф. Иванов-Классик, образ «родной земли», топонимика, демократическая поэзия 70–80-х гг. XIX века, аллегория.

Zheng Tiwu, M. G. Ponomareva

“Yaroslavl text” in the work of A. F. Ivanov-Classic

The article is devoted to the problem of “Yaroslavl text” in the work of a little known now poet of Yaroslavl origin A. F. Ivanov who initially followed the traditions of Nekrasov school but later began to support a more conservative position which reflected on the emotional mood of his poetry. The image of a homeland as a key component of Yaroslavl culture text is typical for the majority of poets of democratic directions and is understood by them as the image of “small homeland”. In the majority of his works it is the image which comprises the village childhood reality, hard agricultural labour of peasants, middle strip of Russia landscapes, but deprives specific geographical realities, has a generalizing character. A. F. Ivanov-Classic's early lyrics together with a generalizing and “diffused” image of “a homeland” with traditional “poor images” and “thin fields” is based on his childhood impressions from the life in the village (he recalls a late grandfather, an old parents' house). In his works there are a lot of toponymic realities, but the object of his creative reflection is not his native village in Lubim region of Yaroslavl province (not a single mentioning) but Yaroslavl a big city but it doesn't differ much in importance from a nearby situated Rybinsk. Yaroslavl for A. F. Ivanov-Classic is the city situated on the Volga connected with heroic pages of Russian past. “Yaroslavl text” of a poet's lyrics in spite of this fact that it has an autobiographical basis is “modeled” by the author but does not appear in the result of a personal reflection on his own past.

Key words: “Yaroslavl text”, A. F. Ivanov- Classic, a “homeland” image, toponymy, democratic poetry of the 70-80-s of XIX c., allegory.

Алексей Федорович Иванов (1841–1894), более известный как писатель и поэт Иванов-Классик, прославился прежде всего благодаря своим юмористическим стихам и сатирическим куплетам. Он активно сотрудничал с юмористическими журналами, в том числе с «Искрой» В. С. Курочкина (см. вступительную статью И. Ямпольского [Лейкин, 2003]), но более всего отдавал предпочтение «Петербургскому листку», одному из самых популярных бульварных изданий, ставившему перед

собой цель описания «животрепещущих» [Цит. по: Иванов, 1891, с. 7] новостей городской жизни. Его произведения, по свидетельству Валентина Катаева в повести «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», были популярны в гимназической и юнкерской среде [Дмитриенко, 2009, с. 488–491].

Алексей Федорович родился в Санкт-Петербурге, но детство мальчик провел в деревне в Любимском уезде Ярославской губернии, там рано научился читать бла-

годаря полуграмотной сестре. В школу он был определен уже в Санкт-Петербурге, а на 11-ом году, когда он выучился читать и писать, отец, имевший к тому времени лавку в Чернышевском переулке, где торговал сукном, решил, что мальчик достаточно сведущ в науке, и стал приучать его к торговле. Рядом с лавкой отца находился книжный магазин, который для Иванова и стал первой библиотекой. Известный в то время журналист Лейкин, бывший другом поэта, пишет об этом так: «Но А. Ф. Иванов жаждал света и приобрел его самообразованием, тайком от отца, путем чтения, иногда по ночам, к которому его пристрастил тот же приказчик-букинист, давая ему для чтения книги из лавки» [Лейкин, 2003, с. 13]. С особым увлечением читал он «классиков» – так именовали в те годы писателей, включенных в смирдинское «Полное собрание русских авторов». Соседи-приказчики из книжного магазина Терского, дававшие ему это издание, в шутку прозвали Иванова «классиком». Позднее это прозвище стало его псевдонимом. Про самого Иванова-Классика Лейкин пишет так: «Это был добрый, чрезвычайно отзывчивый на все хорошее молодой человек <...> Иванов был старше меня года на два, близорукый, небольшого роста, ходил в то время в купеческой фуражке и франтоватостью не отличался, хотя сукно и трико продавал главным образом портным, которых у него

всегда в лавке было много. Это был замечательно симпатичный человек. Когда он говорил, восторгаясь, а он очень часто восторгался, то закатывал глаза, и Жуков прозвал его за это «Авророй». Название «Аврора» осталось за ним до гробовой доски» [Лейкин, 2003, с. 13].

Иванов-Классик принимал активное участие в жизни интеллигенции петербургского общества, не был чужд театральной среды. Так, в журнале «БИРЮЧ Петроградских Государственных театров» были помещены воспоминания В. И. Срезневского «Хороший человек. Л. Л. Леонидов» об артисте Александринского театра: «...в 1888 г., когда в Александринском театре Л. Л. Леонидов праздновал свою “золотую свадьбу” на русской сцене и ему был дан прощальный спектакль, и молодые и старые со товарищи его, и артисты других театров и трупп, и представители литературы, и публика, все единодушно приветствовали старика-юбиляра. И в стихотворении Иванова-Классика, которое читал от театра Корша Далматов, опять мелькнули те же мысли, которые были в словах Бурдина, что он полвека “шел честным, добрым, благородным”, что он

Как артист и человек
Хранил в душе святое пламя
И сохранился среди других
Как “незапятнанное знамя”
Давно минувших светлых дней»
[Срезневский, 1921, с. 224].

В некрологе, который до сих пор остается одним из основных источников сведений о поэте, о его творчестве было сказано так: «Его небольшие, но талантливые произведения изданы отдельными сборниками под заглавием: «Песни Классика» и «На рассвете». В них покойный тепло и искренне, кратко и сжато рисует жизненные картины, метко характеризует типы петербуржцев и едко подсмеивается над людскими недостатками. Он принадлежал к поэтам – газетным работникам, и потому чаще всего посвящал свою музу “злобам дня”» [Языков, 1994, с. 285].

В начале литературной деятельности Иванов-Классик следовал традициям некрасовской школы [Гиппиус, 1966], поэтому советское литературоведение видело в Иванове-Классике прежде всего поэта демократического направления – самая большая подборка его стихотворений из 32 текстов была помещена в сборнике «Поэты-демократы 1870–1880-х годов». В БСЭ он справедливо назван поэтом-самоучкой, чья «обличительная критика господствующих классов» «приближала его к лучшим радикально-демократическим поэтам 60-х годов. Наибольшее значение имели его юмористические стихи, куплеты и песни; другие его стихотворения несамостоятельны и являются большей частью подражаниями Некрасову, Беранже и Гейне. Позднейшие произведения Иванова-Классика Алексея Федо-

ровича обнаруживают временами густой налет верноподданничества и религиозности» [Иванов-Классик Алексей Федорович].

Однако на самом деле стихотворное творчество Иванова-Классика, если не считать многочисленных журнальных публикаций, представлено по крайней мере тремя объемными стихотворными сборниками «Песни Классика» [Иванов, 1873], «На рассвете» [Иванов, 1882] и итоговым «Стихотворения» [Иванов, 1891], сборником путевых воспоминаний «Веселый попутчик», в который вошли «письма с дороги, заметки на лету... и дорожные песни» [Иванов, 1889]. Ввиду малодоступности текстов поэта, а также большого количества слабых текстов, «перепевających» мотивы некрасовской поэзии, поэтическое творчество Иванова-Классика практически никем не исследовалось.

Образ «родной земли», родного края, с которыми связаны многочисленные детские воспоминания поэта, является одним из центральных в его раннем сборнике стихотворений «Песни Классика».

Показательно, что в стихотворениях Иванова-Классика нет топонимических упоминаний о малой родине в Любимском уезде, но родной край предстает именно как деревенский:

В стороне родимой
Встретили меня:
Бедные деревни,
Тощие поля,

Глинистые нивы,
Сырость и туман... [Иванов,
1873, с. 140]

Не может поэт обойти и образ
дороги, достаточно частотный в
лирике этого периода, как было по-
казано в исследовании С. М. Шаки-
рова [Шакиров, 2001].

Обойдя тропинкой узкой
Травку луговую,
Выхожу я на дорогу
Пыльную, большую...
Пролегла она широко
Вольными местами,
А вдали сомкнулась тесно
Чахлыми кустами [Иванов, 1873,
с. 15–16].

Дорога, занесенная «вековечной
пылью», противопоставлена «вдаль
бегущей чугунке», по которой, «по-

кой нарушив стороны дремучей,
пролетел стрелою быстрой паровоз
могучий» [Иванов, 1873, с. 16]. А
вот пыльная дороженька не нару-
шает покоя родного края, но и она:

Много, много в наше время,
Как и в дни былые,
Проводила ты народу
В города большие [Иванов, 1873,
с. 16].

«Родная земля» для него – это
край крестьян-отходников, которые,
как когда-то и его отец, бросают
родную землю и родные семьи для
того, чтобы заработать немного де-
нег. В стихотворении «Памяти ис-
текшего лета» он противопоставля-
ет Петербург, где «в стенах столицы
шумной не много радостей» есть у
бедняков:

...Здесь все заковано в железо и гранит,
И солнце знойное отвесными лучами
На люд трудящийся убийственный палит [Иванов, 1873, с. 60].
и «родные поля»:
Как от родных полей на заработки к нам
В истоптанных лаптях бредут родные гости,
Чтоб лишний грош добыть оставленным семьям... [Иванов,
1873, с. 60].

При этом у поэта мы не встре-
тим стихотворения, в котором был
бы показан крестьянин, пашущий
поле. Образ поля не имеет у него
выявленной связи с мотивом сель-
скохозяйственного труда (однажды
лишь упоминаются «тощие поля»
[Иванов, 1873, с. 140]), что было
характерно для демократической
поэзии, и скорее восходит к фольк-
лорно-песенному образу «чистого

поля», «раздольного поля»: «...и
стлалась по полю волнистая роса»,
«...и песню вольную в необозри-
мом поле» [Иванов, 1873, с. 92].

В ряде произведений А. Ф. Ива-
нова-Классика «родной край» при-
обретает уже черты всей России.
В стихотворном обращении к «Сло-
ву», открывавшем первый сборник
поэта, он говорит:

Будь смелей ты, слово честности,
Робкой гласности дитя <...>

Появись и с силой новою

Прозвучи в родном краю... [Иванов, 1873, с. 3]

С его точки зрения, честных людей вместе «как прежде сводит вновь чувство честностью обильное к нашей родине любовь» [Иванов, 1873, с. 3].

И поэтому вполне оправданно появление в его произведениях и оппозиции Россия – «заграница». В стихотворении, написанном от имени «энтузиаста», который уверен в том, что если бы он был юмористом, то «мальчишек дерзостных казня, умел бы их на путь наставить» [Иванов, 1873, с. 258], а если бы был публицистом, то в газетах не было бы «пустоты», «была бы музыка не та», ролевой герой вступает в спор с этим «бледнолицым студентом», который уверен, что ход прогресса «скор» как в России, так и за границей. «Энтузиаст» готов «край родимый славить; но иностранца русаком» он не может

«себе представить» [Иванов, 1873, с. 259]. Ролевой герой уверен, что итальянского крестьянина, который «ест макароны, пьет вино и дремлет на прибрежном склоне» [Иванов, 1873, с. 259], невозможно сравнить с русским крестьянином, названном «прямым уродом», так как он:

Брюзжит с нуждою всем знакомой,

И ест быть может круглый год

Кору древесную с соломой,

И даже летом свой тулуп

Не хочет он носить оставить...

[Иванов, 1873, с. 259]

Позиция лирического героя явно не совпадает с позицией этого «энтузиаста» – стихотворение перекликается с некрасовскими произведениями, такими как «Нравственный человек», на что указывает и присутствующий в тексте рефрен «Я не могу себе представить», разоблачающий позицию героя.

Образ «родной земли» в поэзии А. Ф. Иванова-Классика, прежде всего, связан с детскими воспоминаниями:

Я помню, как сквозь сон деревни нашей дальней

Соломой крытых изб убогий длинный ряд,

И в этой бедности с суровостью печальной

Избушки серые, как будто говорят... [Иванов, 1873, с. 92]

Эти воспоминания часто вызывают у лирического героя элегическую ностальгию по родному краю и судьбе всей России, а образ детства становится «полузабытым»,

«исчезнувшим» [Иванов, 1873, с. 92]. Он хотел бы увидеть родную землю обновленной, хотел бы, чтобы в ней крестьяне почувствовали себя по-настоящему свободными:

Но суждено ли мне увидиться с тобой
 Деревня добрая в твоей счастливой доле,
 Лесов заповедных послушать шум живой
 И песню вольную в необозримом поле? [Иванов, 1873, с. 92]

В другом стихотворении, лирический герой, оказавшись в старом доме, вспоминает об уже умершем деде:

Вспоминаю, как порою,
 В вечера глухой зимы,
 В общей комнате семьею
 Для бесед собирались мы <...>
 Дед мой речь ведет протяжно,
 И ругая молодежь,
 По своей оценке важной

Он ее не ставит в грош [Иванов, 1873, с. 63].

Непредсказуем финал стихотворения, где лирический герой хочет «срыть» старый дом, чтобы «на нем легла основа не для слова, а для дел». Публицистический пафос, свойственный возникшей неожиданно аллегории, разрушает психологически убедительный образ детских воспоминаний героя и переводит их в разряд иллюстрации мысли поэта.

В. П. Бурчак в диссертации «Аллегория и ее функции в русской поэзии 1870-х годов: по опубликованным и запрещенным стихам журнала “Дело”» говорит, что «аллегория была “формой времени” и не только потому, что цензурные условия вынуждали к этому, но и как оригинальный прием в поэтике реализма. Она являлась одним из способов раскрытия идеи» [Бурчак, 1998, с. 38]. «Аллегория как речевое

средство способствовала экспрессивности лирических образов, механизму художественного воплощения, определяла установку на ассоциативность восприятия» [Бурчак, 1998, с. 38].

Как замечает В. П. Москвин, о смысле аллегории можно только догадываться. Отсутствие опорного контекста делает аллессию применимой ко многим жизненным ситуациям, конкретным фактам, реалиям, в этом аллессия подобна алгебраической формуле, задающей множество вариантов интерпретаций [Москвин, 1997, с. 38–40]. Однако в стихотворениях А. Ф. Иванова-Классика аллессорический образ обязательно дополняется аллессорическим объяснением (толкованием), что делает и поэтическое высказывание предельно однозначным, и уничтожает саму возможность другой интерпретации образа. Иванов-Классик, обращаясь к этому приему, всегда дополняет художественный образ публицистической идеей «на злобу дня», когда дедовский дом надо разрушить, чтобы его потомки не предавались там бесконечным беседам о том, что же стоит предпринять для того, чтобы изменить ситуацию в России, а наконец-то уже взялись за дело (можно вспомнить и противопоставление Ярославля и ярослав-

цев в более позднем стихотворении «Ярославлю»).

При этом публицистическая идея все равно остается в стихотворениях А. Ф. Иванова-Классика несколько «туманной». В произведении «Весенние мелодии» в начале дается развернутое живописное описание «леса дремучего»:

Вот она, о, глушь лесная!
И до ней дошел луч света!
Здесь все та же дичь родная,
Та же гниль заповедная,
Та же зелень пустоцвета,
Соловьи игривой трелью
Сердце юное щекочут,
Муравьи под старой елью
В муравейнике хлопочут;
На болоте, в честь Зевеса,
Мирно квакают лягушки,
И кукуют в чаще леса

Бесприютные кукушки [Иванов, 1873, с. 115]!

Далее в тексте сталкиваются две авторские интенции: с одной стороны, лирической герой с «юным сердцем» радуется тому, что оставил «город скучный» и в «лирическом припадке долго по лесу» [4: с.115] блуждает, наблюдая за жиз-

нью родной природы, с другой, – его песнь, которая становится все «звучней и краше», о том:

Как близка к родной природе
Жизнь общественная наша!
Как близка к ней наша пресса,
На пути своем развитья! <...>
Есть у нас свои лягушки,
Мне их кваканье знакомо,
И элегию кукушки

У себя слышал я дома [Иванов, 1873, с. 116].

Состояние лирического героя уже получает совершенно иную мотивацию – «И у нас не меньше дичи»:

Я дрожу как в лихорадке,
От восторга таю, таю...

И в лирическом припадке

Снова по лесу блуждаю [Иванов, 1873, с. 116].

Кроме того, образ «родной земли», который становится от сборника к сборнику все менее частотным, настойчиво сочетается поэтом с новыми образами (матери и сестры), связанными уже с христианскими мотивами, и в произведениях начинает звучать новая задушевная интонация:

...И больно, и грустно, и радостно мне,
Навеянной думы картина знакома, –
Картина – надежды, покоя, любви,
Как будто я снова среди отчего дома <...>
Крестом осенивши меня над кроваткой,
Уходит родная, – я знаю, она
На утро мне елку готовит украдкой,
И детская думка восторгов полна [Иванов, 1882, с. 5].

В позднем сборнике «Веселый попутчик» уже очевидна трансформация образа «родной земли», вместо традиционных деревенских реалий мы видим развернутое обращение к городу в стихотворении «Ярославлю», которое открывается следующими строками.

Привет красавцу Ярославлю,
Привет родному земляку!
Его красу я в песнях славлю,
И бью челом я старику! [Иванов, 1889, с. 244]

Среди топонимических реалий в тексте появится не только река Волга, но и Которосль, город Ростов, почему-то названный «полудиким» [Иванов, 1889, с. 245]. Упомянет поэт и о журнале «Уединенный пошехонец», сопроводив эту строку примечанием: «В Ярославле в 1786 и 1787 гг. издавался первый журнал “Уединенный пошехонец”, теперь же не издается ни одной общественной газеты». В этом тексте Ярославль предстает перед читателями прежде всего как город, который «не мало горя злого перенес от бед лихих» [Иванов, 1889, с. 244], который в былые годы был причастен ко многим героическим и трагическим событиям русской истории – битве на Куликовом поле, восстанию Минина и Пожарского – а теперь в нем «жизнь общественная вяло еле движется вперед», «и лелея в идеалах жажду личных барышей» [Иванов, 1889, с. 247], он «только спит на капиталах современных торгашей» [Иванов, 1889,

с. 247]. Еще резче эта мысль выражена в строках: «Ярославль – все тот, как прежде, ярославцы же – нете» [Иванов, 1889, с. 246]. Однако справедливости ради стоит сказать, что единственное стихотворение, в котором поэт говорит о роли ярославского края в истории.

Стоит сразу отметить, что упоминание в произведениях А. Ф. Иванова-Классика реки Волги далеко не всегда будет связано с собственно ярославскими реалиями. В итоговом сборнике «Стихотворения» подряд идут два текста – «Волжская пристань» и «На Волге». И если в первом из них мы еще можем узнать отдельные признаки пристани в Угличе, где пароходы раньше приставали прямо к базарной площади:

...Гудит свисток, и пароход,
Лениво сделав оборот,
Подходит к берегу... По склону
Полуразрушенной горы,
Через песчаные бугры,
К спокойно тихому затону
Ползут возы. Полдневный жар
Палит. На месте остановки

Грузят товар, кипит базар...
[Иванов, 1891, с. 91] –

то во втором уже очень трудно узнать «ярославские» реалии:

В блеске чудной панорамы,
Где склонились небеса,
Переходят села, храмы,
И долины, и леса,
Дебри дикие, пустые,
Величавые суда,

Степи, нивы золотые,
Устья рек и города.
Восстает в своих туманах
Гор громадных силуэт,
Где лежит на великанах
Старины глубокой след... [Иванов, 1891, с. 92]

«Гор громадных силуэт», как и «знакомые перекаты Волги-матушки реки» вряд ли можно соотнести с ландшафтом Ярославской губернии. Кстати, у нас нет сведений о том, что поэт посещал Любимский уезд уже во взрослом возрасте, известно только о предпринятом им путешествии по Волге, когда он проезжал и мимо Ярославля.

Итак, образ «родной земли» в лирике А. Ф. Иванова-Классика представлен нам как живописный в целом ряде произведений. Частотными являются упоминания таких реалий, как деревенские избы, «дремучие» леса, «пыльные» дороги с «чахлыми» кустами, поля и т. д. Они не акцентируют внимание читателя на образе «малой родины», а, наоборот, создают типичный образ крестьянской Руси, характерный для демократической поэзии этого периода. И только по-

стоянное обращение к образу крестьян-отходников, имеющее автобиографическую природу, выделяет поэзию А. Ф. Иванова-Классика на фоне его современников.

В позднем творчестве Иванова-Классика уже образ Ярославля, Ярославского края в целом становится знаком «родной земли», но при всей частотности упоминаний о родном крае, они практически не «обрастают» автобиографическими подробностями: в тех текстах, где появляются упоминания о родственниках, нет отсылок к конкретному локусу.

Не менее частотным является вовлечение природных образов в аллегорическое изображение современной поэту общественной жизни – тенденция, характерная для демократической поэзии данного периода в целом, так как она связана с их эстетическими представлениями о героическом. В поэзии А. Ф. Иванова-Классика неудачность большинства аллегорий можно объяснить отсутствием общего эмоционального фона: нейтральный фон неожиданно для читателя дополняется героическим пафосом.

Библиографический список

1. Бурчак В. П. Аллегория и ее функции в русской поэзии 1870-х годов: по опубликованным и запрещенным стихам журнала «Дело»: диссертация... кандидата филолог. наук. Новокузнецк, 1998. 208 с.
2. Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридендер. Москва, Ленинград: Наука, 1966. С. 225–275.

3. Дмитриенко А. Мнимый Хармс // Авангард и идеология: русские примеры / Ред.-сост. К. Ичин. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2009. С. 488–491.
4. Иванов А. Ф. Песни Классика: Думы и юморист. Стихотворения. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца К. Н. Плотникова, 1873. 328, VII с.
5. Иванов А. Ф. Веселый попутчик: Письма с дороги, заметки на лету, картинки из путевых воспоминаний и дорож. песни. Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1889. 248 с.
6. Иванов А. Ф. На рассвете: Новые песни, сатиры, юморист. стихотворения и куплеты. Санкт-Петербург : Типография Д. Д. Федорова, 1882. 406 с.
7. Иванов А.Ф. Стихотворения. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К^о, 1891. 186 с.
8. Иванов-Классик Алексей Федорович // Большая советская энциклопедия: сайт. URL: <http://www.iobabooks.com/i/ivanov-klassik-aleksey-fedorovich>. (Дата обращения: 20.05.2020).
9. Курочкин В. С. Стихотворения. Статьи. Фельетоны / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. И. Ямпольского. Москва : Гослитиздат, 1957. 714 с.
10. Лейкин Н. А. Мои воспоминания // История Петербурга. 2003. № 6–16. С. 11–16.
11. Москвин В. П. Русская метафора: семантическая, структурная, функциональная классификация: учебное пособие к спецкурсу по стилистике. Волгоград : Перемена, 1997. 91 с.
12. Скроботов Н. А. «Петербургский листок» за тридцать пять лет. 1864–1899. Санкт-Петербург : тип. АО тип. дела в Санкт-Петербург : Герольд, 1914. 108 с.
13. Срезневский В. И. Хороший человек. Л.Л. Леонидов // БИРЮЧ Петроградских Государственных театров. 1921. Сб. 2. С. 223–226.
14. Шакиров С. М. Мотив дороги как парадигма русской лирики XIX–XX вв. Магнитогорск, 2001. 196 с.
15. Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып 14: (Русские писатели и писательницы, умершие в 1894 году) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Москва : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1. С. 262–316.

Reference List

1. Burchak V. P. Allegorija i ee funkcii v russkoj poeziji 1870-h godov: po opublikovannym i zapreshhennym stiham zhurnala «Delo» = Allegory and its function in Russian poetry of 1870-s: based on published and prohibited poems of the journal "Delo": dissertacija... kandidata filolog. nauk. Novokuzneck, 1998. 208 s.
2. Gippius V. V. Nekrasov v istorii russkoj poeziji XIX veka = Nekrasov in the history of Russian poetry of XIX c. // Gippius V. V. Ot Pushkina do Bloka / Otv. red. G. M. Fridlender. Moskva, Leningrad : Nauka, 1966. S. 225–275.
3. Dmitrienko A. Mnimyj Harms = Imaginary Harms // Avangard i ideologija: russkie primery / Red.-sost. K. Ichin. Belgrad: Filologičeskij fakul'tet Belgradskogo universiteta, 2009. S. 488–491.

4. Ivanov A. F. *Pesni Klassika: Dumy i jumorist. Stihotvorenija = Classic's songs: Thoughts and humorist . Poems.* Sankt-Peterburg : Izdanie knigoprodavca K. N. Plotnikova, 1873. 328, VII s.
5. Ivanov A. F. *Veselyj poputchik: Pis'ma s dorogi, zametki na letu, kartinki iz putevyh vospominanij i dorozh. Pesni = Cheerful companion : Letters from the journey, quick notes, pictures from travel memories and songs.* Sankt-Peterburg : A. S. Suvorin, 1889. 248 s.
6. Ivanov A. F. *Na rassvete: Novye pesni, satiry, jumorist. stihotvorenija i kuplety = At the dawn: New songs, satire, humorist, poems and couplets.* Sankt-Peterburg : Tipografija D. D. Fedorova, 1882. 406 s.
7. Ivanov A.F. *Stihotvorenija = Poems.* Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i K°, 1891. 186 s.
8. Ivanov-Klassik Aleksej Fedorovich = Ivanov-Classic Alexey Fedorovich // *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: sajt.* URL: <http://www.iobabooks.com/i/ivanov-klassik-aleksej-fedorovich>. (Data obrashhenija: 20.05.2020).
9. Kurochkin V. S. *Stihotvorenija. Stat'i. Fel'etony = Poems. Articles. Feuilleton / Podgot. teksta, vstup. st. i prim. I. Jampol'skogo.* Moskva : Goslitiz-dat, 1957. 714 s.
10. Lejkin N. A. *Moi vospominanija = My memories // Istorija Peterburga.* 2003. № 6–16. S. 11–16.
11. Moskvina V. P. *Russkaja metafora: semanticheskaja, strukturnaja, funkcional'naja klassifikacija = Russian metaphor : semantic, structural, functional classification : uchebnoe posobie k speckursu po stilistike.* Volgograd : Peremena, 1997. 91 s.
12. Skrobotov N. A. *«Peterburgskij listok» za tridcat' pjat' let. 1864–1899 = "Peterburg leaflet" for thirty-five years. 1864-1899.* Sankt-Peterburg : tip. AO tip. dela v Sankt-Peterburg : Gerol'd, 1914. 108 s.
13. Sreznevskij V. I. *Horoshij chelovek. L. L. Leonidov = A good man. L. L. Leonidov // BIRJuCh Petrogradskih Gosudarstvennyh teatrov.* 1921. Sb. 2. S. 223–226.
14. Shakirov S. M. *Motiv dorogi kak paradigma russkoj liriki XIX–XX vekov = The motive of travelling as a paradigm of Russian lyrics of XIX-XX c. Magnitogorsk,* 2001. 196 s.
15. Jazykov D. D. *Materialy dlja «Obzora zhizni i sochinenij russkih pisatelej i pisatel'nic». Vyp 14: (Russkie pisateli i pisatel'nicy, umershie v 1894 godu) = Materials for "The review of life and works of Russian male and female writers". Issue 14: (Russian male and female writers, died in 1894) // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah.* Moskva : Studija TRITJe: Ros. Arhiv, 1994. [T.] 1. S. 262–316.

УДК 008(091)

Гуань Линьли

<https://orcid.org/0000-0002-9329-7821>

**Трагические мотивы военной литературы в интерпретации
Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия Победы
в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах**

Для цитирования: Гуань Линьли Трагические мотивы военной литературы в интерпретации Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия Победы в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 87-96. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-87-96

Статья раскрывает трагические события Великой Отечественной войны и антияпонской войны в Китае на примере произведений В. Быкова «Сотников», «В тумане» и Ю Фэнвэй «Жизненный путь». При этом отмечается, что активное внимание к трагическому в науке и изображение героев и ситуаций в искусстве в трагическом аспекте не всегда совпадало со временем, изображенным в тех или иных текстах. В статье рассматривается поведение героев в экстремальных ситуациях, когда встает вопрос о жизни и смерти, о выборе своих действий, о верности долгу и нравственности или возможности предательства и герои совершают сложный экзистенциальный выбор. Автор статьи приходит к выводу о типологическом сходстве поведения и нравственного состояния героев В. Быкова и Ю Фэнвэй, доказывая, что они относятся к числу традиционных героев трагического плана, которые мучились от сознания вины и ответственности перед лицом других людей и истории. Основное внимание автор акцентирует на том, что трагическое мироощущение или трагическая тональность присущи русской литературе в разные эпохи ее существования и эти произведения оказывают важное влияние на интерпретацию военной темы в китайской литературе, поэтому осмысление сущности трагического и теоретическое осмысление данной категории в милитарном литературном дискурсе является перспективным направлением для требуют филологических, социологических и философских исследований.

Ключевые слова: трагическое, трагические герои, трагические ситуации, В. Быков, Ю Фэнвэй, военная литература.

Guan Linli

**Tragic motives of military literature as interpreted by Vasil Bykov
and You Feng Wei – to the memory of the 75th anniversary
of Victory in the Great Patriotic War and the Sino-Japanese wars**

The article reveals the tragic events of Great Patriotic War and Sino-Japanese war in China on the example of V. Bykov 's books "Sotnikov" and "In the mist" and You Feng

---

© Гуань Линьли, 2020

Wei's "Life path". It is highlighted that an active attention to tragic in science and the depiction of heroes in the art situation in a tragic aspect did not always coincide with the time shown in the texts. The article speaks about the heroes' behavior in the extreme situations, when there is the question of life and death, about the choice of one's actions, devotion to the duty and morality and a possibility of betrayal and the heroes are making a different existential choice. The author of the article makes a conclusion about typological similarity of behavior and moral state of the heroes of V. Bykov and You Feng Wei proving that they are the traditional heroes of the tragic position. They suffered from fault and responsibility in face of other people and history. The main attention is paid to the fact that tragic attitude and tragic tonality are typical for the Russian literature in different epochs of its existence, and these works influence greatly on the war theme interpretation in the Chinese literature. That's why the comprehension of the essence of tragic and theoretical comprehension of this category in the military literary discourse is a perspective direction which needs philological, sociological and philosophical researches.

Key words: tragic, tragic heroes, tragic situations, V. Bykov, You Feng Wei, military literature.

Антифашистская война породила неисчислимо количество трагических судеб, приведших к гибели миллионов людей, которые умирали от пуль и снарядов на поле боя, от голода и холода во время блокады и оккупации их родных мест, в многочисленных лагерях смерти на территории Европы и Китая. Эта война стала одним из тех исключительных испытаний, которые потрясают все уровни народного бытия и оставляют след навсегда. Эти годы «снабдили» литературу таким количеством материала указанной тональности, что не заметить ее невозможно. По словам П. Топера, «Литература о войнах – царство трагического» [Топер, 2000, с. 23]. «Жизнь в предельном напряжении, нравственном и физическом, беспрестанные лишения, постоянная угроза смерти и сама смерть – неотвратимая, слепая, многоликая,

неисчислимы разрушения, опасность, нависшая над родными и близкими, над привычными жизненными устоями, над самим существованием народным, – атмосфера современной машинной войны, которая ведется не просто армиями, не просто государствами, а народами» [Топер, 1975, с. 89]. Трагизм Великой Отечественной войны и борьбы против японской агрессии в Китае входил в народную жизнь на протяжении определенного времени и не ушел из памяти до сих пор.

При этом нельзя забывать, что в этот период героическая линия занимает одну из ведущих позиций в жизни и литературе о Великой Отечественной войне. С точки зрения Топера, она рождалась «не из потребительского отношения к жизни, а из понимания неисчерпаемых возможностей человека преодолевать непреодолимые трудности и

свершать поражающие воображение подвиги во имя великой цели, в том числе и ценой своей жизни» [Топер, 2000, с. 23]. Хотя в годы войны творческие возможности искусства были сильно ограничены цензурой, нота «сострадания и ужаса» вне непосредственной героизации подвига не всегда легко пробивалась в литературу. После окончания войны истинная «цена победы» оставалась запретной темой и проникала в искусство через множество препон. Однако в начале 60-х годов многие писатели-фронтовики, такие как К. Симонов, недавно ушедший из жизни Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Алесь Адамович, Виктор Астафьев и другие вышли на литературную сцену с подчеркнuto правдивым изображением многообразных сторон военной жизни и военной проблематики.

К таким писателям принадлежал и Василь Быков, известный позже как общественный деятель, Лауреат Государственной премии СССР, чьи труды были переведены на многие языки мира. Нельзя не отметить, что на протяжении по крайней мере пятидесяти лет (40-80-е годы XX в.) советские писатели не отделялись друг от друга по национальным признакам. Соответственно Белорусская Республика не мыслилась как самостоятельное объединение, а ее территория воспринималась как западная часть СССР. Из этого исходили все художники военного и послевоенного времени. Но В. Бы-

ков, живший большей частью на территории нынешней Белоруссии, предельно глубоко знал то, что происходило в этой части страны в 1941-1945 гг. Его произведения не оценены для читателей последующих лет и для понимания сущности трагического.

Василь Быков стал писать о войне не сразу. В одной из бесед он говорил: «О войне я начал писать спустя многие годы после ее окончания. На войне и даже долго после нее не только писать, но и читать о ней не хотелось. Так тяжело было пережитое <...> Когда появилась так называемая вторая волна военной прозы, когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, это было настоящим откровением: так ново, пронзительно и правдиво зазвучали слова о войне. Я имею в виду книги Юрия Бондарева и Григория Бакланова Виктора Астафьева и Евгения Носова, Юрия Гончарова, Константина Воробьева и Владимира Богомолова <...> Их книги – обнаженная правда войны, почти документальная проза о ней. Именно эта проза и укрепила мое желание писать про войну» [Информационный бюллетень секретариата ... , с. 13].

Между тем эти произведения также оказывают глубокое влияние на китайскую литературу военной темы.

После основания КНР китайские писатели, погруженные в радость нового общества после антияпонской и гражданской войны, сосре-

доточиваются на великом историческом значении войны, на том, как война меняет людей, придавая человеку духовную силу, формируя идеал, мудрость и мужество героического подвига. За эти 17 лет (1949-1966) в произведениях о войне отсутствует трагическое. Главное действующее лицо является воплощением героизма. При этом герой претерпевает непреодолимые трудности и крушение своих планов «во имя, ради Государства», что ослабляет чувство трагизма. Военная литература имеет политический оттенок. В этих произведениях мы видим только радость победы, оптимизм революции, веру в политику и поклонение героям. Война против Японии и гражданская война принесли людям человеческое освобождение и национальную независимость. Однако огромные жертвы и трагедии, связанные с историей и войной, были омрачены победой национальной войны и политической борьбы. Считали, что трагедия свойственна только вражескому полюсу. Только после 1990 года военная литература ослабила политическую окраску, подчеркнув, что состояние выживания и духовное становление личности происходило в особых ситуациях, осуществился переход от славы к глубокому размышлению, резкой критике о войне. Пробуждение трагического сознания китайской военной литературы позволило нам проникнуть в глубину души китайских военных, глубоко понять горь-

кий и славный жизненный путь китайских военнослужащих.

Известно, что в период Культурной революции (60–70-е гг.), переводы и публикации русских литературных произведений в Китае почти полностью прекратились. Подобная ситуация продолжалась вплоть до начала политики реформ и открытости 1978 года, когда вновь стали активно переводиться и распространяться произведения как русской классической литературы, так и литературы XX века.

После «реформы и открытости» многие быковские произведения были переведены на китайский язык. В 1980 г. в Китае вышла книга «Рассказы Василя Быкова», в 1981 г. – «Пойти и не вернуться», в 1982 г. – «Сотников», в 1984 г. – «Журавлиный крик», «Альпийская баллада», а в 1988 г. – «Знак беды». В 1989 году в журнале «Современная зарубежная литература» Чэнь Цзинюн опубликовал статью «Три рассказа Василя Быкова» («Третья ракета», «Сотников», «Знак беды»). Эти произведения сыграли важную роль в формировании военной литературы Китая. Особенное внимание уделяется рецепции в китайской повести таких произведений В. Быкова как «Сотников» и «В тумане».

Критики самых разных умонастроений считают одним из лучших произведений писателя повесть «Сотников». Первоначальное название звучало как «Ликвидация». Однако А. Т. Твардовский

предложил назвать повесть по фамилии главного положительного героя. По словам писателя, его интересовали два нравственных момента: «что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» В повести два главных героя, два взгляда – Сотникова и Рыбак. Автору необходимо сравнить и сопоставить поведение двух героев и мотивы, которыми они руководствовались, раскрыть их отношения друг к другу и состояние души, выявить различие их представлений о войне, несовместимость их нравственных принципов и принимаемых ими решений. Для Сотникова главное – понять себя, проверить нравственную обоснованность своих поступков, а для Рыбака – найти мотивы самооправдания и освобождения от чувства ответственности.

В различных суждениях критиков, посвященных этой повести (С. Воронин, Л. Якименко, А. Адамович и др.), не часто звучало понятие «трагическое». Тем самым подтверждается мысль о том, что идея трагизма в определенной мере противоречила общей тональности русской литературы, одушевленной идеей поступательного развития советского общества и исторического оптимизма. Однако изображение ситуаций военных лет все чаще обращало внимание писате-

лей к трагическим аспектам бытия. Это относится в первую очередь к вышеперечисленным повестям В. Быкова.

Короткая жизнь Сотникова, изображенная в одноименной повести, убеждает и его самого, и читателей, сколь трагичны условия, в которые попадает человек на войне, особенно на той территории, где врагом может стать и чужой солдат, и местный житель, и даже товарищ по оружию. Сотников не боялся смерти в бою, она становилась привычной для воевавших в составе регулярных войск. Трагическое ощущение возникло тогда, когда он увидел гибель невинной девочки, матери нескольких детей и предательство близкого человека, который оказался способен помочь палачам осуществлять казнь своих же людей. При этом Сотников не мог предотвратить предательство и оказать помощь невинным людям, жителям села избежать гибели, хотя готов был взять вину на себя и своей смертью попытаться спасти их. Это становится результатом мучительных переживаний по причине гибели других людей, их беззащитности и бессилия в этой ситуации. Анализ поведения и нравственного состояния Сотникова позволяет заключить, что он относится к числу традиционных героев трагического плана, которые мучились от сознания вины, заключающейся в невозможности помочь окружающим и в кажущейся бессмысленности своей жертвы. Но все

же она не была бессмысленной, так как жители, наблюдавшие казнь, не одобряли палачей и молча поддерживали погибших товарищей.

Если на примере поведения Сотникова писатель хотел еще раз оценить подвиг, который не был единичным в те страшные годы, то на примере Рыбака предлагал осмыслить анатомию предательства. У Рыбака граница между нравственным и безнравственным не ощущалась как нечто серьезное. По словам Быкова, «он примитивный прагматик, совершенно не соотносящий цели со средствами. Война для него – простое до примитива дело, с исчерпывающей полнотой выраженное постулатом: «чья сила, того и право» и еще: «своя рубашка ближе к телу». Однако «Рыбак тоже не подлец по натуре; сложись обстоятельства иначе, возможно, проявилась бы совершенно другая сторона его характера и он предстал бы перед людьми совсем в ином свете». Надеясь перехитрить немцев, он дает следователю ряд половинчатых показаний, за что тот обещает сохранить ему жизнь и взять в полицию. Так он пытается совместить несовместимое – сохранить жизнь и не погрешить против человечности. В конце Рыбак начинает осознавать трагичность ситуации, в которую он поставил себя. Пытаясь преодолеть ее, он решает покончить с собой, но не получилось. Что будет дальше с героем? Это не ясно. Будет ли он мучиться от пони-

мания совершенной ошибки, или же будет существовать, радуясь, что остался жив? Скорее, – последнее. Не понимать значения своего предательства, результаты которого воочию видели жители села, человек не может. Так что совесть, наверное, будет тревожить его, но вряд ли чувство трагизма будет активно преследовать его. Поэтому считать такого героя трагическим было бы неосновательным.

В творчестве В. Быкова в числе повестей на военную тему есть такая, которая, с одной стороны, как бы перекликается с повестью «Сотников», с другой, – полемизирует с нею, противопоставляя Рыбаку иной тип героя, явно принадлежащий к категории «трагических». Это – повесть «В тумане», опубликованная в 1987 году. В ней идет речь о судьбе героя по имени Сущеня.

После диверсии, которую осуществили рабочие на железной дороге и были схвачены и казнены через повешение, в живых оставили одного – Сущеню с целью дискредитации его в глазах односельчан и партизан, представив предателем. В силу этого герой оказался «перед выбором» – умереть или остаться человеком в сознании окружающих. Как доказать, что он не предатель, когда в его доме появляются два партизана, посланные командиром отряда, чтобы казнить его от имени советских людей? В результате сложных перипетий, связанных с осуществлением плана казни: сначала Сущеня вместе с партиза-

нами выбирает место своей казни, затем сам роет себе могилу, пытаясь в то же время рассказать историю своего «освобождения». При этом старший из партизан, Гуров, поверил в его исповедь о невинности, но вскоре сам погиб от пули полицаев, а другой, Войтик, считал, что немцы завербовали Суценью. Суценья взваливает на себя умершего Гурова, мечтая дойти вместе с Войтиком до партизанского отряда и попытаться доказать свою невинность. От случайной пули погибает и Войтик. Суценья остается в лесу, недалеко от партизанского лагеря рядом с телами Гурова и Войтика, понимая, что ему уже не оправдаться в том, что он не предатель, что он и не думал сотрудничать с немцами, что он отказался от предложения следователя Гроссмайера стать посредником между ним и партизанами. Тогда Суценья принимает решение убить себя, то есть делает то, чего не смог и не собирался сделать Рыбак, – пожертвовать собой. Этот поступок является свидетельством поведения трагического типа, следовательно, Суценья может быть назван трагическим героем.

Такие быковские трагические герои и ситуации нашли отражение в повестях на военную тему китайского писателя Ю Фэнвэй

Ю Фэнвэй – китайский писатель, вице-президент Ассоциации китайских писателей. В 1944 году он родился в Шаньдуне. Он начал литературную карьеру в 1976 году.

Написал роман: «Китай 1957», «Амурский вьюн», «Сладострастие», повести: «Обещание», «Ночной разговор Ши Мэнь», «Жизненный путь», «Жизнь» и др. рассказы: «Ворона», «Золотая речная отмель», «Бай Ляньлянь». За роман «Китай 1957» стал номинантом шестой престижной литературной премии Мао Дуня. Приз Каннского кинофестиваля и японского кинофестиваля «Каждый день» получил фильм «Враги-японцы пришли» по его повести «Жизнь». За рассказ «Бай Ляньлянь» писатель стал лауреатом второй детской литературной премии. Его творчество находило отражение в таких известных издательствах как «Современность», «Пекинская литература», «Шаньдунская литература», «Китайские писатели», «Литература эпохи» и др. Его произведения были переведены на разные языки.

Ю Фэнвэй – писатель с изменчивым стилем творчества. Он написал о войне, о реформах и борьбе, об истории и реальности. Трагическое сознание никогда не отсутствовало в его произведениях. Глубокое чувство трагедии Ю Фэнвэй проникало в творчество более 30-ти лет с изменением его взглядов и ориентиров. В 1994 году в четвертом номере журнала «Современность» была опубликована его повесть о войне «Жизненный путь». В произведении рассказывается о китайском докторе по имени Су Юань, который случайно схвачен японскими войсками и был вы-

нужден лечить вражеских солдат. Он, китаец, не может согласиться с таким «предательством» ни по нравственности, ни по национальным чувствам, хотя это было вынужденным, потому что если он этого не сделает, то его жена и невинные люди в деревне погибнут под ножом японской армии. Он случайно познакомился с японским военным врачом ГаоТянь. После общения с ним он узнал о великом плане «жизненного пути»: ГаоТянь – пустить пулю в грудь по нижнему краю сердца, чтобы сохранить целостность сердца, чтобы избежать попадания в левую грудь и другие жизненно важные органы, а затем эффективно остановить кровотечение спасенных людей и начать лечение, тем самым под дулом японской армии спасти стрелявшего китайца.

Трагическое ощущение возникло тогда, когда Су Юань, как и Сушения попал в трясину болезненного выбора: остаться – все, не знающие правды, не поймут его, он всегда будет нести на себе проклятие предательства; уйти – свои соотечественники погибнут под обстрелом японской армии, и больше нет надежды на спасение... Достоинство и жизнь, личность и государство на грани почти полного развала. Су Юань, в конце концов, в отличие от Сотникова и Сушени, которые во имя чести пожертвовали собой, совершил Рыбаковский выбор: остался в японской армии военных врачей, спас бесчисленное

множество китайцев, с помощью этого неизвестного плана тайно передал сведения противника.

Анализ поведения и нравственного состояния Су Юань позволяет заключить, что он относится к числу традиционных героев трагического плана, которые мучились от сознания вины, заключающейся в вынужденности лечить японских солдат, которые убивали и будут убивать людей. Для врачей спасение жизни – это призвание. Но перед ним стоят враги, и как он исполняет свой долг? Национальность и мораль замучили героя. Это душевное переживание продолжалось до самого последнего момента его жизни. Жена, которая не понимала правды, думала, что он продался врагу, покинула его. В конце концов, информация, которую он предоставил, помогла одержать победу в этой битве, но невыносимый, смертельный удар несло ему то, что он не смог найти солдата, который смог бы доказать непричастность к предательству. В конце он умирает от выстрелов своего народа. И после его смерти в истории этого города четко написано: предатель Су Юань был убит.

Итак, краткий анализ трёх повестей показывает, сколь многолики трагические ситуации, как много места они занимали в жизни людей в период антифашистской войны, насколько различна интерпретация этих ситуаций в сознании самих участников военных событий и писателей, сумевших воспроизвести

их в художественных произведениях. Очевидно, что трагическое мироощущение или трагическая тональность присущи русской и китайской литературе в разные эпохи ее существования и потому осмысление сущности трагического и ее теория требуют дальнейшего исследования филологами, социологами и философами.

К данному выводу можно добавить еще один, вытекающий из размышлений о том, что, начиная с датского ученого Кьеркегора, стали называть экзистенциальностью. В проанализированных и многих других произведениях В. Быкова и Ю Фэнвэй герои оказываются в экстремальных ситуациях, когда встает вопрос о жизни и смерти, о выборе своих действий, о верности долгу и нравственности или возможности предательства. В совет-

ской науке того времени не принято было пользоваться термином «экзистенциальный», но поведение таких героев свидетельствует о присутствии в их жизни именно экзистенциальной ситуации, которая ставит человека перед необходимостью принять решение, отвечающее нравственным принципам. Сотников размышляет не о спасении себя, а о спасении Демчихи и старосты Петра. Рыбак, как говорилось, думает только о своем спасении, что приведет к предательству. А так называемый предатель Су Юань спас жизнь множества китайских солдат и в конце был убит своими же. После смерти люди не узнали правду. Тяжелее всех пришлось Сушене, но он выдержал испытание экзистенциальной ситуацией, оказавшись истинным трагическим героем.

Библиографический список

1. Быков В. Как создавалась повесть «Сотников» // Литературное обозрение. 1973. № 7. С. 101-102.
2. Быков В. Великая академия – жизнь // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 133.
3. Информационный бюллетень секретариата правления СП СССР, 1980. № 4. С. 13.
4. Курносков Д. Человек на войне: Творчество Василя Быкова в зарубежной критике // Литературное обозрение. 1984. № 5. С. 28.
5. Топер П. Трагическое в искусстве XX века // Вопросы литературы. 2000. № 2. С. 3-46.
6. Топер П. Цена победы: О некоторых аспектах трагического в литературе об Отечественной войне // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. Москва : Художественная литература, 1975. вып.2. С. 89-116.
7. Топер П. Гуманистический смысл подвига и проблемы войны и мира в мировой литературе // Гуманистический пафос советской литературы. Москва, 1982. С. 118.
8. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва, 2009. 405 с.
9. Чернец Л. В. Литературные жанры. Москва, 1982. 194 с.

10. Шагалов А. Василь Быков повести о войне. Москва, 1989. 302 с.
11. Шохин К. В. О трагическом герое и комическом персонаже. Москва, 1961. 56 с.
12. Штокман И. Г. Рост кристалла. (Василь Быков – характеры и обстоятельства) // Жизнь на миру. Москва, 1996. С. 23-43.
13. Эсалнек А. Я. Теория литературы. Москва, 2010. 250 с.
14. Эсалнек А. Я. Анализ романного текста. Москва, 2004. 182 с.
15. Shneidman N. N. Soviet Literature in the 1970-S: Artistic diversity and ideological conformity. Toronto – Buffalo – London, 1979. p. 49.

Reference List

1. Bykov V. Kak sozhdalas' povest' «Sotnikov» = How the novella “Sotnikov” was written // Literaturnoe obozrenie. 1973. № 7. S. 101-102.
2. Bykov V. Velikaja akademija – zhizn' = Great academy – life // Voprosy literatury. 1975. № 1. S. 133.
3. Informacionnyj bjulleten' sekretariata pravlenija SP SSSR = Newsletter of the Secretariat of the Board of the Joint Venture of the SSSR, 1980. №. 4. S. 13.
4. Kurnosov D. Chelovek na vojne: Tvorcestvo Vasilja Bykova v zarubezhnoj kritike = A man at war: Vasil Bykov's work in foreign critics // Literaturnoe obozrenie. 1984. №. 5. S. 28.
5. Toper P. Tragicheskoe v iskusstve XX veka = Tragic in the art of XX c. // Voprosy literatury. 2000. №. 2. S. 3-46.
6. Toper P. Cena pobedy: O nekotoryh aspektah tragicheskogo v literature ob Otechestvennoj vojne = The price of victory: About some aspects of tragic in literature about Great Patriotic War // Literatura velikogo podviga: Velikaja Otechestvennaja vojna v literature. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. vyp.2. S. 89-116.
7. Toper P. Gumanisticheskij smysl podviga i problemy vojny i mira v mirovoj literature = Humanistic meaning of feat and problems of war and peace in the world literature // Gumanisticheskij pafos sovetskoj literatury. Moskva, 1982. S. 118.
8. Halizev V. E. Teorija literatury = The theory of literature. Moskva, 2009. 405 s.
9. Chernec L. V. Literaturnye zhanry = Literary genres. Moskva, 1982. 194 s.
10. Shagalov A. Vasil' Bykov povesti o vojne = Vasil Bykov novellas about war. Moskva, 1989. 302 s.
11. Shohin K. V. O tragicheskom geroe i komicheskom personazhe = About a tragic hero and comic personage. Moskva, 1961. 56 s.
12. Shtokman I. G. Rost kristalla. (Vasil' Bykov – haraktery i obstojatel'stva) = The growth of the crystal (Vasil Bykov – characters and circumstances) // Zhizn' na miru. Moskva, 1996. S. 23-43.
13. Jesalnek A. Ja. Teorija literatury = The theory of literature. Moskva, 2010. 250 s.
14. Jesalnek A. Ja. Analiz romannogo teksta = The analysis of the text of the novel. Moskva, 2004. 182 s.
15. Shneidman N. N. Soviet Literature in the 1970-S: Artistic diversity and ideological conformity. Toronto – Buffalo – London, 1979. p. 49.

УДК 008:14

И. Н. Коржова

<https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

**Возвращение горсти земли: отражение и трансформация
народного обычая в русской поэзии 1941-1945 гг.**

Для цитирования: Коржова И. Н. Возвращение горсти земли: отражение и трансформация народного обычая в русской поэзии 1941-1945 гг. // Мир русского-ворящих стран. 2020. № 2 (4). С. 97-106. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-97-106

В статье рассматривается отражение в поэзии 1941-1945 гг. обычаев, связанных с горстью земли. Если в предшествующей русской поэтической традиции упоминался преимущественно обряд бросания горсти земли при погребении, то в военной поэзии он не отражен вовсе. На первое место выходит обычай забирать с собой горсть земли, покидая родные места. Традиционно такая земля высыпалась возле нового дома или на могиле и тем самым превращала чужое пространство в свое. Но ситуация войны проблематизирует статус оккупированной земли, не позволяя однозначно оценить его в категориях «свое – чужое». В военной поэзии обычай предстает в трансформированном виде: землю берут при отступлении с клятвой возратить ее обратно. Так горсть земли становится знаком устремления людей к победе. Кроме того, целью обряда является не личное благо при жизни или успокоение в смерти, но достижение победы, которая в категориях народного мышления может быть описана как возвращение к правильному миропорядку. Новый обряд отражен в нескольких стихотворениях и одном очерке, что не позволяет с уверенностью говорить о совершении описанных действий в реальной практике. Но данный материал свидетельствует о глубокой связи советской культуры с народными истоками.

Ключевые слова: военная поэзия, горсть земли, обычай, обряд, метонимия.

I. N. Korzhova

**The return of a handful of earth: reflection and transformation of folk
custom in Russian poetry of 1941-1945**

The article considers the reflection of customs associated with a handful of earth in the poetry of 1941-1945. Whereas the preceding Russian poetic tradition mentioned mainly the rite of throwing a handful of earth at the burial, it is not reflected at in war poetry. The custom to take a handful of land with them, leaving their native places, has taken priority. Traditionally, this land spilled out near a new house or on a grave and thereby turned someone else's space into their own. But the situation of the war problematizes the status of the occupied land, not allowing it to be unambiguously

---

© Коржова И. Н., 2020

assessed in the categories of "own - alien." In military poetry, the custom appears in a transformed form: land is taken at the retreat with an oath to return it back. So a handful of earth becomes a sign of people's desire aspiration for victory. In addition, the purpose of the rite is not personal prosperity during life or comfort in death, but the achievement of victory, which in the categories of popular thinking can be described as a return to the correct world order. The new rite is reflected in several poems and one essay, which does not allow us to speak with confidence the described actions have been tried in real practice. But this material shows the deep connection of Soviet culture with folk sources.

Key words: war poetry, a handful of land, custom, rite, metonymy.

В верованиях восточных славян, как и многих других народов, особое место принадлежит почитанию земли. Большинство обычаев, связанных с землей, дошло и до наших дней, хотя смысл действий для наших современников часто уже затемнен и потому нередко переосмыслен. Земле исповедовались, на ней клялись, использовали в различного рода магических действиях, ее бросали на гроб усопшего, увозили с собой, покидая надолго или навсегда родные места. В этом широком круге обычаев нас будут интересовать те, которые связаны с горстью земли.

Традиция бросать на гроб или тело умершего землю известна многим конфессиям. В христианстве она объясняется словами из книги Бытия: «Земля еси и в землю отыдеши», хотя очевидно, что истоки этого обряда коренятся в более древнем мифологическом представлении о сотворении человека из земли и посмертном возвращении его в землю как о потенциальном возрождении.

Восточнославянский обычай брать с собой, оставляя Родину, горсть земли, хорошо изучен этнографами [Богатырев, 1916; Максимов, 1994; Мороз, 2004; Прыжов, 1934; Соболев, 1914]. Целей у такого действия было несколько: «Переселенцы перед отъездом брали с собой горсть 3<емли>, чтобы прижиться на новом месте и не скучать по родным местам (рус.). Так же поступали паломники и богомольцы: они захватывали с собой родной землицы, чтобы в случае внезапной смерти ее посыпали на глаза или на могилу умершему. Покидая родные края, люди прятали щепотку 3. в ладанке или узелке, носили ее на груди как оберег от всех бед» [Славянские древности, 1999, с. 319]. Также взятую в родных местах землю насыпали под подошву или смешивали с почвой у нового дома [Максимов, 1994; Мороз, 2004]. При очевидном выделении двух функций (использование земли при жизни или в похоронном обряде) в основе обычая лежит единое мифологическое представление. Б. А. Успенский [Успенский, 1994] дал универсаль-

ное объяснение этому кругу ритуалов: все они связаны с противопоставлением чистых и нечистых земель, за которым угадывается древняя базовая оппозиция «свое – чужое». Действительно, перенесение земли расширяет ареал своего, позволяет избежать опасностей в мире неизнанку, каким представлялась чужбина.

Распространение обычая у русских, по мнению Б. А. Успенского, связано и с языковой особенностью: «слово “земля” по-русски объединяет абстрактное и конкретное значение, означая как территорию (terra), так и материальную субстанцию (humus)» [Успенский, 1994, с. 384]. Словесное тождество подкрепляет метонимическую связь. Эту эквивалентность части целому народ отразил в пословице «Своя земля и в горсти мила, и в щепоти – Родина».

О жизнестойкости обычая в XX веке и сохранении его мифологической основы говорит исследование быта русских эмигрантов [Живанович]. Сбереженная частица родной земли использовалась ими прежде всего в похоронном обряде. Таким образом, два действия (сохранение частицы Родины при отъезде и бросание земли на гроб) объединялись в единый комплекс. Отметим, что исследователи не фиксируют, откуда именно бралась земля отъезжающими и что делали с нею, если все же возвращались на Родину. Хорошо известен в живой практике и другой обряд, хотя в

научной литературе он почти не осмыслен. Это зеркальное рассмотренному действие, когда горсть земли берется с могилы, как правило удаленной, и увозится с собой. Эту землю приносят на другие захоронения, символически соединяя близких, или хранят, очевидно, как знак общности с умершими.

В советской России не только не были забыты эти обычаи, но и вокруг горсти земли как сакрального предмета формировались новые обряды. Нашим материалом станут стихотворения 1941-1945 гг., в которых упомянута горсть земли или замещающий ее предмет. Фикциальная природа источников не позволяет делать однозначный вывод о формах бытования обычаев в реальной практике. Однако сразу несколько произведений, взаимовлияние которых представляется маловероятным, фиксируют новый обряд, который, насколько нам известно, пока не был исследован, поэтому даже такое отраженное свидетельство его существования представляется ценным.

Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют, что большинство упоминаний горсти земли в поэзии XIX века и довоенных десятилетий века XX связано с похоронным обрядом. Часто именно этот прощальный жест служит эмблематическим изображением смерти, заменяет сообщение о ней. Единичные стихотворения отражают другие обычаи. Горсть земли становится неким па-

мятным знаком, напоминающим об умершем друге (А. И. Одоевский «Элегия на смерть А. С. Грибоедова») или присланным с исторической Родины (Н. Ф. Щербина «Отплывающему»). В поэме «Войнаровский» К. Ф. Рылеева она, как и полагалось на практике, помещена героем, оставляющим Отчизну, рядом с нательным крестом. Произведения Н. Ф. Щербины и К. Ф. Рылеева – единственные включенные в Поэтический корпус русского языка случаи непосредственного отражения обряда. Но и в них дальнейшие действия героев с землей не описаны.

Так называемая советская «оборонная» поэзия обращается к иным ситуациям. Н. Майоров в стихотворении «Когда умру, ты отошли...» просит отправить тетке горсть земли, в которой он будет похоронен. В стихотворении В. Занадворнова «Шлем» упоминание горсти земли не связано с обычаем как таковым: она просто зажата в руках погибшего, но важно, что это частица обороняемой земли.

Значимым представляется тот факт, что в предвоенной и военной лирике отсутствует описание того самого прощального жеста при погребении, с которым в первую очередь было связано упоминание горсти земли в предшествующей русской литературе. Вероятно, в условиях войны сам обряд не всегда мог быть исполнен, но и его эмблематическое воссоздание отсутствует за единственным исключением. В сти-

хотворении К. Симонова «Летаргия» расставание с любовью описано так: «Горсть земли ей бросив на прощанье, / Крест на ней поставим и уйдем» [Симонов, 1982, с. 206]. В произведениях же военной тематики обряд не упоминается вовсе: возможно, он отражал нормальное течение жизни. Кроме того, образ горсти земли закрепляется за другим обычаем – хранением частицы родной земли в разлуке с нею.

В неизменном виде черты обычая проступают в стихотворении С. Образовича «Беженцы». Описание скорбного пути людей, вынужденных покинуть свои дома, отмечено деталью: «Лишь горсть земли с родной окраины / Таят у сердца как зарок» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 437]. В стихотворении С. Кирсанова «Горсть земли» сакральный образ ставится в центр произведения. Но устрашающе меняются условия совершения обряда. Горсть земли обретается в бою: «Мина грохнулась, завыв, / чернозем вскопала, – / горсть земли – в огонь и взрыв – / около упала» [Кирсанов, 1945, с. 5]. Происходит ли схватка на родной в узком смысле слова земле, автору неважно, и этот факт переворачивает представление о своем и чужом. Родной, своей теперь является не та земля, что взрастила человека, но та, которую он оберегает.

У С. Кирсанова обычай забирать горсть земли сплетается еще с одним – клясться земле. «Самой надежной клятвой считалась та,

при которой упоминалась, а то и держалась в руках или во рту земля. Преступить такую клятву страшно, невозможно, ибо это значит оскорбить землю» [Мороз, 2004, с. 396]. Герой Кирсанова подчеркивает: «горстке слово дал свое, / что вернусь обратно» [Кирсанов, 1945, с. 5]. То же действие упоминает С. Обрадович, его беженцы хранят землю как «зарок». Объединяет тексты и сходное завершение, раскрывающее суть обета: «Земле прапрадедов хозяин / ее вернет в победный срок» [Кирсанов, 1945, с. 437] – «ее опять слеблю / с остальной землею» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 5].

Мы наблюдаем два аспекта трансформации обряда: землю, на которой поклялись, носят с собой как напоминание о клятве. Обряд прирастает важным завершением: землю необходимо вернуть обратно. В ситуации отступления это фактически означает обещание переломить ход войны. Прежние функции реликвии (символическое пребывание на Родине, возможность быть похороненным в своей земле, защита оберегом) полностью потеснены новой – дать зримое воплощение зарока, укрепить чувство ответственности и мужество. Отметим, что эти цели не связаны с приобретением личного блага, сам обряд напрямую не связан с магической силой, но подчеркивает гражданские ценности.

Соотношение своего и чужого сложно трансформируется в усло-

виях войны. Обряд мотивирован не стремлением превратить чужое в свое, а желанием не допустить превращения своего в чужое. Сложный с точки зрения традиционного сознания статус оккупированной земли отразили наиболее чуткие к народной аксиологии поэты военной поры. А. Твардовский в стихотворении «Возмездие» описывает эту ситуацию как разлад, расколовший целостный универсум: «Мы покидали милые поля, / Где провожал нас каждый колос хлеба / И каждый кустик сизый ковыля. / Да, то была родимая земля, / Хотя над ней чужое было небо» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 660]. К. Симон в стихотворении «Возвращение в город» полностью перенимает мифологическую логику, что позволяет сказать об отступлении: «Когда твой отступавший полк / Их на год отдал на чужбину». Выражение «отдал на чужбину» указывает не на реальное перемещение, а на смещение ценностных границ. Хотя поэты находят разные решения для мучительного вопроса о статусе завоеванной русской земли, очевидно стремление осмыслить факт оккупации в категориях «свое – чужое». В этих стихотворениях не упомянута горсть земли, однако они помогают постичь законы мифологического мышления, которое, как мы полагаем, было общим для исследуемых здесь авторов. Эти произведения делают очевидной еще одну, непроговариваемую функцию обряда: земля не отдает-

ся, а символически забирается с собой, и, покуда сакральный предмет хранится, свое остается своим.

В некоторых стихотворениях военной поры горсть земли замещается другим предметом. Но перед нами не случайный памятный знак, поэты подчеркивают эквивалентность целого части, предмета всему пространству Родины – метонимическая основа обряда сохраняется.

В стихотворении С. Гудзенко «Сентиментальный нежный друг...» память о родном для поэта Киеве воплотил кленовый лист. Включение этого текста в исследование было бы произвольным, если бы поэт не связал свои действия с древним обычаем, отойти от которого его заставила стремительность отступления: «Ведь это всё, что я унёс из Киева тогда. / <...> Я не припал к родной земле, / Не взял в дорогу горсть земли» [Гудзенко, 1956, с. 78]. Гудзенко сохраняет принцип эквивалентности части целому, но основывает его не на метонимии, а на метафоре: «И только он, кленовый лист, / Хранил воспоминаний дрожь / (Его сорвал осенний дождь). / Но жилки красные на нём напомнили мне кровь дорог...» [Гудзенко, 1956, с. 78].

В песне «Севастопольский камень» на стихи А. Жарова (публикуется также под названием «Заветный камень») роль сакрального знака выполняет кусочек гранита от утеса. На создание стихов поэта вдохновил очерк Л. В. Соловьева «Севастопольский камень». Прозаи-

ческая форма позволяет более прямо обозначить новые функции ношения памятного знака: «приду в Севастополь обратно, своей рукой положу этот камень на место, крепко впаяю на цемент, и тогда отдохнет мое сердце. А до тех пор буду носить его на груди – пусть он жжет меня, и тревожит, и не дает мне покоя ни днем ни ночью...» [Соловьев]. Текст Л. В. Соловьева близок к фиксации предания; некоторые его моменты и вовсе фантастичны: камень прожигает тельняшку, умножает смелость своих обладателей. Однако принадлежность текста к жанру очерка, указание имен и званий свидетельствует о реальной природе обычая и распространении, если не самой практики, то рассказов о ней в военной среде.

Необходимо отметить полный разрыв обычая с прежней функцией – обеспечить погребение в родной земле. Многие хранители камня умирают, но перед смертью передают дорогую реликвию. Хотя в стихотворении А. Жарова подчеркнута мемориальная функция камня: «Затем, чтоб вдали / От крымской земли / О ней мы забыть не могли» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 188], однако его сюжет сохраняет все описанные в очерке компоненты обряда: клятва; магическое действие гранита, воспаляющего сердце; необходимость вернуть камень.

Замена земли гранитом и листом все же говорит об утрате некоторых глубинных, мифологических черт обычая. Думается, в его основе было

стремление соединиться с матерью сырой землей, включиться в ряд прошлых и будущих рождений (ведь в родной земле были захоронены предки). И все же в стихотворении А. Жарова, несмотря на неплодородность, мертвенность гранита, отголоски идеи соединения с предками и увлажненности как залога плодородия присутствуют: «Пусть свято хранит / Мой камень-гранит, — / Он русскою кровью омыт» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 189].

Иные изменения претерпевает обычай в стихотворении Я. Смелякова «Судья», в котором горсть отвоеванной земли навсегда остается в руке погибшего солдата. Поэт в духе древнейших представлений истолковывает смерть как переселение в иную землю, и эта аналогия позволяет ему описать предсмертный жест как соблюдение обычая: «И, уходя в страну иную / от мест родных невдалеке, / он землю теплую, сырую / зажал в костенеющей руке» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 592]. Здесь в одном действии соединяются две фазы трансформированного обряда: герой забирает землю как самое дорогое и эта земля остается с ним при захоронении. Но отметим, что, как и во всей военной поэзии, происходит характерное смещение акцентов: зажатая в горсти земля не просто «от мест родных невдалеке», но это «горсть отвоеванной России» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 592]. Важно, что именно победа возвращает погребальную часть в

описываемый обряд, очевидно, она позволяет во всех значениях «упокоиться» солдату. Далее Я. Смеляков развивает сюжет, представляя убитого юношу судьей в загробном мире, где тот измерит всех людей этой горстью. Так горсть земли становится воплощением не только родной земли, но и символом величия смерти за нее.

На игре двумя значениями слова «земля» основан художественный эффект ряда стихотворений военной поры. Выражение «горсть земли» и без упоминания об обряде остается культурным сигналом метонимической замены большого пространства Родины ее частью.

Как перифраз выражение «горсть земли» появилось в стихотворении К. Симонова «Родина», герой которого в узком локальном пейзаже видит «Ту горсть земли, которая годится, / Чтоб видеть в ней приметы всей земли» [Симонов, 1982, с. 123]. Поскольку выражение изначально было связано с установлением эквивалентности между частью и целым, то в использовании его для называния замкнутого пейзажа мы видим перенос наименования по функции.

Перифраз повторен в созданном с несомненной оглядкой на Симонова стихотворении И. Эренбурга «Мир велик, а перед самой смертью...». У последнего фраза «горсть земли» не столь однозначно указывает на пейзаж, да и эпитеты делают образ амбивалентным: это и вещество, и пространство. Смутные

аллюзии, навеваемые словом «суеверье», указывают на связанные с землей обычаи: «Остается только эта горстка, / Теплая и темная, как сердце, / Хоть ее и называли черствой, / Горсть земли, похожей на другую, – / Сколько в ней любви и суеверья!» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 744]. Похожая двойственность характерна и для стихотворения Н. Рыленкова «Русская песня». Пейзаж на наших глазах сужается, обнаруживая как свой предел замыкание на почве в самом буквальном смысле: «А рядом поле то, / Что кровью полито, / Где ком земли сырой / Дороже золота» [Рыленков, 1956, с. 122]. Отметим, что Н. Рыленков возвращается к образу сырой рождающей земли в самом буквальном и трагическом, но и наиболее близком фольклору смысле.

Знаменательно, что одна из акций, посвященных празднованию 75-летия Победы, имеет символическое название «Горсть памяти» и опирается на древнюю традицию. По инициативе Министерства Обороны Российской Федерации 22 июня 2019 года во многих городах состоялся торжественный забор земли с мест захоронений (акция была продолжена и далее). Собранная в солдатские кисеты, позже она будет запечатана в гильзы и станет основой мемориала Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации [Патриотическая акция «Горсть памяти» ...]. Очевидно, что эта инициатива опирается на до сих пор распространенный обычай со-

единять усопших, перенося землю с одного захоронения на другое, или хранить в качестве реликвии и одновременно магического средства землю с могилы святых. Отметим, что церковь осуждает подобную практику и разъясняет верующим ее языческую подоплеку [Скитер]. Вероятно, отрицая целебные свойства такого артефакта, церковь видит в ней памятный знак: земле отказано в магической функции, но не в знаковой. Акция «Горсть памяти» внешне далека от описанного в статье обряда сохранения земли как зорока и обязательного возвращения земли, да и санкционированное действие, безусловно, не является укоренившимся обычаем. Однако очевидно, что, как и всякое использование земли с захоронения, оно опирается на идею символического присутствия умершего в земле. Поскольку сами воевавшие по прошествии лет уже перешли в статус предков, соединение вместе земли, содержащей их прах, понимается как квинтэссенция своего пространства, мощное хранилище памяти.

Таким образом, анализ военной поэзии позволяет говорить о сохранении в советской культуре большинства обычаев, связанных с землей. В ситуации перехода своей земли к врагу, приобретения ею статуса чужой на основе народных верований формируется (как предание или как практика) новый обычай. Его структурными компонентами являются обретение горсти земли в момент боя, актуализация

обычая при переходе земли к врагу, возможность замены земли иным предметом, утрата связи с похоронным обрядом, клятва земле и, главное, необходимость вернуть горсть земли, то есть условием исполне-

ния обряда, по существу, является победа над врагом. Характерно, что обычай не имеет магической составляющей и четких личных целей, а связан со знаковым воплощением патриотических ценностей.

Библиографический список

1. Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. CXI-CXII. № 3-4. С. 42-80.
2. Гудзенко С. Стихи и поэмы. Москва : Воениздат, 1956. 272 с.
3. Живанович М. Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы // Столетие двух эмиграция. 1919-2019. Москва : Институт славяноведения РАН ; Белград : Информатика. С. 163-178.
4. Кирсанов С. Стихи войны. Москва : Советский писатель, 1945. 134 с.
5. Лирика 40-х годов. Фрунзе : Кыргызстан, 1977. 768 с.
6. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург : Полисет, 1994. 446 с.
7. Мороз А. «От земли уродиться да в землю ложиться...» // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 392-400.
8. Патриотическая акция «Горсть памяти» пройдет 22 июня во всех регионах России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6570502>. (Дата обращения: 22.05.2020).
9. Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. Москва ; Ленинград : Academia, 1934. 486 с.
10. Рыленков Н. Стихотворения и поэмы. Москва : Гослитиздат, 1956. 335 с.
11. Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Советский писатель, 1982. 623 с.
12. Скитер Е. М. Чудотворна ли «земелька с могилки»? URL: http://halkidon2006.orthodoxy.ru/sueverie/Zemlya_s_mogily.htm. (Дата обращения: 22.05.2020).
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. Москва : Международные отношения, 1999. 697 с.
14. Соболев А. Обряд прощания с землей перед исповедью. Заговоры и духовные стихи. Владимир: тип. Губ. правл., 1914. 40 с.
15. Соловьев Л. В. Севастопольский камень. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=264769&p=1>. (Дата обращения: 22.05.2020).
16. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва : Гнозис, 1994. 608 с.

Reference List

1. Bogatyrev P. G. Verovaniya velikorussov Shenkurskogo uezda = The beliefs of Great Russians of Shenkursky county // Jethnograficheskoe obozrenie. 1916. Kn. CXI-CXII. № 3-4. S. 42-80.
2. Gudzenko S. Stihi i pojemy Poems an verses. Moskva : Voenizdat, 1956. 272 s.

3. Zhivanovich M. Chemodan russkogo bezhenca: gorst' rodnoj zemli, knigi, ikony = A case of a Russian refugee : a handful of earth, books, icons // Stoletie dvuh jemigracija. 1919-2019. Moskva : Institut slavjanovedenija RAN ; Belgrad : Informatika. S. 163-178.
4. Kirsanov S. Stihi vojny = The poems of war. Moskva : Sovetskij pisatel', 1945. 134 s.
5. Lirika 40-h godov = The lyrics of the 40-s. Frunze : Kyrgyzstan, 1977. 768 s.
6. Maksimov S. V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila = Devilry, unknown and cross power. Sankt-Peterburg : Poliset, 1994. 446 s.
7. Moroz A. «Ot zemli urodit'sja da v zemlju lozhit'sja...» = "From earth to be born and to the earth to lie" // Otechestvennye zapiski. 2004. № 1. S. 392-400.
8. Patrioticheskaia akcija «Gorst' pamjati» proidet 22 ijunja vo vseh regionah Ros-sii = Patriotic action "A handful of memory" will take place on the 22of June in all Russian regions. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6570502>. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
9. Pryzhov I. G. Ocherki, stat'i, pis'ma = Essays, articles, letters. Moskva ; Leningrad : Academia, 1934. 486 s.
10. Rylenkov N. Stihotvorenija i pojemy = Poems and verses. Moskva : Goslitizdat, 1956. 335 s.
11. Simonov K. M. Stihotvorenija i pojemy = Poems and verses. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1982. 623 c.
12. Skiter E. M. Chudotvorna li «zemel'ka s mogilki»? = Is the earth from the grave miraculous?. URL: http://halkidon2006.orthodoxy.ru/sueverie/Zemlya_s_mogily.htm. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
13. Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar'. T. 2. = Slavic ancient materials. Ethnolinguistic dictionary. V. 2. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. 697 s.
14. Sobolev A. Obrjad proshhanija s zemlej pered ispoved'ju. Zagovory i duhovnye stihi = Rite of passage with the earth before cofession. Conversation and spiritual poems. Vladimir: tip. Gub. pravl., 1914. 40 s.
15. Solov'ev L. V. Sevastopol'skij kamen' = Sevastopol stone. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=264769&p=1>. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
16. Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury = Chosen works . V. 1. Semiotics of history . Semiotics of culture. Moskva : Gnozis, 1994. 608 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ван Ляньцэн – кандидат педагогических наук, доцент Юго-Западного университета г. Чунцин. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бейбей, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: wangliancen@126.com

Воронина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». 664025 г. Иркутск, ул. Ленина, 8.

E-mail: olizhe-07@mail.ru

Гао Шаопин – доктор филологических наук, доцент Шанхайского университета иностранных языков. КНР, 200083, Шанхай, ул. Далянь (3), 550.

E-mail: 1615@shisu.edu.cn

Гуань Линли – кандидат филологических наук, преподаватель русского языка, заведующий кафедрой вторых иностранных языков Гуандунского второго педагогического института. 510000, г. Гуанчжоу, ул. Синьгангдун, д. 351.

E-mail: glinli@yandex.ru

Ерохин Василий Леонидович – кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета. 150001, КНР, г. Харбин, ул. Нантун, 145.

E-mail: basilic@list.ru

Коржова Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, д. 1.

E-mail: clean24@yandex.ru

Пономарева Маргарита Гелиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: mgstepanova@mail.ru

Се Чэю – доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: xiezhou1234@163.com

Страдина Елена Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры дополнительного образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.108/1.

E-mail: stradinaea@yandex.ru

Мир русскоговорящих стран

Чжан Цзэмин – магистрант Юго-западного университета КНР. КНР, 400715, г. Чунцин р. Бэйбэй у. Тяньшэн д. 2.
E-mail: 745725097@qq.com

Чжэн Тиу – доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа. 200083, КНР, г. Шанхай, ул. Далянь (3), 550.
E-mail: rudeps@shisu.edu.cn

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Wang Liancen – candidate of pedagogical sciences, associate professor of SouthWest University c. Chuntsin. 400715, China, c. Chuntsin, district Beibei, ct. Tjanshen, h.2.

E-mail: wangliancen@126.com

Olga Yurjevna Voronina – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of East Asian and Asia-Pacific Regional Studies of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media communication of Irkutsk State University. 664025, Irkutsk, Lenin Street, 8.

E-mail: olizhe-07@mail.ru

Gao Shaoping – doctor of philological sciences, Associate Professor of Shanghai International Studies University. China, 200083, Shanghai, Dalian Road (W), 550.

E-mail: 1615@shisu.edu.cn

Guan LinLi – candidate of philological sciences, teacher of Russian, the head of second foreign languages Department of Guangdong second University of Education. 510000, Guangzhou, 351 Xingangdong street.

E-mail: glinli@yandex.ru

Erokhin Vasilii Leonidovich – candidate of economic sciences, associate professor of School of Economics and Management, Harbin Engineering University. 150001, China, c. Harbin, st. Nantong, 145.

E-mail: basilic@list.ru

Korzhova Inessa Nikolaevna – candidate of philological sciences, doctoral student of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process Department of «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Lenins Hills, Lomonosov Moscow State University, 1.

E-mail: clean24@yandex.ru

Ponomareva Margarita Gelievna – candidate of philological sciences, associate professor of Journalism and Publishing Department of “Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky”. 150000. c. Yaroslavl, h. 108/1.

E-mail: mgstepanova@mail.ru

Xie Zhou – doctor of philological sciences, professor, director of the center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China, Dean of the Faculty of the Russian Language of the Institute of Foreign Languages of Southwest University in Chongqing, the People's Republic of China. China, 400715, Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality.

E-mail: xiezhou1234@163.com

Stradina Elena Aleksandrovna – candidate of political science, associate professor of the department of additional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: stradinaea@yandex.ru

Мир русскоговорящих стран

Zhang Zeming – master Degree Candidate of the Southwest University Southwest University. China, 400715, Tiansheng road, № 2, Beibei.

E-mail: 745725097@qq.com

Zheng Tiwu – doctor of philological sciences, professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL. 200083, People's Republic of China, Shanghai, Dalian (3) Street, 550.

E-mail: rudeps@shisu.edu.cn

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 08-00-05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образование, 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27-48]), Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый

источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % приветствуется. Во всех источниках должны быть проставлены: страницы, год выпуска, город и издательство.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению ре-

дакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

---

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2020 – № 2 (4)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – С. Л. Круглова

Объем 14,25 п. л., 6,81 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.

Заказ № 60. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 25.06.2020

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44